

И. О. Сурмина

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Изучение биографии Александра Невского издавна привлекало отечественных историков. Вместе с тем историография этого выдающегося полководца и государственного деятеля Древней Руси не была объектом специального исследования¹.

Первые попытки оценить личность и деяния князя Александра Ярославича встречаются уже в летописях и других памятниках XIII–XIV вв. В массовом историческом сознании русского народа образ Александра Невского рано приобрел религиозное значение. Вскоре после смерти князя началось местное почитание его во Владимире², было составлено его «Житие». Защита православной Руси от врагов-иноверцев рассматривалась как религиозный долг князей. Успехи на этом поприще в сочетании с праведной жизнью оценивались как доказательство святости князя, как свидетельство особого Божьего благоволения к нему. В XIV–XV вв., задолго до официальной канонизации (1547 г.), «Житие Александра Невского», прославляющее князя как святого, было известно во многих русских городах – в Москве, Новгороде, Пскове. Имеются сведения о том, что уже с XIV в. к Александру обращались накануне сражений с врагом как к святому покровителю русского воинства³. Заслуги Александра Невского в борьбе с внешними врагами признавали в XIV–XV вв. и в Москве, и на северо-западе Руси (в Пскове и Новгороде), что проявлялось в летописях и других исторических сочинениях того времени. Об Александре вспоминали в связи с победами, с ним сравнивали отличившихся полководцев.

Правда, новгородцы, признавая заслуги Александра Невского в защите Русской земли, долго вспоминали и о нарушении этим князем новгородских прав, что отразилось в договорных грамотах конца XIII – начала XIV в.⁴ В московских же летописных сводах во всех конфликтах с Александром повинными объявлялись сами новгородцы⁵.

Во время объединения русских земель интерес к личности Александра Невского был связан и с тем, что этот прославленный полководец был князем владимирским, киевским и новгородским. Московские князья, а впоследствии и цари, являвшиеся потомками Александра Невского, опирались на его авторитет для обоснования своего права на власть над всеми русскими землями. Составители московских летописных сводов второй половины XV в. (в частности, Софийской I летописи) изображали Александра как князя всей Русской земли, предшественника московских князей⁶. Власть Невского в Новгороде они представляли в соответствии с понятиями о великокняжеской власти, сложившимися в их время.

¹ Когда настоящая статья была уже в портфеле редколлегии, в журнале «Ab Imperio» вышла статья Ф. Б. Шенка «Политический миф и коллективная идентичность: миф Александра Невского в российской истории (1263–1998)», в которой тема рассматривается в политологическом аспекте. – *Прим. ред.*

² См.: Шляпкин И. А. Иконография святого и благоверного великого князя Александра Невского. Пг., 1915. С. 8.

³ См.: Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 21, СПб., 1908, ч. 1. С. 293.

⁴ См.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. С. 9, 11.

⁵ См.: ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 278; ПСРЛ. Т. 21, ч. 1. С. 248, 290, 291.

⁶ См.: ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 174–191.

В новгородских же летописных сводах XV в. особая роль в русской истории отводится Новгороду, при этом не забыт и князь Александр. По мнению новгородских книжников, именно от Новгорода, уцелевшего во времена Батыева нашествия, началось возрождение Руси: Новгород сохранил для Руси княжескую династию; из Новгорода Великого пришел на княжение в разоренный татарами Владимир храбрый Александр Ярославич Невский, уже прославившийся своими победами над немцами. От Александра пошло великое княжение Московское⁷. Таким образом, проводилась мысль, что Новгород Великий имеет преимущество перед Москвой, что именно Новгороду обязаны московские князья своим возвышением.

В XVI в., когда Россия вела тяжелые войны на востоке и на западе, когда в стране утверждалась самодержавная власть, к Александру Невскому обращались как к небесному покровителю русского воинства, вспоминали о славе его побед, на авторитет князя опирались его потомки для обоснования своих прав на царствование. После собора 1547 г., на котором Александр Невский был официально причислен к лику святых, создаются новые редакции «Жития» князя, характерными особенностями которых являются попытки удалить из текстов не совсем подходящие для агиографического произведения эпизоды или переделать их в соответствии с правилами церковного жития. Памятники XVII в., содержащие сведения об Александре Невском, в основном сохраняют те же тенденции.

Вообще в XIV–XVII вв. личность великого князя-полководца была популярна и в массовом историческом сознании, и в сочинениях ученых книжников и публицистов. Высоко оценивались победы Александра над врагами. Князя называли Невским, Храбрым, Великим, Божественным, сравнивали с древними царями и героями. Во Владимире, а затем в Москве почитание Невского было большим, чем в Новгороде и Пскове, хотя главные победы, прославившие Александра, были одержаны в тот период, когда он являлся новгородским князем. Оценка Александра Ярославича как героя царствующего дома отразила политическую борьбу Москвы и Новгорода в период объединения Руси.

В первой четверти XVIII в. исторические знания были поставлены на службу абсолютизму. Своей главной задачей авторы этого времени считали историческое описание и прославление деятельности Петра I, а также ее историческое обоснование. Для подтверждения прав России на Прибалтику прибегали и к авторитету Александра Невского. Он был объявлен святым покровителем вновь отвоеванных невских берегов. В 1710 г. в Петербурге, вскоре ставшем столицей Российской империи, был основан Александро-Невский монастырь, куда были перенесены мощи «страдальца за землю Русскую» князя Александра.

23 ноября 1718 г. крупнейший идеолог абсолютизма и видный историк петровского времени Феофан Прокопович произнес в Петербургском Александро-Невском монастыре «Слово в день святого благоверного князя Александра Невского». Прокопович отметил, что Невский княжил в тяжелые для Руси времена, обратил внимание на большие заслуги князя в борьбе за единство Руси, на его победы над внешними врагами и мудрое управление внутренними делами государства, сравнивал его с кормчим, который в «лютая оная времена... корму держал отечества своего» и «в таковом волнении корабль цел сохранил»⁸.

⁷ «И по Батыи приде на великое княжение из Новаграда великого сын Ярославль, внук Всеволожь, правнук Юрьев Долгие Руки, в град Володимерь Александр великий, храбрыи, Невьскый, иже ему была брань шестью с Немци, и поможе ему Бог, и короля уби; и того ради князи русстии держат честно имя великого князя Александра Ярославича, внука Всеволожа. И от сего великого князя Александра пошло великое княжение Московьское» (Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 468.)

⁸ Прокопович Ф. Сочинения. Л., 1961. С. 100.

Сравнение Александра Невского с кормчим, «державшим корму своего Отечества», создает впечатление, что Александр был общерусским князем. Феофан Прокопович прямо называет его «государем российским». Политическая направленность речи проявилась в прославлении Александра за победу над шведами на реке Неве. В своем историко-публицистическом выступлении Ф. Прокопович останавливался лишь на тех сторонах деятельности Александра Невского, которые перекликались с современностью. Очевидно, поэтому он даже не упоминал о борьбе с немецкими рыцарями и о битве на Чудском озере, о политике Александра Ярославича по отношению к Золотой Орде, очень глухо упоминал о татаро-монгольском иге⁹.

О наиболее значительных событиях в жизни Александра Невского кратко повествуется и в труде современника Феофана А. И. Манкиева «Ядро Российской истории»¹⁰.

Дальнейшее освещение деятельности Александра Невского нашла в «Истории Российской с самых древнейших времен» В. Н. Татищева – крупнейшего историка первой половины XVIII в. В этом труде, написанном в форме летописного свода, биография князя Александра изложена главным образом по Никоновской летописи¹¹, содержащей наиболее подробное повествование о Невском, сочетающее сведения «Жития» и различных летописей. В связи с поворотом русской историографии того времени к чисто светским сюжетам, сообщения о чудесах, восходящие к «Житию Александра Невского» и читающиеся во многих летописных сводах, в повествовании В. Н. Татищева (как и у А. И. Манкиева) опущены. Однако использование при рассказе об Александре лишь поздних летописных сводов не позволило историку выявить многочисленные дублирования и ошибки, имевшиеся в Никоновской летописи, и они перешли из этого памятника в его труд. Порой В. Н. Татищев просто пересказывал свой источник. Например, описывая Ледовое побоище, он вслед за летописцем повторяет: «Слышах же сие от самовидца, бывшего тогда тамо и поведаша ми»¹². Однако во многих сообщениях заметно стремление дополнить и пояснить летописный рассказ своими догадками и предположениями (о составе шведского войска, о событиях, предшествующих Ледовому побоищу, о поездках князей в Орду для разрешения споров между ними и др.)¹³ В результате осмысления В. Н. Татищевым летописных сообщений, видимо, появились и те относящиеся к биографии Александра Невского сведения, которые имеются в «Истории Российской», но отсутствуют во всех дошедших до нас летописях (дата рождения Александра Невского, известие о споре за великое княжение между сыновьями Ярослава Всеволодовича после смерти последнего, сообщение о выпрашивании Александром ярлыка у хана и о его жалобах на своего брата Андрея и др.) На основании изучения летописного материала В. Н. Татищев дал более полный и связный рассказ о деятельности Александра Невского, чем его предшественники.

⁹ В «Родословии великих князей и царей российских» Ф. Прокопович также отмечал победу на Неве, за которую Александр был прозван Невским, но умалчивал о Ледовом побоище. (см.: *Моисеева Г. Н.* Печатное «Родословие» Феофана Прокоповича // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1979. С. 45.)

¹⁰ См.: *Манкиев А. И.* Ядро Российской истории. М., 1770. Кн. 3.

¹¹ См.: *Клосс Б. М., Корецкий В. И.* В. Н. Татищев и начало изучения русских летописей // Летописи и хроники. М., 1980. С. 10.

¹² *Татищев В. Н.* История Российская. М.;Л., 1965. Т. 5. С. 33.

¹³ Дополняя своими догадками летописные известия, В. Н. Татищев, видимо, руководствовался своими выводами о том, что «пишущему свою историю в те времена, как что делалось, все помогающее или препятствующее от посторонних известно быть не могло... Писатели за страх некоторые весьма нужные обстоятельства настоящих времен принуждены умалчать или пременить и другим видом изобразить...» (*Татищев В. Н.* Указ. соч. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 81.)

Правда, реконструируя некоторые события на основании косвенных данных, он не избежал отдельных ошибок.

Дело В. Н. Татищева в описании российской истории продолжил М. В. Ломоносов. Он писал об Александре Невском не много, однако в его сочинениях имеются самостоятельные выводы и оценки заслуг выдающегося государственного деятеля и полководца. Так, в проекте надписи на раке мощей русского князя и в «Кратком Российском летописце» М. В. Ломоносов отмечал дальновидность политики Невского, подчеркивал его заслуги в умиротворении Золотой Орды и пресечении агрессии с Запада.

Следующий шаг в изучении деятельности Александра Невского был сделан крупнейшим дворянским историком XVIII в. М. М. Щербатовым в «Истории российской с древнейших времен» – первом обобщающем труде по русской истории, написанном не в форме летописного свода, а как историческое исследование в современном значении этого слова.

М. М. Щербатов не просто пересказывал, но в духе прагматической историографии XVIII в. исследовал источники, порой согласовывая и объясняя их противоречивые сведения, стремился найти причины событий (правда, иногда придавал излишнее значение морально-психологическим мотивам). Он первый из русских историков сделал попытку восстановить ход Ледового побоища на основе анализа летописей, что в основном ему удалось. Однако историк не смог по-настоящему оценить полководческое искусство князя Александра и обращал внимание главным образом на личную храбрость Невского. М. М. Щербатов полагал, что по отношению к Орде Александр Ярославич проводил мирную политику. Он отмечал заслуги этого князя в предотвращении татарских нашествий. В частности, высоко оценивал мужество Александра, отправившегося в 1263 г. к хану просить о прощении вины за восстание против «бесермен» и об освобождении от требования дать воинов. Подводя итоги деятельности Александра Невского и оценивая его заслуги, М. М. Щербатов отмечал, что этот князь «толь великую имел мудрость в правлении, что не взирая на тогдашнее разорение России, нашел способ себя учинить почтенна Татарам и страшна Немцам, Шведам и Литовцам»¹⁴. Хотя у М. М. Щербатова имеется ряд неточностей, его вклад в изучение деятельности Александра Невского был значительным.

Наиболее рельефное отражение деяния Александра Ярославича получили в «Истории Российского» Н. М. Карамзина. Рассказ о подвигах князя Александра написан ярко, прекрасным литературным языком. Но за легкостью и красотой изложения материала скрывается огромная работа, проделанная исследователем при анализе и сопоставлении сведений многочисленных источников, установлении достоверных фактов из биографии Невского, исправлении ошибок, допущенных предшественниками. Повествование Н. М. Карамзина построено на фактах, извлеченных из многочисленных источников, а не на собственных догадках. Кроме русских летописей, он привлекал сведения из различных документов: немецких хроник, папских посланий, исландских саг, сочинений иностранных путешественников. Многие из этих источников были известны и его предшественникам¹⁵, но лишь Карамзину удалось их использовать более полно и удачно согласовать со сведениями русских летописей, уместно вплести в общую канву повествования. Ведущее место среди материалов для описания княжения Александра Невского занимают, конечно, русские летописи. Использование ранних списков (Новгородской 1-й летописи старшего извода, Лаврентьевской и

¹⁴ Щербатов М. М. История российская с древнейших времен. СПб., 1774. Т 3. С. 90.

¹⁵ Уже В. Н. Татищеву были известны исландские саги и сочинения Дж. Плано Карпини.

Троицкой летописей)¹⁶ и критический подход к источникам (Н. М. Карамзин доверял далеко не всем фактам, приводимым в поздних летописях, таких, как Никоновская и Устюжская) позволили исследователю исправить многие ошибки, допущенные составителями поздних летописных сводов и историками XVIII в., установить правильную последовательность некоторых событий, в изложении которых прежде допускались неточности. Так, Н. М. Карамзин восстановил правильную последовательность событий, относящихся к войне Пскова и Новгорода с Ливонским орденом в 1240–1242 гг.¹⁷, в описании которых и в летописных сводах конца XV–XVI вв., и в сочинениях В. Н. Татищева и М. М. Щербатова имелись многочисленные ошибки. Н. М. Карамзин исправил и другую ошибку, восходящую к поздним летописным сводам: в отличие от В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, И. Д. Беляева и некоторых других историков, он справедливо писал о битвах с литовцами в 1245 г. (у Торжка и Торопца) и о битве с литовцами, о которой повествуется в «Житии Александра Невского», как об одном и том же событии.

Н. М. Карамзин, подобно своим предшественникам, В. Н. Татищеву и М. М. Щербатову, рассматривал историю как деяния славных или бесславных мужей Отечества, искал в событиях прошлого примеры для наставления людей в их практической деятельности. Александр Невский предстает в повествовании Н. М. Карамзина как один из наиболее замечательных героев русской истории – храбрым воином, талантливым полководцем, мудрым правителем страны, заботящимся о благе народа и способным на самопожертвование ради Отечества. Не ускользнули от внимания Н. М. Карамзина и переговоры, которые вел Невский с норвежским королем Гаконом, «желая оградить безопасностью северную область Новгородскую»¹⁸. Относительно восточной политики Александра Ярославича Н. М. Карамзин в основном поддержал точку зрения М. М. Щербатова. Он видел заслугу Александра Невского в том, что этот князь умел несколько смягчить татарский гнет.

Монархические взгляды Н. М. Карамзина проявились в преувеличении власти Александра Невского как новгородского князя. Кроме того, он стремился как можно больше оправдать Александра в отношении его ссор с новгородцами.

Некоторые вопросы, связанные с жизнью и деятельностью Александра Невского, были затронуты в «Истории русского народа» Н. А. Полевого, подвергнутого критике «Историю» Н. М. Карамзина. По мнению Н. А. Полевого, история Новгорода в период княжения Невского вообще не представляла ничего достопамятного, победы на Неве и на Чудском озере не были значительными, восточная политика Невского сводилась лишь к умилостивлению монголов покорностью, не давшему ощутимых результатов, а народ, по его словам, благословлял и любил Александра лишь за одно старание спасти Русь¹⁹. Наиболее ценным наблюдением Н. А. Полевого, относящимся к изучению биографии Александра Невского, является четкое разграничение летописных данных о князе и

¹⁶ Лаврентьевская и Троицкая летописи были введены в научный оборот впервые Н. М. Карамзиным, В. Н. Татищеву и М. М. Щербатову они не были известны (см.: *Муравьева Л. Л.* Летописные источники «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина // *Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода.* М., 1982. С. 4–36.)

¹⁷ См.: *Карамзин Н. М.* История Государства Российского. СПб., 1830. Т. 4. С. 28–29.

¹⁸ *Карамзин Н. М.* Указ. соч. С. 75.

¹⁹ Возможно, такие резкие высказывания были вызваны стремлением доказать несостоятельность труда Н. М. Карамзина. По крайней мере, имеющиеся в работе Н. А. Полевого описания взятия немцами Изборска и водворения их во Пскове, захвата Водской земли и продвижения к Новгороду заставляют усомниться в незначительности немецкой угрозы и маловажности победы над ливонскими рыцарями. А сообщение Н. А. Полевого о том, что в час беды новгородцы просили на княжение именно Александра, поскольку его брат Андрей не смог бы справиться, как будто свидетельствует о несправедливости отрицания способностей Невского как полководца.

сведений из «Жития», вошедших во многие летописные своды. Полевой упрекал Н. М. Карамзина за использование в качестве источника этого агиографического памятника, в котором подвиги Александра разукрашены воображением современников²⁰. Сам он писал о Невской битве и Ледовом побоище исключительно по летописным сведениям, однако все же не проявил последовательности в отношении к «Житию» и цитировал по этому памятнику слова Батыя, сообщения о смерти и погребении Невского²¹. Кроме критического отношения к «Житию» в работе Н. А. Полевого имеются и некоторые другие интересные замечания. Однако бросаются в глаза и существенные ошибки в изложении некоторых фактов, свидетельствующие о недостаточно высоком уровне знаний автора об исторической обстановке XIII в.

Значительное внимание уделено Александру Ярославичу в «Русской истории» петербургского профессора Н. Г. Устрялова. Правда, целостная биография древнерусского князя в этой работе не представлена, и его деятельность рассматривается лишь в связи с историческими событиями XIII в. Значение деяний Александра Невского для России, по мнению Н. Г. Устрялова, заключается в том, что этот князь своими победами над западными агрессорами и умиротворением ордынских ханов сумел отстоять государственность Руси и самобытность русского народа, сохранить православную веру²². Хотя работа Н. Г. Устрялова не лишена ошибок, уже отмечавшихся в отечественной историографии²³, но именно он поставил вопросы (например, о роли римской курии в организации агрессии против Руси), на которые другие историки XIX в. отвечали по-своему, поправляя его недочеты и развивая ценные наблюдения.

В середине XIX в. специальную биографическую работу об Александре Невском написал профессор Московского университета И. Д. Беляев, известный своими славянофильскими взглядами. Он отмечал заслуги князя Александра как полководца, причем обращал внимание на то, что Невскому было труднее бороться с врагами, чем предыдущим князьям, так как немцы, шведы и литовцы в то время окрепли, а Новгород находился в одиночестве²⁴. По мнению И. Д. Беляева, победы над шведскими и немецкими захватчиками были особенно важны, поскольку «покориться таковым врагам... значило... народ и страну погубить на веки, без всякой надежды хотя на позднее освобождение»²⁵. Наряду с Невской битвой и Ледовым побоищем историк отмечал и другие военные успехи князя Александра: битвы с литовцами, а также поход на Финляндию в 1256 г., после которого шведы в течение 37 лет не осмеливались нападать на новгородские владения.

Много внимания уделял И. Д. Беляев отношениям Александра Невского с Ордой. Подобно М. М. Щербатову и Н. М. Карамзину, он полагал, что Невский проводил мирную политику по отношению к Орде и успешно отстаивал Русь от татар. Важнейшей заслугой Александра Ярославича историк считал то, что князь добился особого положения Руси по отношению к Орде и этим «спас народность России»²⁶. Вступая в полемику с В. Н. Татищевым, И. Д. Беляев отрицал использование Александром татарской помощи в борьбе за великокняжескую

²⁰ Впрочем, Н. М. Карамзин прекрасно отличал «Житие» от летописи, о чем свидетельствует его подход к событиям 1245 г. (см.: *Карамзин Н. М.* Указ соч. Т. 4. С. 32.)

²¹ См.: *Полевой Н. А.* История русского народа. М., 1833. Т. 4. С. 182, 192–193.

²² См.: *Устрялов Н. Г.* Русская история. СПб., 1855. Ч. 1. С. 121–129.

²³ См.: *Шаскольский И. П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 147–148, 171.

²⁴ См.: *Беляев И. Д.* Великий князь Александр Ярославич Невский // *Временник Московского общества истории и древностей.* М., 1849. Кн. 4. С. 5–6.

²⁵ Там же. С. 6.

²⁶ Там же. С. 27.

власть и доказывал, что «Неврюева рать» не могла быть послана на Русь по просьбе Александра Невского²⁷.

В соответствии со своими славянофильскими воззрениями И. Д. Беляев стремился показать близость князя к народу, содружество народа и власти. Он старался сгладить противоречия Александра с новгородцами, подчеркнуть любовь народа к своему князю: «Весь склад рассказа о подвигах Александра, по всем летописям, ясно свидетельствует, что этот князь пользовался такою же народностью у современников, как и давний предок его Великий Владимир, и его также сравнивали с солнцем Русской земли»²⁸. И. Д. Беляев особо выделял умение князя Александра ладить с новгородцами; одной из важнейших причин его побед считал то, что он мог «ободрить» новгородцев. Монархизм, свойственный взглядам славянофилов, проявился в явной идеализации князя²⁹. Сказалась и религиозность: И. Д. Беляев даже цитирует по «Житию» молитвы Александра Ярославича в Софийском соборе; он неоднократно отмечает, что Невский был благочестивым христианином.

Положительной стороной работы И. Д. Беляева является сам факт специального исследования биографии Александра Невского, отдельные верные замечания. Однако подчинение фактов славянофильской идее единства монархии и народа снижает ценность исследования. Следует отметить также, что в описании конкретных фактов И. Д. Беляев допустил некоторые восходящие к поздним летописным сводам ошибки, исправленные еще М. М. Щербатовым и Н. М. Карамзиным³⁰.

Заметное место отводил князю Александру в своей «Истории России с древнейших времен» крупнейший русский историк XIX в. С. М. Соловьев. Он считал Невского «самым видным историческим лицом в нашей истории – от Мономаха до Донского»³¹.

Главной задачей исследователя было рассмотрение процесса «перехода родовых княжеских отношений в государственные», поэтому он уделял большое внимание отношениям Александра Невского с другими русскими князьями, с Новгородом и с Ордой. А о Невской битве и Ледовом побоище писал кратко, хотя и высоко оценивал значение этих побед, отмечая, что Новгород и Псков были преимущественно обязаны Невскому тем, что в 40-х гг. XIII в. выдержали удары немцев, шведов и литовцев³².

Развивая свою концепцию, С. М. Соловьев придавал особое значение борьбе за великое княжение владимирское и утверждение нового права наследования престола. Он прослеживал этапы борьбы за власть между братом и сыновьями Ярослава Всеволодовича, отмечая при этом несколько случаев захвата великого княжения не по праву старшинства (благодаря лишь преимуществу в силе) и обвиняя Александра Невского в использовании татарской помощи в борьбе за власть. Однако источниками данных построений являются в первую очередь

²⁷ По расчетам И. Д. Беляева, Александр едва ли мог приехать в Орду до того, как татарское войско уже было готово к нашествию.

²⁸ Беляев И. Д. Великий князь... С. 4.

²⁹ В более поздней работе И. Д. Беляева – «Рассказах из русской истории» (М., 1864, кн. 2) – в книге, посвященной истории Великого Новгорода, уже нет такой идеализации Александра Невского, нет и многих ошибок, имевшихся в первой работе.

³⁰ Так, в частности, почерпнув ошибочные известия из некоторых поздних летописных сводов, И. Д. Беляев сделал вывод о том, что впервые в Орде Александр Ярославич побывал еще зимой 1241–1242 г., сразу после взятия Копорья, а немцы, воспользовавшись его отсутствием, захватили тогда Псков.

³¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения: В 18 кн. М., 1993. Кн. 2., т. 3. С. 182.

³² См.: Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 2, т. 3. С. 173.

поздние летописные своды (такие, как Воскресенская и Никоновская летописи), а также сочинение В. Н. Татищева. Полагая, что татарское нашествие не прервало естественную нить событий, С. М. Соловьев недооценивал власть татаро-монголов над русскими землями и не придавал значения политике золотоордынских ханов в отношении Руси, считая татар лишь орудиями для русских князей в борьбе за власть³³. Это проявилось и в оценке историком событий 1246–1252 гг. В частности, он полагал, что Александр Невский в 1252 г. мог бы умилостивить хана, если бы захотел: «Если бы он не был против брата, то почему не умилостивил Сартака, как умилостивлял его (!) по случаю восстаний народных?»³⁴ Вообще С. М. Соловьев считал, что Александр Невский проводил по отношению к Орде мирную политику и даже умел использовать татар для укрепления своих позиций на Руси. Сравнивая Александра Невского с его современником, галицким князем Даниилом, С. М. Соловьев отметил сходство в их деятельности и считал, что Александр вел более правильную политику по отношению к Золотой Орде, причем «неудача предприятий Данииловых служит самым лучшим объяснением постоянной покорности Александровой и выставляет с выгодной стороны проницательность и осторожность внука Всеволода III»³⁵.

С. М. Соловьев уделял большое внимание усилению власти Александра Невского и его отношениям с другими русскими князьями и с Новгородом. Исследователь отмечал роль Невского в утверждении сильной великокняжеской власти, считая его продолжателем политики Всеволода Большое Гнездо и предшественником Ивана Калиты³⁶. Так, в отношении Новгорода, по мнению С. М. Соловьева, Александр шел по следам предков – Всеволода Большое Гнездо и Ярослава Всеволодовича, а причинами ссор Невского с новгородцами, по его мнению, были попытки князя усилить в Новгороде свою власть.

Вообще С. М. Соловьев стремился трезво, беспристрастно оценить события, связанные с деятельностью Невского. В частности, он справедливо отрицал заслугу Александра в избавлении православного духовенства от проводимой татарами на Руси переписи, не пытался оправдать действия князя во время ссор последнего с новгородцами в 50-х гг. XIII в.

Известный историк второй половины XIX в. Н. И. Костомаров поместил биографию Александра Невского³⁷ в своем популярном труде «Русская история в жизнеописаниях ее виднейших деятелей». К образу выдающегося полководца Древней Руси он обращался и ранее в монографии «Северно-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада»³⁸.

Рассматривая факты из жизни Невского на фоне событий XIII в., Н. И. Костомаров отмечал понимание князем Александром задач времени и успешное их решение. В первые годы своего княжения Александр Ярославич отразил нападения с Запада, являвшиеся звеньями цепи уходящих в глубь веков конфликтов германцев и славян. Победы на Неве и на Чудском озере, по мнению историка, спасли Новгород и Псков от иноземного завоевания и от участи, постигшей прибалтийских славян. Сопrotивляться же татаро-монгольским завоевателям, считал Костомаров, было тогда невозможно, и Александр Невский проводил политику полного подчинения Орде, рабской покорности татарскому

³³ См.: Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. 1, т. 1. С. 11.

³⁴ Там же. Кн. 2, т. 3. С. 371.

³⁵ Там же. С. 215.

³⁶ См.: Там же. С. 497.

³⁷ См.: Костомаров Н. И. Александр Ярославич Невский // Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее виднейших деятелей. СПб., 1912. Т. 1, кн. 1.

³⁸ См.: Костомаров Н. И. Северно-русские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. СПб., 1886. Т. 1, 2.

хану, что не противоречило интересам самого князя, пытавшегося при поддержке Орды укрепить свою власть над северо-востоком и северо-западом Руси.

В связи со своей концепцией (содержание русского исторического процесса он видел в борьбе демократического федерально-вечевого начала с монархическим началом централизации и единодержавия) Н. И. Костомаров много внимания уделял проблемам взаимоотношений князя с Новгородом, причинам усиления великокняжеской власти. Политику Александра Невского по отношению к Новгороду он рассматривал как принципиально новое явление, в корне отличающееся от политики предыдущих князей. Он отмечал, что в проявлении могучей воли Александра «слышались уже предвестники дальнейшего наложения на Новгород великокняжеской руки»³⁹. Причинами такого усиления власти Невского в Новгороде Н. И. Костомаров считал поддержку хана, выплату Новгородом дани Орде, а также личные качества этого князя и его заслуги перед Новгородом.

В целом Н. И. Костомаров несколько принижает роль Александра Невского как полководца и дипломата, всю его политику по отношению к Орде сводит к одной лишь рабской покорности. Александр в его изображении примечателен в первую очередь умелым использованием обстоятельств для подавления демократических начал и укрепления великокняжеской власти.

Отрицательной стороной работ этого историка является небрежное обращение с фактами, неточность в изложении материала. Так, например, вопреки сообщениям Новгородской 1-й летописи, он писал о захвате немцами Пскова еще до Невской битвы; даже в биографии Александра Невского умолчал о крупных победах над литовцами в 1245 г., а вместо этого сообщал о битвах князя (вскоре после Ледового побоища) с подвластными немцам латышами. Совершенно необоснованно, противореча всем имеющимся источникам, Н. И. Костомаров писал, будто на Чудском озере князь Александр построил свои войска «свиньей»⁴⁰, несмотря на то что в летописях, наоборот, отмечается, что «свиньей» строились немцы.

Александр Невский не был оставлен без внимания и в работах В. О. Ключевского. Правда, в «Курсе русской истории» об Александре написано очень немного. Лишь в некоторых замечаниях, касающихся обстановки на Руси XII–XIV вв. и деятелей этого периода, историк отмечал талант Невского и ставил его выше других князей⁴¹. В. О. Ключевский также положил начало изучению «Жития Александра Невского» как исторического источника, и многие его выводы не утратили значения до наших дней, хотя были развиты и дополнены другими исследователями.

Жизнь и деятельность князя Александра, причисленного к лику святых и признанного небесным покровителем столицы Российской империи, привлекала внимание и авторов, представлявших духовенство. В XIX в. продолжалось создание новых жизнеописаний Невского – в стиле, лучше воспринимаемом читателями того времени. Из работ церковных авторов наиболее значительна книга протоиерея М. И. Хитрова «Святой благоверный великий князь Александр

³⁹ См.: *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях... С. 134.

⁴⁰ См.: *Костомаров Н. И.* Северно-русские народоправства... Т. 1. С. 201.

⁴¹ «В опустошенном общественном сознании оставалось место только инстинктам самосохранения и захвата. Только образ Александра Невского несколько прикрывал ужас одичания и братского озлобления, слишком часто прорывавшегося в среде русских правителей, родных или двоюродных братьев, дядей и племянников». (*Ключевский В. О.* Курс русской истории // Сочинения. М., 1957. Т. 2. С. 43); «Племя Всеволода Большое Гнездо вообще не блесло избытком выдающихся талантов, за исключением разве одного Александра Невского», лишь на Дмитрия Донского его «борьба с Тверью, Литвой, Рязанью и Ордой, наполнившая шумом и тревогами, его 30-летнее княжение и более всего великое побоище на Дону положили яркий отблеск Александра» (Там же. С. 50.)

Ярославич Невский» (М., 1893)⁴². Это – подробная биография знаменитого древнерусского князя, изложенная в популярной форме. Историк-священник стремился представить нравственный облик Александра Невского. Герой его повествования идеализирован в соответствии с принципами агиографии.

В русской историографии конца XIX – начала XX в. возрос интерес к источниковедческой тематике. В это время вышел ряд работ, которые не были прямо посвящены Александру Невскому, но касались источников, содержащих сведения о нем: «Древнерусские жития святых как исторический источник» В. О. Ключевского (М., 1871), «Иконография святого и благоверного великого князя Александра Невского» И. А. Шляпкина (Пг., 1915), «Житие Александра Невского» В. Мансикки (СПб., 1913), «Древнерусские княжеские жития» Н. И. Серебрянского (М., 1915).

Что касается русских военных историков того же периода, то в их работах деятельность Александра Невского не получила значительного освещения. Такие авторы, как П. А. Гейсман, А. К. Пузыревский, Н. П. Михневич, не уделили внимание знаменитому полководцу, а Н. С. Голицын в своей «Русской военной истории» посвятил князю Александру лишь несколько строк. Более подробно писал о Невском А. К. Баиов. Он отмечал, что на Неве Новгородский князь разгромил врагов «благодаря стремительности... наступления, как стратегического, так и тактического, а в битве на Чудском озере победу Александру, уступавшему в числе ливонцам, дает удачный выбор позиции и умелое ведение выжидательного боя: ливонские войска, построясь клином, ударили в центр расположения Александра и прорвали его; тогда русский полководец, маневрируя своими обоими крыльями, охватил шведов (sic!) с обоих флангов и тем обратил их в бегство»⁴³.

Итак, уже историки конца XVIII – начала XIX в. на основании тщательного изучения источников об Александре Невском в основном установили те данные о нем, которыми располагает современная наука. Это было очень важно, ибо в источниках имелась масса противоречивых фактов. Начиная с середины XIX в., деятельность Александра Ярославича в работах русских историков рассматривалась в связи с общим ходом отечественной истории. Было обращено внимание на тот факт, что Невский княжил в годы, переломные в судьбе России – в то время, когда надвигалась угроза со стороны католического Запада, устанавливалось татарское иго, менялись привычные формы взаимоотношений властей. Деятельность Александра оценивалась историками в значительной степени в зависимости от того, насколько серьезным моментом в русской истории они считали татарское владычество, как относились к факту усиления великокняжеской власти. Многие авторы считали, что именно политика Александра Невского определила направление дальнейшего развития России, оградив страну от влияний Запада и способствуя сближению с Востоком, положив начало единой державии. Однако в русской дореволюционной историографии, в отличие от более позднего времени, не было слишком резких разногласий и острой полемики в оценке политики Александра Невского. Российскими историками XI – начала XX в. глубоко исследовались отношения Александра Ярославича с Новгородом, с Золотой Ордой; большое внимание уделялось дипломатической деятельности Александра Невского; были уточнены многие моменты, имеющие отношение к биографии князя.

⁴² Эта книга переиздана в 1992 г.

⁴³ Баиов А. К. Курс истории русского военного искусства. СПб., 1909. Вып. 1. С. 31.

С. А. Мезин

АНЕКДОТЫ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ КАК ЯВЛЕНИЕ РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVIII В.

Некоторой особенной род истории суть Анекдоты
Г. Р. Державин

Изучая анекдот XVIII в., исследователи обычно исходят из того, что он существенно отличался от анекдота современного, имеющего разнообразных предшественников в литературе и фольклоре XVIII столетия. Само понятие «анекдот» в то время имело более узкое значение, прямо относящееся к историографии. Забывая об этом, некоторые исследователи исторических анекдотов XVIII в. сводят воедино разные литературно-исторические явления, синтез которых произойдет позже¹. В XVIII в. издатели занимательных и нравоучительных рассказов (восходивших к фацециям и апофегмам) никогда не называли их анекдотами. Например, Н. Курганов называл такого рода рассказы «замысловатыми повестями», а не «анекдотами», под которыми он понимал другое явление — «тайные повести»². Те же, кто издавал «анекдоты» (Я. Штелин, И. И. Голиков, А. А. Нартов и др.), считали свои труды вкладом в историографию и совсем не намеревались развлекать и смешить читателей. Исторический анекдот XVIII столетия был серьезным произведением, которое следует рассматривать как вид исторического повествования. Правда, примкнув в XVIII в. к историографии, анекдот, этот «жанр-бродяга», сохранил некоторые свои особенности, сформировавшиеся еще в античной риторике: это был чаще всего рассказ об удивительном поступке или остроумном ответе³.

Греческое слово «*ανεκδοτος*» означает «неопубликованный». «*Anekdotia*» назывался посмертно опубликованный труд Прокопия Кессарийского, направленный против императора Юстиниана и его жены Феодоры (VI в.)⁴. Это название возродилось в Европе к XVIII в. Его первое определение во французском словаре Фюретьера (1690 г.) гласит: «...слово, которым пользуются некоторые историки, чтобы озаглавить истории, посвященные тайным и секретным делам монархов, то есть записки, которые вовсе не

¹ См.: Чекунова А. Е. Появление исторического анекдота в России // Вопросы истории. 1997. № 2.

² Курганов Н. Г. Российская универсальная грамматика, или всеобщее писмословие. СПб., 1769. С. 126, 414.

³ См.: Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб., 1997. С. 7.

⁴ См.: Lexikon der Alten Welt. Zuerich; Muenchen, 1995. Bd. 1. Sp. 160–161. Bd. 2. Sp. 2442–2443.

должны были увидеть свет...»⁵. Словарь Треву (1743 и 1752 гг.) пояснял, почему эти анекдоты о монархах не должны были появиться: «...потому что в них говорят слишком свободно, слишком откровенно о нравах и поведении лиц высшего ранга»⁶. В этом же смысле слово объяснено в Энциклопедии Дидро: «Анекдоты — слово, относящееся к древней и новой истории, которым греки называли дела, впервые становящиеся известными публике... Это слово употребляется в литературе для обозначения секретных историй о поступках, происходивших внутри кабинетов и при дворах монархов. Но кроме этих тайных историй, претендующих на истину, но в большинстве случаев ошибочных или, по крайней мере, подозрительных, критики именуют анекдотами все писания, какого бы они ни были жанра, которые еще не были опубликованы»⁷. Как видим, в этом определении звучит критическое отношение просветительской мысли к тайным деяниям монархов как предмету историографии. Но еще в «Trésor de la langue française» («Сокровище французского языка», XVII в.) было отмечено другое, близкое к современному, понимание анекдота как короткой забавной или пикантной истории, которая совсем не претендует на правдивость⁸. В своей исторической ипостаси анекдоты были широко распространены в Европе XVIII в. — во Франции, Германии, Англии и России⁹.

Примечательно, что русский царь Петр I стал одним из популярных героев европейских анекдотов. Британский исследователь Э. Кросс справедливо пишет о большой роли анекдотов в создании европейского образа Петра I¹⁰. Английский журнал «Spectator» помещал анекдотические статьи о Петре I еще при жизни царя. Анекдоты органически вписывались в мемуары современников, встречавшихся с русским царем (герцог Сен-Симон, кардинал Дюбуа и др.) «Анекдотами» называли свои записки о царе англичане А. Гордон и П. Г. Брюс. Под названием «Mémoires anecdotes» выходили на французском языке известные записки Ф. Х. Вебера (Гаага, 1729). Д'Алленвиль опубликовал «Анекдоты о царствовании Петра I» (Париж, 1745). Анекдоты присутствовали во многих европейских биографиях Петра, например в «Записках о царствовании Петра Великого» Ж. Руссе де Мисси (Гаага, 1725–1726, т. 1–4).

Особое место в европейской литературе подобного рода занимают «Анекдоты о царе Петре Великом» Вольтера¹¹. Ему же принадлежит оригинальное определение анекдотов: «...это узкая полоска, где подбирают остатки колосков после обильной жатвы истории; это маленькие подробности, которые долго оставались скрытыми, откуда и происходит название «анекдоты»; они интересуют публику, когда касаются знаменитых

⁵ Mervaud M. Les Anecdotes sur le czar Pierre le Grand de Voltaire: genèse, sources, forme littéraire // Studies on Voltaire and the eighteenth century. 1996. Vol. 341. P. 110.

⁶ Ibid.

⁷ Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné. Paris, 1751. Т. 1. P. 452–453.

⁸ См.: Mervaud M. Op. cit. P. 110.

⁹ См.: Montando A. Les Formes brèves. Paris, 1992; Weber V. Anekdoten. Die andere Geschichte. Tübingen, 1993; Курганов Е. Анекдот как жанр; Никанорова Е. К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века. Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск, 2001.

¹⁰ Cross A. Petrus Britannicus // Window on Russia: Papers from International conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia. Cargnano, 1994. P. 8; см. также: Cross A. Peter the Great through British eyes: perceptions and representations of the Tsar since 1698. Cambridge, 2000.

¹¹ См.: Историографический сборник. Саратов, 2001. Вып. 19.

персонажей»¹². Но у Вольтера анекдоты о Петре Великом уже становятся произведением на грани истории и литературы, миниатюрным «романом истории». В этом отношении французская литература, конечно, опережала русскую, в которой синтез исторического анекдота с литературой начнется в конце XVIII в., а своего расцвета литературно-исторический анекдот достигнет в пушкинскую эпоху¹³.

Очевидно, что само понимание анекдота было заимствовано в России из Европы. Одно из первых толкований нового слова русский читатель мог найти в переводе книги А. Делера «Анализ философии канцлера Бэкона с его жизнеописанием»¹⁴, осуществленном В. К. Третьяковским. Анекдот трактуется в этом переводе как одна из форм изложения гражданской истории: «Есть еще род особенная истории, предлагающие о тайных и сокровенных делах, содеваемых государями и называемая Анекдотами (не изданными в свет бытиями), когда автор собирает некоторое число деяний любопытства достойных и нужных, чтобы оныя исследовать не как историку, но как Философу и Политику»¹⁵. Примечательно, что анекдоты здесь выступают как «философский» жанр историографии, обязывающий автора к нравственным и политическим выводам или сентенциям. Это требование вполне отвечало духу просветительской историографии XVIII в. и, как увидим, было реализовано в русских сборниках анекдотов.

О распространенности такого понимания анекдота свидетельствует и вольное цитирование этого же отрывка в рукописи Г. Р. Державина: «Некоторой особенной род истории суть Анекдоты. В них собираются любопытныя и достойныя примечания дела, дабы их разобрать философски и политически. В них может вдаваться Автор в глубокия размышления, кои означат дарования его»¹⁶. «Словарь Академии Российской» (1789 г.) толкует слово «анекдот» как перевод с французского: «достопамятное приключение»¹⁷. Н. Яновский дал более распространенное определение: «Анекдот, гр(еч). Повесть о тайном случае, достопамятное происшествие любопытное; такие дела или происшествия, кои не были еще напечатаны. Слово сие само по себе значит дела, которые не были еще обнародованы и при произведении которых действующие желали тайности»¹⁸. О том, какой смысл русские читатели вкладывали в понятие «анекдот», свидетельствуют два варианта перевода немецкого слова «Originalanekdoten» (в заглавии книги Я. Штелина): в одном случае — «любопытные и достопамятные сказания», в другом — «подлинные анекдоты». И. И. Голиков давал следующее определение анекдотов: «Под названием Анекдотов разумеются такие повествования, которые в свет не изданы,

¹² Mervaud M. Op. cit. P. 112.

¹³ См.: Курганов Е. Литературный анекдот пушкинской эпохи. Хельсинки, 1995.

¹⁴ Analyse de la philosophie du chancelier Bacon (par Alex Deleyre) avec sa vie traduite de l'anglais (de David Mallet, par Pouillot). Т. 1–3. Amsterdam et Paris, 1755.

¹⁵ Сокращение философии канцлера Франциска Бакона. Том Первый. Переведено с фр. Васильем Третьяковским. СПб., 1760. С. 61.

¹⁶ Державин Г. Р. Избранная проза. М., 1984. С. 359.

¹⁷ Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. СПб., 1806. Ч. I. Стб. 40.

¹⁸ Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. СПб., 1803. Стб. 152–154.

и которые, следовательно, немногим только известны»¹⁹. Как справедливо, но, может быть, слишком прямолинейно подчеркивает Е. В. Анисимов, в России XVIII в. «анекдот не был разновидностью художественного произведения, литературным жанром. Анекдоты не придумывали, а записывали как устные рассказы очевидцев и участников деяний великих людей»²⁰. В пушкинскую эпоху анекдот эволюционизировал в сторону литературного жанра и, как правило, не порывая еще с историей, стал, по словам Л. П. Гроссмана, «особым видом словесного искусства»²¹.

Сложившийся в Европе и трансплантированный в русскую культуру жанр исторического анекдота нашел здесь самую благодатную почву в воспоминаниях о деятельности Петра Великого. «Только с Петра Великого начинаются для нас словесные предания: мы слышали от своих отцов и дедов о нем, о Екатерине I, Петре II, Анне, Елизавете, многое, чего нет в книгах», — писал Н. М. Карамзин²². Действительно, анекдоты впитали в себя разнообразные воспоминания о первом императоре, подчас граничащие с фольклором, которые составили целый пласт «устной истории» XVIII в.²³. Наиболее оригинальные анекдоты были собраны и изданы уже в XVIII в. Я. Штелиным и И. И. Голиковым. Опубликованные позже анекдоты А. К. Нартова были подвергнуты тщательному изучению Л. Н. Майковым, который пришел к выводу, что многие из них заимствованы из иностранных книг о Петре во второй половине XVIII в. и лишь часть их действительно могла восходить к рассказам царского токаря, собранным и обработанным его сыном А. А. Нартовым²⁴. Издание П. А. Кротовым авторской рукописи А. А. Нартова подтвердило «книжный», литературный характер этого сочинения конца XVIII в.²⁵ К жанру исторического анекдота близки блики записки петровского современника Н. И. Кашина, опубликованные В. В. Майковым²⁶. Менее информативными и оригинальными являются анекдоты, изданные О. П. Беляевым²⁷ и А. И. Ригельманом²⁸.

Записанные в середине и во второй половине XVIII в., анекдоты о Петре I генетически связаны с фольклором и массовым историческим сознанием первой половины столетия. Конечно, в опубликованных анекдотах не могли найти отражения легенды, запечатлевшие наиболее острые формы народного протеста по отношению к реформатору, — о «подменном царе», о «царе-

¹⁹ Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого, содержащее Анекдоты, касающиеся до сего великого государя. М., 1796. Т. 17. Предисловие. Б. п.

²⁰ Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 245.

²¹ Цит. по: Курганов Е. «У нас была и есть устная литература» // Русский литературный анекдот конца XVIII—начала XIX века. М., 1990. С. 3–5.

²² Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1988. Кн. 1. С. IX.

²³ См.: Шмидт С. О. «Устная история» в системе источниковедения исторических знаний // Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М., 1997.

²⁴ См.: Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. СПб., 1891. С. VI–VIII, XIV.

²⁵ См.: Нартов А. А. Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи) / Подготовка текста рукописи и приложений, вступительная статья П. А. Кротова. СПб., 2001.

²⁶ См.: Поступки и забавы императора Петра Великого: (Запись современника) / Сообщение В. В. Майкова. СПб., 1895.

²⁷ См.: Беляев О. П. Дух Петра Великого, императора всероссийского, и соперника его Карла XII, короля шведского. СПб., 1798.

²⁸ См.: Ригельман А. И. Анекдоты о Петре Великом // Москвитянин. 1842. № 1.

антихристе» и пр.²⁹ Собиратели анекдотов были искренними поклонниками Петра, и, как люди книжной культуры, они отрицали подобное баснословие. Я. Штелин писал о том, что собиратели анекдотов должны быть наделены «духом здоровой критики»³⁰. Но некоторые положительные черты царя, отмеченные в народных преданиях (простота в обращении, нелюбовь к роскоши, трудолюбие, мастерство в ремеслах, справедливость и пр.), нашли отражение и в анекдотах. У составителей сборников анекдотов была установка на «подлинность» сообщаемых историй, но далеко не все сюжеты, обращавшиеся в «устной истории» того времени они были готовы опубликовать, в том числе и по цензурным соображениям.

Иностранцы, жившие в России петровского времени, единогласно отмечали неприязненное отношение большинства населения — от знати до простонародья — к Петру I³¹. По свидетельству весьма осведомленного шведского автора Ф. И. Страленберга, в русском обществе периода реформ звучало много жалоб на то, что «государствование Петра Первого было тяжелоносное» и разорительное. Знать и дворяне сетовали на проделки Всепьянейшего собора, на фаворитизм («фаворитов сих было около 20 персон»), на недоступность государя для подданных. Недовольство вызывали усиление царской власти, злоупотребления местных властей, разорение дворянских хозяйств, посылка молодежи за границу, перенесение столицы в Петербург и ежегодная гибель там 10 тысяч крестьян... Война, якобы унесшая 300 тысяч жизней, и постоянные бунты также служили основанием для обвинений в адрес царя³². Материалы политического сыска засвидетельствовали «непристойные слова» в адрес Петра I и при его жизни, и после смерти. Как отмечает Е. В. Анисимов, «после смерти Петра Великого преследовали людей, которые рассказывали разные эпизоды из бурной жизни грозного царя. Эти воспоминания были по преимуществу отрицательные, шла ли речь о его личности, семейных делах или реформах»³³. Такие мнения продолжали существовать и в 30-е гг. Как писал в 1737 г. секретарь прусского посольства И. Г. Фоккеродт, который 18 лет провел в России, «память Петра I в почтении только у простоватых и низшего звания людей, да у солдат, особливо у гвардейцев, которые не могут позабыть еще того значения и отличия, какими они пользовались в его царствование. Прочие, хоть и делают ему пышные похвалы в общественных беседах, но если имеешь счастье коротко познакомиться с ними и снискать их доверенность, они поют уже другую песню. Те еще умереннее всех, которые не укоряют его больше ни в чем, кроме того, что приводит против Петра Страленберг в описании Северной и Восточной части Европы и Азии... большинство их идет гораздо дальше, и не только взваливает на него самые гнусные распутства, которые стыдно даже и вверить

²⁹ См.: *Чистов К. В.* Русские народные социально-политические легенды XVI–XIX вв. М., 1967. С. 91–124; *Успенский Б. А.* *Historia su specie semioticae* // Избранные труды. М., 1994. Т. 1.

³⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 871 (Штелин). № 22. Л. 2 об.

³¹ См.: *Беспятовых Ю. Н.* Иностранцы источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л. Ю. Эренмальм). СПб., 1998. С. 251, 256–258.

³² См.: (*Страленберг Ф. И.*) Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северная и восточная часть Европы и Азии. М.; Л., 1985. Ч. 1. С. 112–149.

³³ *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут: Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999. С. 61–62.

перу, и самые ужасные жестокости, но даже утверждает, что он не настоящий сын царя Алексея, а дитя немецкого хирурга, которое якобы тайно подменила царица Наталья вместо рожденной его дочери, и умеют рассказать о том много подробностей»³⁴. Знатные собеседники Фоккеродта осуждали Петра за пристрастие к грубым ремеслам, вроде дерганья зубов, за то, что царь выбрал в жены «простую крестьянскую девку из Ливонии». Благородные собеседники, по словам Фоккеродта, испытывали «неодолимое отвращение» к петровским правилам государственного управления, введение регулярного войска считали бесполезным и даже вредным, «Петербург в их глазах — мерзость» и т. д. Как видим, в период правления Анны Ивановны уже бытовала «устная история» Петра I, включавшая как благожелательные, так и критические сюжеты. Но именно в это время, когда многим русским стало казаться, что они попали под «иго иностранцев», формируется подчеркнуто патриотический образ Петра I как национального героя, который найдет развитие в официальной идеологии елизаветинского времени.

В 20–50-е гг. XVIII столетия собирателем легенд, слухов и рассказов очевидцев о Петре I был П. Н. Крекшин, который был лично знаком с царем, «милость его на себе имел и дел блаженных его неких самовидец был». Крекшин записывал собственные воспоминания, рассказы своих родственников и знакомых (например, рассказ об обучении царевича он записал со слов Н. М. Зотова), но многое измышлял по принципу, что в заданных обстоятельствах «премудрый монарх» должен был действовать именно так. В писаниях Крекшина мы встречаемся со штампами массового исторического сознания, с теми представлениями о Петре I, которые были распространены среди полуобразованных слоев городского населения. Как показала М. Б. Плюханова, в основе большинства сюжетов, воспроизведенных Крекшиным, лежит мифологический мотив чудесного спасения от смертельной опасности³⁵. Например, в «Журнале» 1709 г. Крекшин сообщает следующую историю. Мазепа якобы имел намерение Петра I «лишить живота», «...искал случая, чтоб в путном шествии его величество поймав, отдать швецкому королю», но не мог. И тогда решил убить — просил царя пожаловать в Батурин. Приготовив к убийству бунтовщиков, сердюков роту, поставил их на карауле, приказав, как Петр I придет и встанет из саней, «учинить всей роты залф пулями в груди Его Величеству». Но «когда Его Величество изволил шествовать к Мазепе в Батурин, в пути достиг курьер от генерала князя Меншикова», и «Его Величество, оставя путь в Батурин, изволил шествовать» к князю. Так Меншиков и его курьер выступают у Крекшина орудием Божьего провидения, спасшего царя от смерти³⁶. Подобные представления, связанные с фольклором, с житийной и летописной традицией, были широко распространены в обществе и не могли не повлиять на анекдоты, записанные позже Штелиным, Голиковым и другими авторами. Более того, в анекдотах мы встречаем целый ряд сюжетов, прямо восходящих к писаниям П. Н. Крекшина.

Обратимся, наконец, к самим анекдотам о Петре Великом. Для историков они интересны по меньшей мере в двух отношениях. Во-первых, как феномен

³⁴ Фоккеродт И. Г. Россия при Петре Великом // Чтения ОИДР. 1874. Кн. 2. С. 105–106.

³⁵ См.: Плюханова М. Б. История юности Петра I у П. Н. Крекшина // Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. 1981. Вып. 513.

³⁶ ОР РНБ. Погодин. №1732. К читателю. Л. 1–1об.

исторического сознания, как факт «устной истории», во-вторых, как исторический источник.

Самое известное издание анекдотов о Петре Великом осуществил в 1785 г. Якоб фон Штелин (1709–1785)³⁷. По словам Э. Кросса, книга Штелина была «краеугольным камнем» в ряду подобных европейских изданий, посвященных Петру I³⁸. Впервые изданные в Лейпциге на немецком языке³⁹, анекдоты уже в 1786 г. вышли в русских переводах сразу двумя изданиями — в Москве и в Петербурге; в 1787 г. оба издания были повторены⁴⁰. Анекдоты Штелина переиздавались в 1789, 1793, 1800, 1801, 1820, 1830 гг., что свидетельствует об их необычайной популярности у русских читателей⁴¹. До конца XVIII в. книга была переведена на французский, голландский, английский, польский и датский языки, выдержав за границей семь изданий⁴². Последний раз избранные анекдоты Штелина были переизданы Е. В. Анисимовым в 1993 г.⁴³ Научная полемика вокруг книги Штелина началась в 1786 г. выступлением А. Ф. Бюшинга и продолжается по сей день. Сюжеты, собранные Штелиным, разошлись по бесчисленным исследованиям, посвященным петровской эпохе. Даже самые суровые скептики в отношении содержания труда Штелина, цитируют его анекдоты, подчас не ссылаясь при этом на источник⁴⁴.

Рассказы, записанные Штелиным, вошли в художественную литературу (Д. Мережковский, А. Толстой и др.). Наконец, сам автор «Подлинных анекдотов» стал героем произведения Д. Гранина «Встреча с Петром Великим»⁴⁵.

Биография Штелина на русском языке полнее всего освещена П. П. Пекарским и К. В. Малиновским⁴⁶. Выходец из Германии, выпускник Лейпцигского университета, Штелин в возрасте 26 лет приехал в Россию, где за полвека службы его способности проявились в самых разных областях. Ему приходилось быть ученым и журналистом, поэтом, драматургом, музыкантом, художником, педагогом, придворным. Публикации К. В. Малиновского подтвердили исключительную роль Я. Штелина в становлении отечественного искусствоведения. Необходимо также подчеркнуть, что Штелин всегда

³⁷ Рамки статьи обязывают автора ограничиться лишь этим источником.

³⁸ Cross A. Petus Britannicus. P. 8.

³⁹ Originalanekdoten von Peter dem Grossen. Aus dem Munde angesehener Personen zu Moskau und Petersburg vernommen und der Vergessenheit entrissen von J. von Staelin. Leipzig, 1785.

⁴⁰ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, 1725–1800. М., 1966. Т. 3. С. 407–409, 412. Факт, засвидетельствованный в справочнике, почему-то находит противоречивые толкования у исследователей. К. В. Малиновский утверждает, что русский перевод вышел «через три года» после немецкого издания (Малиновский К. В. Якоб Штелин, жизнь и деятельность // Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. М., 1990. Т. 1. С. 20). Е. В. Анисимов пишет, что анекдоты Штелина были переведены на русский язык в 1801 г. (Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. С. 329.)

⁴¹ См.: Шмурло Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912. С. 89; Самарин А. Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков) М., 2000. С. 35.

⁴² Минцлов Р. Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872. С. 92–95.

⁴³ Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. С. 327–366; см. также: Никанорова Е. К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века. С. 331–373.

⁴⁴ См.: Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 178, 533.

⁴⁵ См.: Дружба народов. 2000. №5–7.

⁴⁶ См.: Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870 Т. 1.. С. 538–567; Малиновский К. В. Якоб Штелин, жизнь и деятельность // Записки Якоба Штелина... Т. 1. М., 1990. С. 7–32.

интересовался историей, имел широкий круг знакомых, особенно в Академии наук и при дворе, был ловким царедворцем и очень общительным человеком, умевшим ладить с людьми. Вопрос о том, были ли добросовестность, аккуратность, педантичность отличительными качествами Штелина как историка (так полагали М. П. Погодин, К. В. Малиновский, А. С. Чекунова), остается открытым. На него можно ответить только после тщательного источниковедческого изучения анекдотов.

Историю создания сборника анекдотов кратко поведал сам Я. Штелин в «Предуведомлении» к книге. Автор не без гордости сообщал, что, прибыв в 1735 г. в Петербург, он свел знакомство со многими знатными господами, которые «не только в воинской, гражданской и морской службе находились при Петре Великом... но и обращались с ним часто». Среди них Штелин выделял фельдмаршала князя И. Ю. Трубецкого, «при столе которого часто рассказываемы были разные случаи о Петре Великом». С его слов Штелин и начал записывать анекдоты: «Мне надлежало токмо временем о том напоминать, особливо после обеда, когда он по обыкновению своему, сидя наедине, куривал табак. От сего князя слышал я иногда некоторые дела Петра Великого, кои чрезвычайное возбуждали во мне внимание, и о которых я ни в какой о нем истории и ни на каком языке не читывал». По-видимому, Штелин уже имел представление о деятельности Петра по работам его первых европейских биографов (он ссылаясь на труды Х. Ф. Вебера и Ж. Руссе де Мисси). «А дабы столь достопамятные и истинные известия, слышанные из уст столь знаменитых свидетелей, не истребились из моей памяти, предпринял я оные кратко вносить на бумагу. Сие я делывал обыкновенно, коль скоро возвращался домой ввечеру, или на другой день по утру»⁴⁷.

Материалы архива Я. Штелина позволяют более детально рассмотреть работу над анекдотами. Сохранилось несколько вариантов рукописных сборников анекдотов, включающих автографы и другие материалы на немецком, русском и французском языках, а также первые опыты переводов анекдотов на французский и русский языки⁴⁸. Ранний этап работы Штелина, по-видимому, зафиксирован в рукописи на французском языке, содержащей 34 анекдота, которая открывается посвящением И. И. Шувалову, датированным июнем 1744 г.⁴⁹ Эта дата указывает лишь на то, что в 1744 г., после 9 лет пребывания в России, Штелин уже имел собрание анекдотов о Петре. Не исключено, что уже тогда он думал о возможности опубликования анекдотов, во всяком случае, рассматривал их как серьезный научный труд. Сама рукопись относится к более позднему времени (возможно, она постепенно дополнялась), ибо в одном из анекдотов (№ 29) говорится о смерти князя И. Ю. Долгорукого в 1751 г. В посвящении автор выражает сожаление, что в России ничего не опубликовано о жизни, деяниях и «подлинном характере» Петра Великого, а иностранные издания изобилуют ошибками и не соответствуют гению этого

⁴⁷ (Штелин Я.) Любопытные и достопамятные сказания о императоре Петре Великом, изображающие истинное свойство сего премудрого государя и отца отечества, собранные в течение сорока лет действительным статским советником Яковом Штелиным. СПб., 1786. С. VII. (Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страницы или номера анекдота.)

⁴⁸ ОР РНБ. Ф. 871 (Штелин). №19, 21, 22, 23.

⁴⁹ Recueil de quelques anecdotes de la vie de Pierre le Grand, fournies par de gens qui en ont été témoins // ОР РНБ. Ф. 871 (Штелин). № 22.

монарха. Штелин пишет о необходимости подробной истории Петра, очищенной от домыслов и в то же время поучительной для будущих монархов и героев. Для написания такой истории, по его мнению, необходимы подлинные документы и повседневные записки царя, которые или находятся в частных руках, или «покрыты пылью забвения». Целый коллектив трудолюбивых собирателей, наделенных критическим чутьем, должен собирать сохранившиеся в памяти современников анекдоты о Петре. Таким образом, Штелин рассматривал анекдоты как важнейший исторический источник, а свой труд связывал с выполнением академических обязанностей.

В рукописи имеется два анекдота, которые не вошли в окончательное издание. По каким-то причинам был опущен анекдот, услышанный от владельца бумажной фабрики Кароткина, повествующий о том, как царь прибыл на фабрику утром раньше хозяина, а затем поучал его: «Кароткин, Кароткин, разве не можешь ты вставать так же рано, как я? Надо раньше ложиться и не проводить вечера в разгуле, тогда бы дела шли гораздо более споро»⁵⁰. Не включил Штелин в публикацию и анекдот о посещении Петром анатомического кабинета в Лейдене, рассказанный племянником знаменитого лейденского медика Бургаве (см. прил. 1). Некоторые имеющиеся в сборнике сюжеты подвергались в дальнейшем редактированию. Например, в первоначальном варианте анекдота о любви царя к медицине говорилось о том, что «забавный» человек, но притом искусный лекарь Тирмонд «часто с царем до ночи пил венгерское вино»⁵¹. В опубликованном русском переводе это звучало иначе: «долженствовал... часто с Е. В. сидеть до полуночи, разговаривая между собою о приятных и полезных вещах»⁵².

В рукописи, названной автором «Первый набросок «Анекдотов о Петре Великом»⁵³, содержится черновик оглавления, из которого видно, что в этом сборнике первоначально было 87 анекдотов, а потом их число возросло до 100⁵⁴. Авторская правка указывает на то, что Штелин располагал анекдоты по степени важности, отодвигая в конец книги сюжеты о «слабостях» царя, о его образе жизни и привычках. Среди подготовительных материалов, собранных в этом сборнике, имеется письмо к Я. Штелину А. А. Нартова (между 1775 и 1780 гг.), проясняющее источниковедческое значение одного из знаменитых штелинских сюжетов — о письме Петра I с Прута, а также послужившее основой для двух «рассказов» Нартова⁵⁵. Письмо это частично было опубликовано в статье К. В. Малиновского⁵⁶ (полный текст см. в прил. 2). В рукописи имеется посвящение императрице Екатерине II, которое опровергает ее датировку 1759 г., указанную в описании.

Я. Штелин, по-видимому, не раз задумывался об издании анекдотов (менял посвящения, подбирал эпиграфы, переписывал текст набело, заказывал

⁵⁰ Recueil de quelques anecdotes... F. 5–6.

⁵¹ Ibid. F. 7.

⁵² (Штелин Я.) Подлинные анекдоты Петра Великого, слышанные из уст знатных особ в Москве и Санктпетербурге, изданные в свет Якобом Штелиным, а на российский язык переведенные Карлом Рембовским. М., 1787. С. 20.

⁵³ Erste Hinschrift der Anekdoten von Peter dem Grossen // ОР РНБ. Ф. 871 (Штелин). № 18.

⁵⁴ Там же. Л. 31–33 об.

⁵⁵ Майков Л. Н. Рассказы Нартова о Петре Великом. №41, 90.

⁵⁶ Малиновский К. В. Записка Якоба Штелина о Прутском походе Петра I // Русская литература. 1982. № 2. С. 166.

переводы). На предысторию публикации анекдотов проливает свет переписка Штелина с М. М. Щербатовым — крупнейшим русским историком того времени. В мае 1780 г. Штелин писал:

«Ваше Превосходительство, без сомнения, припомнит о чтении моих 110 анекдотов о Петре Великом, которые я имел честь Вам передать несколько лет тому назад.

Недавно я приказал их переписать набело, поскольку имеется несколько господ и прочих любопытствующих, среди них и несколько иностранцев, которые просят их посмотреть или перелистать у меня. Все ворчат на меня за то, что, скрывая их, я лишаю публику, любопытную ко всему, что касается Петра Великого, (знания) его интересных свойств, которые изображают героя в таких подробностях, так близко.

Несколько известных книгопродавцев из Амстердама, Лейпцига, Берлина, кажется, об этом прослышали, прислали мне свои предложения издать анекдоты за их счет и расплатиться со мной деньгами или книгами. До сих пор я их морочил отговорками, что этот труд еще не переписан набело для печати».

Из дальнейших рассуждений Штелина следует, что он предназначал свой труд прежде всего русским читателям. «Однако я не решусь никоим образом представить публике мой первый том, прежде чем я не узнаю Вашего дружеского, беспристрастного и искреннего мнения по этому вопросу»⁵⁷. Э. Лентин полагает, что Штелин хотел заручиться поддержкой Щербатова по двум причинам. Во-первых, Щербатов был крупнейшим знатоком истории и документов петровского времени⁵⁸ и его одобрение придавало книге Штелина научную респектабельность. Во-вторых, Штелин мог сомневаться, не войдет ли его издание в противоречие с официальным культом Петра. Щербатов дал самую высокую оценку его работе: «насколько я помню, там имеется несколько остроумных (*piquantes*) анекдотов, которые показывают истинный характер этого великого человека, сносившего все ради блага своего подданного, что все эти анекдоты подтверждены свидетельствами очевидцев, от которых Вы их получили, этого мне кажется достаточно, чтобы не пренебрегать изданием этой книги, за которую интересующиеся историей будут Вам обязаны, и из которой сами монархи могли бы почерпнуть правила их поведения»⁵⁹. Как видим, Щербатов усмотрел в собрании Штелина ряд острых сюжетов; известный моралист, он поддерживал дидактическую направленность издания. А в последней фразе его письма, по мнению Э. Лентина, звучала косвенная критика в адрес императрицы, которой следовало бы поучиться у Петра. Не сомневался Щербатов и в подлинности большинства сюжетов, хотя и оговаривался, что не помнит всех подробностей, поскольку давно читал рукопись. (Мнение Малиновского, что Щербатов дважды знакомился с рукописью анекдотов, едва ли соответствует действительности.)

⁵⁷ ОР РНБ. Ф. 871 (Штелин). № 283. Л. 1 (оригинал по фр.); перевод письма опубликован с неточной датировкой К. В. Малиновским: Русская литература. 1982. № 2. С. 167, затем письмо было опубликовано Э. Лентином: *Lentin A. Shcherbatov, Staehlin and the publication of the Anecdotes of Peter the Great // Study group on eighteenth century Russia. Newsletter. # 29. Sept. 2001. P. 72.*

⁵⁸ См.: *Мезин С. А. Освещение деятельности Петра I с позиций консервативного дворянства (М. М. Щербатов) // Историографический сборник. Саратов, 1987. Вып. 13.*

⁵⁹ М. М. Щербатов — Я. Я. Штелину 1 июня 1780 г. // ОР РНБ. Ф. 588 (Погодинские автографы). № 204. Л. 2; *Lentin A. Op. cit. P. 73.*

В 1783 г. с рукописью «Анекдотов» Штелина познакомился граф Н. И. Панин и дал о них самый благоприятный отзыв, который автор процитировал в своем издании: «Я могу Вас уверить, что не припомню, чтоб какую-нибудь книгу читал с таким удовольствием, как сию, особливо, что я нашел в ней многие статьи, коих содержание еще в молодых моих летах слыхивал от покойного своего родителя, как очевидного тому свидетеля...» (С. 337–338).

Результаты многолетней собирательской деятельности были творчески обработаны Штелиным и составили книгу, первое издание которой вышло в Лейпциге в 1785 г. и включало 117 пронумерованных анекдотов, в число которых вошло описание мемориальных вещей царя, хранящихся в особом кабинете при дворе, а также подлинное письмо Петра I с поля Полтавской битвы, отправленное адмиралу Ф. М. Апраксину, материалы об астрологических предсказаниях о рождении и славе Петра Великого, собственный отзыв Штелина об «Истории Петра Великого» Вольтера. Отдельно (без нумерации) были приведены мнения о «Анекдотах» графа Н. И. Панина и князя М. М. Щербатова. Публикацию завершали биографические справки о свидетелях, сообщивших автору сведения о Петре I.

Как собиратель и публикатор анекдотов, Штелин подчеркивал апологетическую цель своего издания, которое служит, по его словам, «к славе вечной памяти достойного императора», «к чести народа» и «к удовлетворению желания иметь обстоятельнейшие известия о Петре Великом». Но Штелин не ограничился простой публикацией устных рассказов. В полном соответствии с тогдашним пониманием анекдота как жанра историографии, автор книги давал свою политическую и моральную интерпретацию сообщенных ему фактов. Так складывался образ Петра, который вполне вписывался в историографическую традицию века Просвещения, когда историки стремились сообщать читателям лишь те факты, которые воспитывали читателей, вселяли в них веру в прогресс и в просвещение. Рассмотрим важнейшие составляющие черты этого образа.

В русских изданиях XVIII в. прямая критика дел Петра была просто немыслима. Поэтому важно проанализировать, *за что* и *как* хвалит автор вместе со своими информаторами «бессмертного по делам и подвигам своим российского государя». Особое внимание следует обратить на те немногие рассказы, которые дают некоторые основания для критики в адрес монарха.

Необходимо иметь в виду, что анекдот как жанр не был нацелен на то, чтобы всеобъемлюще показать деятельность Петра I как реформатора, полководца, законодателя. Образ Петра создавался здесь с помощью малых эпизодов и характерных штрихов. Тем не менее, можно отметить тематические предпочтения, характерные для анекдотов, собранных Штелиным. Предметом рассказов очевидцев здесь чаще всего были *личные качества Петра* (№ 4, 12, 15, 17, 20, 22, 25, 28, 29, 30, 36, 37, 44, 52, 53, 54, 55, 60, 61, 62, 65, 67, 69, 77, 78, 81, 83, 87, 88, 89, 91, 92, 98, а также № 12, 25 в московском издании). Как царь и государственный деятель Петр I прежде всего характеризуется с точки зрения его *правосудия* (№ 2, 4, 32, 34, 42, 51, 57, 64, 73, 79, 88, 95, 96, а также № 23, 32, 84, 96 в московском издании). Во множестве анекдотов показан царь как «*отец отечества*», заботящийся об общем благе государства и подданных (№ 16, 19, 26, 38, 48, 68, 70, 75, 76, 82, 8, 99). Ряд анекдотов характеризует царя как *рачительного хозяина, эконома и работника* (№ 3, 8, 27, 39, 45, 54, 74). Многие анекдоты посвящены *отношению Петра к религии, церкви и суевериям* (№ 10, 15, 33, 35, 43, 46, 47, 50, 71, 72, 73, 80, 90, 95). *Борьба с политическими*

противниками внутри страны сведена к рассказам о выступлениях против Петра стрельцов и старообрядцев (№ 5, 6, 2, 41). Вопросу об *отношении Петра I к Европе и европейцам* посвящено несколько анекдотов (№ 18, 21, 32, 82). Целый ряд рассказов имеет своим предметом *культурную политику Петра* и его художественные пристрастия (№ 24, 49, 56, 58, 59, 85, 86, 89, 91, 97). Некоторые анекдоты фиксируют лишь любопытную ситуацию или остроумный ответ, прямо или косвенно связанные с Петром (№ 1, 7, 11, 13, 40, 66, 105)⁶⁰.

В конце книги Штелин поместил перечень важнейших дел царя, «где ничего более не упоминается, кроме того, что он при возшествии на... престол не обрел, но во время своего царствования... приобрел и доставил своему государству» (С. 325–328). Если перевести этот текст с велеречивого языка профессора элоквенции на современный, то главные заслуги Петра I состояли, по мнению Штелина, в следующем: он коренным образом изменил международное положение России, поставил ее наравне с европейскими державами, обеспечил ей преобладание над странами Востока; создал регулярное войско по немецкому образцу; создал флот и заложил гавани на четырех морях; завоевал Прибалтийские земли; завел выгодную торговлю с Европой и Азией; соединил реки каналами (Вышневолоцкая система и Ладожский канал); построил Петербург, в котором заложил не только дворцы и сады, но и заводы и фабрики; основал госпитали и воспитательные дома; во многих областях страны построил металлургические заводы, верфи; создал училища, библиотеку, Кунсткамеру; учредил Сенат, Синод, коллегии, снабдил их регламентами, изменил управление губерниями. Этот список Штелин подытожил: Петр преобразил и обезопасил свое государство, оставил его в «цветущем» финансовом положении.

Образ «преобразителя» и просветителя, созданный Штелиным, более соответствует русской традиции, чем европейской, что объясняется русскими истоками большинства анекдотов, а также приспособлением автора к политической идеологии елизаветинского и екатерининского времени. В посвящении Шувалову 1744 г. автор еще называл Петра создателем своего народа («Createur de sa Nation»). Но в окончательной оценке Штелина отсутствует характерное для европейцев стремление показать Петра «творцом» своего народа, противопоставить «варварскую» Русь цивилизованной Петром России. («Европейский» взгляд был блестяще обоснован Вольтером и господствовал в Европе.) Не случайно автор предисловия и переводчик французского издания Л. Ж. Ришу счел необходимым добавить: «Подумаем, впрочем, о положении, в котором находился его народ до того, как он взошел на трон; о жестокости его предшественников, которая вошла в обычай, и особенно, о способе его воспитания или скорее о тех усилиях, которые были предприняты, чтобы его испортить, — и наше восхищение не будет знать границ»⁶¹.

⁶⁰ В связи с попыткой тематической классификации анекдотов Штелина можно отметить и возможность выделения в анекдотах целого ряда повторяющихся сюжетов и мотивов, многие из которых восходят к фольклору, а также являются «вечными» сюжетами повествовательной литературы. Влияние литературных штампов необходимо учитывать при оценке анекдотов как исторических источников. См.: *Нуканорова Е. К.* Указ. соч. С. 455–458.

⁶¹ *Staehlin.* Anecdotes originales de Pierre le Grand. Strasbourg; Paris, 1787. P. XI.

В «Анекдотах» Петру приданы черты великого монарха. Еще в июле 1741 г. Я. Штелин поместил в «Примечаниях к Ведомостям» изложение речи известного французского философа и пацифиста аббата Ш.-И. Сен-Пьера «О разности великого человека, и человека славного, знатного и сильного». Здесь приведены критерии, по которым определяются великие люди: 1) «великость» их талантов и преодоление великих трудностей; 2) «великость» желаний и ревности «к промышлению общей пользы»; 3) «великость» пользы и благодеяний, которые они показали. При этом главным свойством великого человека называются «великие таланты и великие способности к общей пользе». Уже тогда Штелин отнес эти критерии к Петру I: «Толь по многим и толь по изрядным правилам сего писателя не можно не заключить, что между наивеличайшими людьми, какие были в свете, нет ни одного, в котором бы таланты и свойства к общей пользе и к величайшему благополучию отечества были толь совершенны, чтоб быть великим человеком... коль в Петре I...»⁶²

По традиции, идущей от самого Петра и от официальной идеологии петровского времени, подкрепленной просветительской теорией, в «Анекдотах» царь представлен Штелиным как олицетворение *общего блага*. Автор показывает Петра, заботящегося о жизненно-важных отраслях государственного хозяйства — промышленности, земледелии, торговле, путях сообщения, государственных лесах и т.д. Царь «тщательно посещал все фабрики и мастерские, побуждал и одобрял работников» (С. 11). Штелин замечал, что «земледелие есть в числе важных предметов, коих премудрый царь... никогда не выпускал из своих мыслей» (С. 48), заботится о развитии внешней торговли (№ 63). Современники Штелина были убеждены в том, что финансы при Петре процветали, что царь был «строгий эконом», у которого всегда хватало денег на содержание войск и флота, на строительство городов и мануфактур. Царь «не имел... в деньгах недостатка и не сделал ни малейшего государственного долга, а еще при кончине своей оставил несколько миллионов наличных» (С. 261). По этому поводу Е. В. Анисимов замечает: «...цветущее состояние России после смерти Петра I — домыслы Штелина»⁶³. Но здесь мы имеем дело скорее с мифом общественного сознания, чем с результатом личной недобросовестности автора. В «Анекдотах» проводится мысль, что в больших и в малых делах царь старался не для себя, а для людей: когда он узнал, что жителям Ревеля запрещают гулять в заведенном им парке Катериненталья, то воскликнул: «Глупцы! Они думают, что я для себя одного, а не для всех людей с толиким иждивением завел сие увеселительное место» (С. 63). «Отец отечества» учил карельских крестьян плести лапти (№ 75)⁶⁴, сам экзаменовал «подлекаря» в медицине (№ 4)... Эти сюжеты по-своему отражали психологию петровского «регулярного» государства.

Как уже отмечалось, во многих анекдотах речь идет о правосудии царя, причем более о его личном суде, чем о законодательстве. Однако образ «правды», царившей в стране, не складывается из конкретных сюжетов.

⁶² Примечание к Ведомостям на 1741 год. Ч. 59 и 60. С. 236; ср.: (Штелин Я.) Любопытные и достопамятные сказания. № 5. С. 21–22

⁶³ Петр Великий: Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. С. 424.

⁶⁴ Сохранилось народное предание о том, что царь умел плести лапти, но владел этим ремеслом не в совершенстве: «вывел у лаптя носок, а пяты не смог заплести». См: Петр I: Предания. Легенды, сказки и анекдоты. М., 1993. С. 44.

Оказывается, царь не любил долгого судопроизводства, предпочитал скорую расправу: «наказывал он без промедления своею палкою», а если наказывал напрасно, что тоже случалось, то засчитывал это на будущее (№ 57). В суде Петр делал послабления для своего любимца А. Д. Меншикова⁶⁵. Известный анекдот «Твердое намерение Петра Великого истребить воровство»(№ 4) зафиксировал один из вечных образов России — образ неистребимого и повсеместного воровства. В Сенате, слушая дела о воровстве, Петр в гневе приказал обер-прокурору П. И. Ягужинскому: «Сейчас напиши от моего имени указ... что если кто и на столько украдет, что можно купить веревки, чтоб повесить, тот без дальнего расспрашивания повешен будет». На что Ягужинский ответил: «Государь, неужели ты хочешь остаться императором один без служителей и подданных? Все мы воруюем, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой». Государь... услышав такой забавный (!) ответ, рассмеялся и замолчал» (С. 125).

Царь, по рассказам современников, всеми средствами, в том числе и личным примером, побуждал подданных к государственной службе. «Суежной мысли о знатной породе и о заслугах предков посмеивался он при всяком случае: напротив того старался возбудить в сердцах своего дворянства истинное любочестие, снискивать себе по его примеру почести, чины и преимущества пред другими чрез отличные заслуги... Положил за правило, чтобы предпочтение одного перед другим единою только государственною службою было определяемо; и никто бы не имел инаго чина, как приобретенного им в службе» (С. 101). Штелин приводил предание о том, как в юности Петр служил барабанщиком и простым солдатом. «Когда он бывал на карауле, то спал с своими сверстниками в палатке... как ночью, так и днем отстаивал свои часы, а ел с прочими в артели простую солдатскую пищу...» (№ 27, с. 82–83)⁶⁶. А далее рассказывалась история о том, как царь ходатайствовал о присвоении ему звания адмирала и получил отказ (С. 84–85).

Рассказ о смерти царя, записанный со слов придворного лекаря Паульсона, венчал историю героя, жизнь которого «по законам жанра» должна заканчиваться подвигом, совершенным ради подданных (№ 99). Здесь говорилось о том, что при бурной погоде царь спасал солдат и матросов с севшего на мель бота. Петр стоял по пояс в воде и помогал стаскивать бот и снимать людей. «Сей его подвиг человеколюбия ввергнул в такое состояние, от коего дражайшая его жизнь не могла быть спасена» (С. 301). Эту версию Штелина (с точки зрения строгого источниковедения — весьма сомнительную⁶⁷) воспринял не только первый биограф и панегирист царя И. И. Голиков, но и знаменитый историк С. М. Соловьев⁶⁸.

В образ великого монарха вполне вписывались некоторые особые черты Петра I: стремление к новизне, любознательность и любовь к наукам, страсть к мореплаванию и кораблестроению, уважение к противнику и др. Чаще всего очевидцы рассказывали Штелину о «демократизме» Петра (№ 12, 22, 26, 37, 55, 60, 62, 65). «Казалось, что простота и правда были его врожденными

⁶⁵ См.: (Штелин Я.) Подлинные анекдоты Петра Великого. С. 99–100.

⁶⁶ Ср.: Записки Андрея Артамоновича графа Матвеева // Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841. С. 48–49; Краткое описание блаженных дел... Петра Великого... Петра Крекшина // Там же. С. 60.

⁶⁷ См.: Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990. С. 554–555.

⁶⁸ См.: Соловьев С. М. Сочинения. М., 1993. Кн. 9. С. 524.

свойствами», — восклицает автор (С. 193). Царь имел небольшой придворный штат, «наружное великолепие почитал он себе за тягость и за суетность», не любил множества слуг за столом, плохо отзывался о лакеях: «...смотрят каждому в рот... разумеют криво и рассказывают опять криво», не любил пышности в еде. Петр «велел запретить *под строгим телесным наказанием* (!), чтобы на улице перед ним не падали на колени и не марались для него грязью». Царь запросто общался с людьми различных сословий, демонстрируя «благородную простоту нравов и откровенное со всеми людьми обхождение» (С. 13). М. В. Ломоносов рассказал Штелину услышанную от отца историю о том, что царь «не поставлял себе за стыд посещать в городах людей самого низкого состояния, кои с успехом упражнялись в своем ремесле» (№ 38). Петр охотно ходил на крестины к ремесленникам, нижним придворным служителям, офицерам и солдатам гвардии, при этом не проявлял особой щедрости: простым солдатам дарил по рублю, а офицерам — по червонцу (№ 22). Но при всей своей простоте Петр не позволял окружающим забывать, с кем они разговаривают: «В компании он был весел, словоохотен, прост и без всяких чинов: веселые беседы были для него всегда приятны, *своевольства же в оных весьма не терпел*» (№ 98). Одна фраза — и «простота» царя предстает уже в ином свете.

Анекдоты зафиксировали некоторые специфические черты характера Петра, его необыкновенные наклонности и интересы. Отмечается, что царь не любил карточной игры (№ 69), а также охоты (№ 29). В последнем случае интересен и комментарий: «Травли зверей столько же не терпел государь сей, как и вообще всякого другого мучительства». Но к «мучительству» людей ему все-таки приходилось прибегать. «И без зверей есть у меня с кем сражаться», — якобы говорил он (С. 89). Царь любил медицину (№ 4, 61), всегда имел при себе готовальню с хирургическими инструментами, мог «анатомировать тело, пустить кровь, вырвать зуб и многие лекарские дела исправить совершенно мог» (С. 186). Отмечалась также склонность Петра к истории и его забота о древних памятниках и летописях (№ 36, 44) что подтверждается документами и исследованиями⁶⁹. В анекдотах Штелина Петр не только выступает в качестве историка (это вполне соответствует действительности⁷⁰), но и в духе русских академиков середины XVIII в., критиковавших Вольтера, сомневается в том, могут ли иностранные авторы «что-нибудь писать о нашей древней истории, когда мы об оной ничего еще сами не издали» (С. 128).

Судя по анекдотам Штелина, религиозная политика Петра немало занимала умы современников и потомков реформатора. Веротерпимость представлена, пожалуй, как главная черта его отношения к религии, что вполне отвечало просветительским представлениям об идеальной политике. Правда, Петр демонстрировал веротерпимость лишь по отношению к христианским верам: «Петр Великий терпел все христианские веры без всякого различия... только о езуитах ничего ни от кого не хотел слушать, и не терпел их в России» (С. 35–36). Как исторические реалии, так и пристрастие автора анекдотов отразились в подчеркивании симпатии Петра к лютеранству и более сдержанного отношения

⁶⁹ См.: Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830 (далее — ПСЗ). Т. 6. № 3693, 3908; *Пештич С. Л.* Русская историография XVIII века. Л., 1961. Ч. 1. С. 77; *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 20.

⁷⁰ См.: *Погосян Е. А.* Петр I — архитектор российской истории. СПб., 2001.

к католицизму (№ 9, 10, 35, 72). Штелин даже передает слова царя о М. Лютере: «Весьма много я хорошего слышал о сем знаменитом муже, который для величайшей пользы своего государя и многих князей, кои были умнее прочих, на самого Папу и на все его воинство мужественно наступал» (С. 110). Анекдоты отразили неоднозначную позицию Петра по отношению к старообрядцам: как усиление гонений на них, так и переход к более терпимой политике с позиции «государственной пользы» (№ 46). Законодательство Петра положило конец преследованию староверов, при соблюдении ими определенных, впрочем весьма обременительных, условий⁷¹. Прагматическое отношение к ним выражено такими словами царя: «А мучениками за глупость быть, ни они той чести, ни государство пользы иметь не будет» (С. 166). Один из анекдотов зафиксировал враждебное отношение Петра к иудаизму и евреям (№ 8).

Весьма живо в анекдотах показано неприятие царем суеверий, а также его критическое отношение к туеядству духовенства (№ 15), к мошенничеству на религиозной почве. Царь разоблачал «плачущий» чудотворный образ Богоматери (№ 43), тщательно рассматривал нетленные мощи и объяснял «естественные причины сего нетления» (№ 50), сомневался в том, что дьявол мог явиться Лютеру в видимом облике (№ 35) и т. д. Примечательно, что в рассказах Штелина Петр разоблачает ложные чудеса в церквях Польши и Эстонии, что должно было усыпить бдительность церковной цензуры.

Но не менее чем веротерпимость Штелин подчеркивал в Петре «усердие в вере», «ревность и благоговение», соблюдение царем заповедей Божьих, неприятие им «хулителей веры» (№ 4, 71, 73). В этих рассказах отразился тот очевидный факт, что Петр, конечно, не был атеистом и с почтением относился к православию. Но тенденция к изображению Петра верным сыном православной церкви, которая просматривается в анекдотах, более напоминает нам о реалиях елизаветинского царствования, когда православные иерархи чувствовали на себе «матернее попечение» набожной императрицы⁷². Вопреки этой ложной тенденции один из самых известных анекдотов Штелина весьма ярко и реалистично характеризует отношение царя к церковной иерархии в целом и к упраздненному званию патриарха в частности. Когда знатное духовенство стало просить царя о восстановлении патриаршества, «император одной рукой ударил себя в грудь, а другою обнажив свой кортик и ударя плашмя по столу, сказал с великим гневом: вот вам Патриарх»⁷³.

Еще один вопрос, которому Штелин уделил большое внимание в своих анекдотах, — это отношение Петра I к иностранцам и к Европе. Актуализации этой темы способствовали политические условия послепетровских десятилетий: и так называемое «засилье иностранцев» при Анне Ивановне, и «петербургский национализм» времен Елизаветы Петровны. К тому же сам автор и более половины его информаторов были иностранцами. Во многих анекдотах показано благосклонное внимание Петра к европейцам, но при этом отмечается, что они привлекали его своими знаниями и профессионализмом. «Не можно сказать, чтобы Петр Великий имел слепую любовь к чужестранцам»,

⁷¹ См.: ПСЗ. Т. 5. № 2991; *Панченко А. М.* Петр I и веротерпимость // О русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 385–389.

⁷² Принадлежность этих анекдотов князю И. Ю. Трубецкому, известному своими вымыслами, также ставит под сомнение их достоверность.

⁷³ (*Штелин Я.*) Подлинные анекдоты Петра Великого. С. 229.

— писал Штелин. Если царь и «был весьма к ним расположен и ласкал, то сие происходило от того токмо, что он желал просветить свое государство» (№ 18). То есть Европа рассматривалась Петром как источник просвещения. В одном из анекдотов отмечается эволюция интереса Петра к европейской культуре. Если во время первого путешествия царь учился в Голландии кораблестроению, мореплаванию, торговле, хотел познать устройство фабрик и промыслов, то во время второго путешествия он «упражнялся уже рачительнее собственно в науках и художествах» (№ 24).

Политические и цензурные условия России, а также сам авторский замысел издания не позволяли прямо показать отрицательных сторон личности и политики Петра I. Тем не менее тема царского деспотизма, жестокости, неуважения к личности звучит в рассказах Штелина. О жестокости царя в Европе ходили легенды, в которых Петр выступал верным наследником Ивана Грозного. У Штелина Петр характеризуется как продолжатель добрых дел грозного царя (№ 18). Поэтому в книге, первое издание которой предназначалось для иностранцев, потребовалось такое оправдание от имени самого Петра: «Меня называют... жестоким и мучителем, однако, по счастью, те только чужестранцы, кои ничего не знают об обстоятельствах, в коих я сначала многие годы в моем государстве находился, и сколь многие из моих подданных препятствовали мне ужаснейшим образом в наилучших моих намерениях для отечества, и принудили меня поступать с ними со всякою строгостию, но не жестоко, а менее еще мучительно» (С. 239). Оценка жестоких мер царя как его адекватного и соответствующего духу времени ответа опасным политическим противникам — прием, которым до сих пор пользуются защитники Петра Великого⁷⁴.

Неразвитость политического и личностного сознания русского общества XVIII в. позволяла снисходительно относиться к некоторым поступкам Петра, которые сегодня оценивались бы уже по-другому. Лишь вспыльчивость царя усмотрел составитель в рассказе, который, независимо от его подлинности, передает ужас современников перед Петром. А. К. Нартов рассказал Штелину историю о том, как в токарной мастерской мальчик-слуга, снимая с царя колпак, случайно дернул его за волосы (№ 77). «Разгневанный монарх, вскочив со стула и вынув свой кортик, побежал за мальчиком, которого он, конечно, умертвил бы, если бы мальчик не убежал весьма скоро и не скрылся бы...» (С. 219). Как отмечает Е. К. Никанорова, мотив несоразмерности вины и наказания образует, вопреки авторским интенциям, скрытый, но вполне прочитаемый смысл повествования⁷⁵. Каков же был страх слуги перед монархом, если тот после случившегося бежал двое суток сряду, добежал до Ладожского озера, а оттуда ушел в Вологду, где «сказался сироткою» и скрывал свое имя десять лет!

Рассказчики готовы были простить царю горячность и скорую расправу; у Штелина всегда находились объяснения сомнительным поступкам царя⁷⁶. И тем не менее большинство рассказов о «царской дубинке» не вошло в первое петербургское издание книги, а в московском издании некоторые рассказы были смягчены.

⁷⁴ См.: Павленко Н. И. В защиту Петра Великого // Политическое образование. 1989. № 15.

⁷⁵ См.: Никанорова Е. К. Указ. соч. С. 222.

⁷⁶ См.: Никанорова Е. К. Указ. соч. С. 153, 220–223.

В рассказе «Петра Великого строгость в наблюдении полицейского порядка» царь наказывает дубинкой генерала-полицмейстера Петербурга графа А. Девиера за неисправность моста⁷⁷. Автор подчеркивает, что подобное наказание сам царь не считает чем-то особенным. После того как мост был наскоро починен, царь пригласил избитого генерала к себе в коляску со словами: «Садись, брат». Царский кухмистер И. И. Фельтен рассказал Штелину, как Петр его потчевал дубинкой за воровство лимбургского сыра. Достоин примечания и то, что сам кухмистер не посчитал зазорным рассказать эту историю, и то, что царь, по его словам, наказав слугу, «сел опять за стол и с равнодушием кушал Лимбургский сыр»⁷⁸.

Рассказ о несправедливом поступке Петра с французским архитектором Ж. Б. Леблонем был смягчен и сокращен в московском издании. Здесь говорилось о том, что Петр по ложному доносу Меншикова выбрал и «ударил по плечу палкою» ни в чем не повинного мастера⁷⁹. В подлиннике же говорилось, что царь бил дубинкой по спине Леблону, «который, конечно, не заслуживал такого сурового и оскорбительного обхождения»⁸⁰. После этого архитектор якобы впал в горячку, слег в постель и вскоре умер.

О том, что царь был элементарно невоспитан и не привык считаться с окружающими людьми, свидетельствует история, случившаяся в 1716 г. в Гданьске во время богослужения: почувствовав холод, царь, ни слова не говоря, содрал с сидящего рядом бургомистра парик и надел его себе на голову. Такое поведение показалось жителям Гданьска «чудным», сам же монарх действовал по привычке, как обычно⁸¹.

Наконец, некоторые анекдоты свидетельствуют о нарушении тайны исповеди в петровское время как об обычном и даже полезном явлении (№ 51), о существовании определенной оппозиции реформам царя (№ 33), о том, что царь «от человеческих слабостей не был вовсе изъят» и был снисходителен к «плотским грехам» (№ 93, 94).

Как своеобразную реакцию на широкое распространение фаворитизма в России середины и второй половины XVIII в. можно рассматривать утверждение автора «Анекдотов», что при Петре I не было фаворитов: «Никогда сей российский монарх не имел такого у себя любимца, которому бы по одной слепой благосклонности вручил... с делами и людьми по собственной воле поступать...»⁸². Тем не менее примечательно, что А. Д. Меншиков выступает как отрицательный персонаж анекдотов⁸³.

Одним из героев анекдотов Штелина является петровский Петербург, здесь происходит действие большинства рассказов. В анекдотах говорится об основании города (№ 52), о его планировке, о каналах (№ 53). Штелин впервые в литературе упомянул об архитекторе Д. Трезини (С. 156), имя которого почти

⁷⁷ См.: (Штелин Я.) Подлинные анекдоты Петра Великого. № 32. С. 131–133.

⁷⁸ См.: Там же. № 84. С. 344–348.

⁷⁹ Там же. № 96. С. 400–403.

⁸⁰ Originalanekdoten von Peter dem Grossen. S. 287–289; Современный исследователь пишет о конфликте между Леблонем и Меншиковым: этот конфликт и был реальной основой анекдота. Но факт избияния царем архитектора подлинными документами не подтверждается. Умер Леблон от оспы. См.: *Калязина Н. В.* Архитектор Леблон в России (1716–1719) // *От Средневековья к Новому времени.* М., 1984. С. 99–101, 116.

⁸¹ См.: (Штелин Я.) Подлинные анекдоты Петра Великого. № 12. С. 54–57.

⁸² Там же. С. 396.

⁸³ См.: Там же. № 23, 96.

полтора столетия находилось в забвении⁸⁴. В анекдотах запечатлены события повседневной городской жизни. Оказались зафиксированными не только любовь Петра к Петербургу, но и отношение жителей к новому городу. В одном из анекдотов говорится о «плачущей иконе» Богоматери: «...Богоматери страна сия противна, для того плачет, и слезами своими новому сему городу и, может быть, всему государству возвещает угрожающее великое несчастье»⁸⁵. В другом рассказе (№ 33) речь идет о ложном предсказателе наводнения в столице. При этом указывается, что подобные злонамеренные слухи могли исходить как от знатных людей, недовольных основанием Петербурга, так и от простого народа, который против его воли переселили в новую столицу.

Целый ряд сюжетов, сообщенных Штелином, отражает собственные интересы автора как первого историка русской культуры и искусства. Благодаря его любознательности мы узнаем о художественных вкусах Петра I, о его любви к картинам Рубенса, Ван Дейка, Рембрандта, а также голландского мариниста Адама Сило⁸⁶ (№ 17, 30, 40), о его музыкальных предпочтениях (91). Большой интерес представляют рассказы о заведении Кунсткамеры и истории ее коллекций. Как свидетельствовал Шумахер, Петр настоял на том, чтобы первый музей был бесплатным для посетителей, которых там даже могли угостить чашкой кофе или рюмкою вина (№ 24). Штелин подробно сообщает о книгах, которые печатались в петровское время (№ 56, 86, 90), об основании Академии наук (№ 59). Весьма любопытен и рассказ о том, что Петр посоветовал создать в Летнем саду наглядные иллюстрации к басням Эзопа (№ 68)⁸⁷. Таким образом, Штелин сохранил для потомков уникальные штрихи культурной жизни петровской эпохи.

Страстный поклонник Петра I, человек близкий ко двору, благонамеренный автор и собиратель, Я. Штелин, как уже отмечалось, не мог и не хотел поместить в своем издании всего разнообразия ходивших в русском обществе анекдотов о Петре Великом. Известно, что в среде образованного дворянства Петра обвиняли в жестокости и кровопролитии, в произволе, когда он, «не разбирая ни роду, ни чинов, уподлял себя биением окружающих его», в склонности к «любострастию» и к роскоши, в том, что он «самовластие до крайности распространил»⁸⁸. Некоторые из этих разговоров нашли смягченный отклик в анекдотах, но «внутренний цензор» не позволил Штелину писать о попойках Петра, о выходках Всеппянейшего собора, о неприглядных сторонах личной жизни царя, о деле царевича Алексея и т. д. А то, что эти сюжеты были представлены в «устной истории» того времени, не вызывает сомнения. Подчас рассказчики так сгущали краски, что из многих анекдотов о Петре, по словам современника, «можно было бы заключить, что он был изверг или сумасшедший»⁸⁹.

⁸⁴ См.: Овсянников Ю. М. Доминико Трезини. М., 1987. С. 197.

⁸⁵ (Штелин Я.) Подлинные анекдоты Петра Великого. № 35. С. 143.

⁸⁶ В частности, рассказ о симпатиях Петра к картинам А. Сило подтверждается подлинными источниками; см.: Левинсон-Лессинг В. Ф. Первое путешествие Петра I за границу // Культура и искусство петровского времени: Публикации и исследования. Л., 1977. С. 27.

⁸⁷ См.: Дубяго Т. Б. Летний сад. М.; Л., 1951. С. 39–45.

⁸⁸ Щербатов М. М. Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого // Сочинения. СПб., 1898. Т. 2. Стб. 23–50.

⁸⁹ (Коцебу А.) Записки Августа Коцебу // Цареубийство 11 марта 1801 г. СПб., 1907. С. 300.

Но даже собрание анекдотов Штелина, полностью опубликованное в Германии и во Франции, в русских переводах было сокращено по цензурным соображениям, на что было обращено внимание еще в XVIII в.⁹⁰ Большому сокращению подверглось Санкт-Петербургское издание: в него не вошли анекдоты о поступке Петра с гданьским бургомистром (№ 12 лейпцигского издания), о снисходительности царя к его фавориту Меншикову (№ 23), об отвращении царя от тараканов (№ 25), почти все сюжеты, связанные с царской дубинкой (о поступках царя с Девиером (№ 33), кухмистером Фельтеном (№ 87), Леблонем (№ 100), рассказ о разоблачении Петром «чуда» с «плачущей» иконой Богородицы (№ 36) и даже безобидная история о попугае царицы, разболтавшем государственный секрет (№ 109). Как в петербургских, так и в московских изданиях XVIII в. были пропущены сюжеты о спазматических припадках царя (№ 32), о том, что дочь иностранного купца, чтобы избавиться от домогательств царя, целый год укрывалась в лесной хижине среди болота (№ 89). По-видимому, из патриотических соображений были опущены рассказы о совете царю некоей знатной польской дамы обязательно иметь среди офицеров русской армии иностранцев (№ 50); в другом рассказе эта же дама сравнивала Петра I, который отдал приказ дотла разорять все области, куда направлялась армия Карла XII, с неким польским дворянином, который назо своей жене себя кастрировал (№ 51).

В изданиях начала XIX в. пропущенные сюжеты были восстановлены. Но одновременно книга вышла «с приобщением многих новейших анекдотов, выбранных из разных иностранных и российских писателей». К сожалению, в издании 1820 г., на которое часто ссылаются позднейшие историки, эти 22 анекдота (№ 116–138) приписаны Штелину. Эта ошибка перешла и в современное переиздание Е. В. Анисимова. Между тем примерно треть из этих добавленных анекдотов (№ 116, 117, 118, 120, 126, 133, 134) представляет собой пересказ анекдотов Нартова⁹¹. Некоторые сюжеты (№ 121, 133) представлены у Голикова⁹². Имеются заимствования из «Записок» И. И. Неплюева (№ 124, 138)⁹³. Ряд анекдотов, по-видимому, восходит к сочинениям Вольтера. Дополнение было сделано механически: составители не заметили, что один из анекдотов (№ 125) почти дословно повторяет штелиновский сюжет (№ 97, с. 288–289), имеются и другие несообразности. Таким образом, при использовании изданий «Анекдотов» XIX в. необходимо учитывать их сложный состав.

Как явление историографии XVIII в. анекдот претендовал на подлинность в изложении фактов. Предполагалось, что рассказчики либо сами были свидетелями описываемых событий, либо слышали их от свидетелей. Штелин представлял записанные им рассказы как «достопамятные и истинные известия», слышанные из уст «знаменитых свидетелей». Подобно своему коллеге И. И. Голикову, Штелин полагал, что знатность и высокие должности его информаторов служат дополнительным аргументом в пользу истинности

⁹⁰ См.: *Russische Bibliothek, zur Kenntniss des gegenwaertigen Zustandes der Literatur in Russland*, herausgegeben von Hartwick Ludwig Christian Bacmeister. Bd. X. T. St. Petersburg, Riga und Leipzig, 1786. S. 502–503.

⁹¹ См.: *Майков Л. Н.* Рассказы Нартова о Петре Великом. № 14, 140, 129, 44, 116, 150, 119.

⁹² См.: *Голиков И. И.* Дополнение к Деяниям Петра Великого, содержащее Анекдоты, касающиеся до сего великого государя. Т. 17. № 7, 3.

⁹³ См.: *Неплюев И. И.* Записки. СПб., 1893. С. 106–107, 109–110.

описываемых событий, что вполне отвечало этическим и юридическим нормам XVIII в.: «...слово дворянина официально считалось весомее и правдивее слова простолюдина»⁹⁴. Этот сомнительный с точки зрения современного источниковедения аргумент не раз подводил Штелина. В частности, не выдержали последующей научной критики рассказы престарелого фельдмаршала князя И. Ю. Трубецкого, дружеским расположением которого так гордился историк (№ 5, 6, 23; в основе этих анекдотов лежит фольклорный сюжет о чудесном избавлении от смерти).

По мнению издателя анекдотов, в пользу их достоверности говорил и тот факт, что некоторые анекдоты он слышал от разных свидетелей — и они совпадали в деталях (С. 110, 130, 354, 399)⁹⁵. В качестве доказательства достоверности автор нередко ссылался на сохранившиеся «вещественные доказательства»: портреты, медали, произведения искусства, токарные изделия, книги, о которых идет речь в анекдотах. Иногда автор основывал свое повествование на подлинном документе — письме Петра I адмиралу Ф. М. Апраксину (С. 330–331), собственноручных замечаниях Петра на первом проекте учреждения Академии наук (№ 59).

Каждый раз Штелин сообщал, от кого он услышал данный анекдот, а часто — и какое событие имеет этот человек к описываемому событию. В конце книги он приложил краткие биографические сведения о 54 своих информаторах. Впрочем, эти сведения не отличаются полнотой и точностью. В частности, многие даты в нем перепутаны. В перечне упомянут человек (Кароткин), чей рассказ не вошел в издание, но здесь отсутствует примерно десяток имен известных людей бывших информаторами автора: графиня М. А. Румянцева, художник Г. Гзелль, профессор М. В. Ломоносов, действительный статский советник А. А. Нартов, историограф князь М. М. Щербатов и др. Среди информаторов Штелина были самые высокопоставленные лица: императрица Елизавета Петровна, фельдмаршал князь И. Ю. Трубецкой, фельдмаршал граф А. Б. Бутурлин, фельд-маршал граф Б. К. Миних, канцлер граф М. П. Бестужев-Рюмин, сенатор А. Л. Нарышкин и др. В списке Штелина еще полтора десятка титулованных особ, по меньшей мере полтора десятка военных и штатских генералов, а также русские и иностранные дипломаты. Имеются представители интеллигентских профессий — художники, архитекторы, академические служащие, придворные врачи. В списке полдюжины фамилий купцов и фабрикантов, которые вместе со священниками и придворными служителями (интендантом, поваром, столяром) представляли, условно говоря, «социальные низы». Большинство собеседников Штелина — люди «высокой» книжной культуры, что, впрочем, не исключает влияния на их рассказы массовых исторических представлений и даже фольклора. Среди анекдотов XVIII в., которые, по мнению П. А. Зайончковского, «иногда примыкают к воспоминаниям, иногда — к источникам фольклорного характера»⁹⁶, «сказания» Штелина стоят ближе к мемуарам⁹⁷. Но считать их «великосветской шелухой»⁹⁸, конечно, нет никаких оснований.

⁹⁴ Анисимов Е. В. Дыба и кнут. С. 398.

⁹⁵ См.: (Штелин Я.) Подлинные анекдоты Петра Великого. С. 57, 102.

⁹⁶ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1976. Т. 1. С. 10.

⁹⁷ См.: Никанорова Е. К. Указ. соч. С. 148.

⁹⁸ Былов В. М. «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова как материал для изучения фольклора XVIII века // Русский фольклор. М.; Л., 1959. Т. 4. С. 123.

Разумеется, Штелин не ставил задачи критического исследования каждого анекдота, «вынужден был довольствоваться услышанным»⁹⁹. По-видимому, он и не справился бы с такой задачей, хотя она уже была поставлена научным сообществом того времени. Работу по проверке подлинности преданий о Петре Великом в то время уже начал Г. Ф. Миллер, критиковавший «анекдотические» сообщения П. Н. Крекшина о рождении и детских годах Петра¹⁰⁰.

Единомышленник Миллера А. Ф. Бюшинг в своей рецензии первым указал на ряд неточностей в рассказах Штелина¹⁰¹. Известный немецкий географ и историк не отрицал источниковой ценности анекдотов. Но лишь немногие из них он считал достойными внимания ученых: о смелости Петра во время стрелецкого бунта (№ 5), о письме с берегов Прута (№ 16), о строительстве Петербурга (№ 52). Не все рассказы, по его мнению, «совершенно правильны и достоверны, не все являются новыми и неизвестными», иные просто служат «для утолщения книги». Бюшинг упрекал Штелина в том, что тот не учел исследований Миллера и даже не упомянул этого «русского историка» там, где это следовало бы сделать. Ибо у Миллера имеется несколько специальных статей и изданий — о тангутских письменах, о фельдмаршале Шереметеве, об истории Вольтера. Ссылаясь на дневник Ф. В. Берхгольца, Бюшинг указал, что празднование Ништадтского мира было не в 1721, а в 1722 г. Автор рецензии иронизировал над Штелиным, который назвал один из анекдотов «Метрессы», но при этом заявлял, что у Петра не было «любовниц». Упрекает он автора и за то, что тот не использовал опубликованное Бюшингом в «Magazin fuer die neue Historie und Geographie» донесение имперского посла, где говорилось о смерти Петра I от венерической болезни, полученной от Чернышовой. Не использовал Штелин и статью Бюшинга о графе Лестоке, из-за чего в биографии этого информатора оказалось множество ошибок. В отзыве Бюшинга слышится высокомерие профессионала по отношению к труду дилетанта, книга которого «стоит один талер и четыре гроша».

И. И. Голиков отверг достоверность рассказа Штелина о бурных и долгих переживаниях Петра I по поводу смерти его малолетнего сына Петра¹⁰². В некритическом отношении к сообщаемым фактам обвинил Штелина (а заодно и Голикова) В. Н. Берх, говоря, что они «писали все, что им рассказывали и не сличали рассказов с хронологию и происшествиями того времени». Берх указал на несоответствие историческим реалиям анекдота о том, как Адмиралтейская коллегия отказала царю в просьбе о присвоении ему чина вице-адмирала (27)¹⁰³.

В период становления профессиональной исторической науки (вторая треть XIX в.) ученые оценивали источники исключительно с точки зрения их соответствия объективной реальности, что привело к негативной оценке «Анекдотов» Штелина. Первые профессиональные историки стремились уличить его в дилетантизме, подчеркивали, что он был академиком, далеким от науки. Н. Г. Устрялов с презрением писал о профессоре аллегории, который

⁹⁹ Малиновский К. В. Записка Якоба Штелина о Прутском походе Петра I. С. 164.

¹⁰⁰ См.: Опыт трудов Вольного российского собрания. 1774. Ч. 4; 1780. Ч. 5.

¹⁰¹ См.: Wochentliche Nachrichten von neuen Landcharten, geographischen, statistischen und historischen Buechern und Schriften. Berlin, 1785. S. 201–206.

¹⁰² См.: Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1794. Т. 12. С. 195.

¹⁰³ См.: Письмо В. Н. Берха к издателю «Телеграфа» // Московский телеграф. 1826. Ч. 12. С. 238, 240.

«записывал все, что слышал, не различая былей от небылиц». Более того, строгий ученый середины XIX в. обвинял Штелина в том, что тот приукрашивал услышанное и даже «пускался на выдумки». Устрялов указал на несоответствие реалиям первого стрелецкого бунта рассказа престарелого фельдмаршала И. Ю. Трубецкого о чудесном спасении Петра от смерти. Отверг Устрялов и крехшинские предсказания о рождении и славе Петра Великого. (Впрочем, сам Штелин указывал, что рукопись о пророчествах царя имеет позднее происхождение.) А письмо утрехтского профессора Гревия, которое подтверждает астрологические пророчества, профессор считал выдумкой Штелина¹⁰⁴. М. П. Погодин, который также занимался историей молодости Петра, а кроме того, был владельцем архива Штелина, вступился за автора «Анекдотов»: «Нет, скажу я решительно, приписывать Штелину подлоги — грех: он мог ошибаться, но никогда не выдумывал и не обманывал. Перебрав многие сотни всяких его бумаг, я пришел к убеждению, что это была воплощенная немецкая точность, даже относительно ничтожнейших безделиц. Можно ли же поверить, чтоб он позволил себе выдумки о важнейших, исторических предметах?»¹⁰⁵

П. П. Пекарский по академической традиции упрекнул Штелина в том, что он собирал свои анекдоты «без всякой критики и проверки, почему и достоверность большей части этих рассказов подлежит теперь сомнению». Вместе с тем историк первым подчеркнул историографическую ценность сборника анекдотов: «...по нему можно следить, как слагаются легенды о замечательных людях...»¹⁰⁶

Наиболее ожесточенные и длительные споры вызвало опубликованное Я. Штелиным письмо Петра I с берегов Прута. Оно породило обширную литературу и было помещено в «Письмах и бумагах Петра Великого», хотя оригинал его не обнаружен. Его подлинность защищали С. М. Соловьев, Е. А. Белов, Е. П. Подъяпольская, К. В. Малиновский. Против выступали Н. Г. Устрялов, Ф. А. Витберг, С. А. Фейгина, Р. Виттрам, Н. И. Павленко. Аргументы скептиков представляются более весомыми. Прямых доказательств подлинности письма нет. Но хотелось бы вновь оградить Я. Штелина от обвинений наиболее рьяных критиков. В частности, Н. И. Павленко пытается изобличить Штелина в фальсификации, в том, что он из честолюбивых соображений сочинил это письмо, а ссылку на князя М. М. Щербатова придумал для солидности¹⁰⁷. Но дело в том, что Щербатов действительно имел какой-то список этого письма (но не подлинник!). Еще до появления публикации Штелина он показывал письмо французскому историку П.-Ш. Левеку. «Я узнал этот анекдот в России из уст человека образованного и правдивого, который видел оригинал письма: эта

¹⁰⁴ См.: Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. С. LVIII, 253, 280. Вопрос об астрологических пророчествах и гороскопе Петра I до сих пор привлекает внимание исследователей, что свидетельствует в пользу того, что материалы Штелина нельзя однозначно характеризовать как фальшивку. См.: Плужников В. Н., Симонов Р. А. Гороскоп Петра I // Труды Отдела древнерусской литературы. Л., 1990. Т. XLIII. С. 82–100.

¹⁰⁵ Погодин М. П. Два слова за Штелина // Погодин М. П. Семнадцать первых лет в жизни императора Петра Великого, 1672–1689. М., 1875. С. 229.

¹⁰⁶ Пекарский П. П. История имп. Академии наук в Петербурге. СПб., 1870. Т. 1. С. 559. См. также: Минцлов Р. Петр Великий в иностранной литературе. С. 97.

¹⁰⁷ См.: Павленко Н. И. Петр Великий. С. 357–358. Автор утверждает, что «Штелин пустил в оборот столько вымыслов, неточностей и легендарных подробностей, что его «Подлинные анекдоты» лишены именно подлинности» (С. 349).

история была мне подтверждена князем Щербатовым, архивистом Сената, у которого я из скромности не попросил копии», – писал Левек¹⁰⁸. И после публикации анекдотов Щербатов не отрекался от письма и не обвинял Штелина в подлоге, хотя и писал о письме весьма уклончиво: «Не утверждаю я напечатанного его (Петра I. – С. М.) письма в анекдотах, которое, *по крайней мере, вид истины имеет*»¹⁰⁹. Слова двух историков прямо свидетельствуют о том, что Штелин не был фальсификатором, он лишь добросовестно записывал то, что сообщали ему очевидцы и их потомки.

Не следует обвинять Штелина в том, что он не исправлял неточностей своих информаторов. Он не ставил такой задачи даже в тех случаях, когда у него были уточняющие данные. Например, Штелин сообщал со слов экипажмейстера Адмиралтейства Брюйна, что при основании Петербурга царь «не нашел... он иного строения, кроме деревянной рыбацкой на Петербургской стороне избы, в которой он сперва жил, и для сохранения о сем памяти, видим мы ее ныне обведенную каменными сводами и столбами под кровлю» (С. 150). Сохранившийся до наших дней домик Петра возводился специально для царя и не является «рыбацкой хижинкой», — уточняет Н. И. Павленко¹¹⁰. Между тем Штелин знал, что домик был построен специально для Петра, о чем он писал, перечисляя мемориальные вещи Петра в Петербурге: «Напротив сего места... стояла бедная рыбацкая хижина, из которой Петр Великий в 1703 году в несколько дней построил малый деревянный домик о двух покоях с сенями и кухнею» (С. 322). Это известие Штелина в общем соответствует сведениям современника: «На этом самом месте... некогда было 15 хижин, населенных шведскими рыбаками. После занятия этой местности русскими деревню сожгли, а его величество повелел поставить для себя тут маленький домик, где и жил»¹¹¹.

Е. В. Анисимов, по-видимому не разделяющий личной неприязни Н. И. Павленко к Штелину, публикуя избранные анекдоты, отмечал, что многие из них имеют под собой реальную историческую основу и находят подтверждение как в опубликованных, так и в архивных документах¹¹². Петербургский историк подверг источниковедческому анализу целый ряд анекдотов: о поведении Петра во время штурма Нарвы (№ 11), о попытке раскольника умертвить царя (№ 41), о князе Долгорукове, порвавшем царский указ (№ 96) и др. Анисимов указал не только на те случаи, когда конкретные документы петровского времени подтверждают или отвергают достоверность зафиксированного в анекдоте события, но обратил внимание на достоверность ситуаций, о которых идет речь у Штелина.

Рассмотрение каждого анекдота Штелина с точки зрения подлинности сообщаемых в нем фактов не входит в задачи настоящей работы. Тем не менее можно дополнить ряд сюжетов, которые прямо или косвенно подтверждаются или опровергаются документами. Так, в ряде анекдотов зафиксированы высказывания и конкретные поступки Петра, в общем-то адекватно отражающие протекционистский курс экономической политики в последние

¹⁰⁸ Levesque P.-Ch. Histoire de Russie. Hambourg et Brunswick, 1800. Т. 4. Р. 209.

¹⁰⁹ Щербатов М. М. Сочинения. Т. 2. Стб. 127.

¹¹⁰ Павленко Н. И. Петр Великий. С. 349.

¹¹¹ Беспятовых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 139.

¹¹² См.: Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. С. 420–425; см. также: Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 44, 55–57, 62, 64.

годы его царствования. Не исключено, что в некоторых случаях близко к оригиналу приведены и соответствующие слова Петра. В одном из анекдотов (№ 63) приводится речь царя, выступавшего против чрезмерной строгости таможенного устава: «Торговля и без того подобна немощной девице, которую не должно ни пугать, ниже опечаливать строгостию напротив того, более ласкать, ободрять и дружелюбием привлекать» (С. 191). Подобные «отеческие» высказывания встречаются в подлинных петровских бумагах. Например, учреждая компанию для торговли с Испанией, Петр предписывал ее дирекции иметь управление «как мать над дитятем во всем, пока в совершенство не придет»¹¹³.

Критическое отношение Петра I к суевериям, засвидетельствованное в нескольких анекдотах, также находит подтверждение в документах. В сходной ситуации, столкнувшись с обманом, Петр в январе 1723 г. известил Синод через его вице-президента Прокоповича об изъятии из дома секретаря Монастырского приказа Макара Беляева серебряного ковчега с изображением мученика Христофора с приказанием перелить его в «какой пристойно церковный сосуд», извергнув из него «содержавшуюся в нем под именем мощей» слоновую кость. При этом царь приказал написать трактат, который бы развенчивал распространенные в народе «сицевые и сим подобные суперстиции» (суеверия), идущие, по мнению царя, от греков¹¹⁴.

Выше уже отмечалось, что анекдоты довольно реалистично трактовали религиозную политику Петра. Зафиксированное в одном из рассказов нетерпимое отношение к иезуитам находит прямое подтверждение в собственноручном указе царя 18 апреля 1719 г. майору А. И. Румянцеву, производившему высылку иезуитов из Немецкой слободы. Майор Румянцев должен был произвести обыск в «езувицком монастыре» в полночь, взять все письма их, «чрез учителей наших школ пересмотреть при себе», подозрительные письма перевести и привести с собой в Петербург, а авторов таких компрометирующих писем арестовать. Царь писал: «Понеже слышали, что оные (иезуиты. — С. М.) учеников многих в свой закон привели, а наипаче из мещанской, того також освидетельствовать, и кои прилучатся в сем или в ином к ним, арестовывать»¹¹⁵.

Два анекдота в собрании Штелина (№ 93, 94) показывают снисходительность Петра к «нравственным погрешностям юношеским» и «плотским грехам». По словам автора, Петр и как законодатель не считал эти грехи опасными, противопоставляя человеческие слабости тем грехам и порокам, «которые причиняли явный вред всеобщему государственному благу и безопасности жителей и их имению» (С. 422). По свидетельству барона Черкасова, Петр осудил и даже высмеял закон императора Карла V, «предписывавший смертную казнь мечем за доказанное прелюбодеяние». Конечно, нельзя поручиться за точность слов, переданных современником, но именно такое отношение царя зафиксировали его собственноручные поправки к Воинским артикулам. Первоначальный вариант 169-го артикула устанавливал, что в случае прелюбодеяния «муж женатый» и «жена замужняя» «оба смерти

¹¹³ *Воскресенский Н. А.* Петр Великий как законодатель: Исследование законодательного процесса в России в эпоху реформ первой четверти XVIII века. Ленинград, 1945 (рукопись) // ОР РНБ. Ф. 1003 (Н. А. Воскресенский). № 14. Л. 356.

¹¹⁴ *Воскресенский Н. А.* Законодательные акты Петра I. М.; Л., 1955. Т. 1. С. 121.

¹¹⁵ ПСЗ. Т. 5. № 3356.

достойны» и должны «без рассмотрения особ казнены быть». Петр значительно смягчил наказание: «...онные оба наказаны да будут, по делу и вине смотря»¹¹⁶.

В одном из анекдотов говорится о ложном предсказателе наводнения в Петербурге: «Близ берега Невы стояло старое высокое дерево ольха. О нем пророчествовал один мужик в Петербурге, что в ближайшем сентябре месяце столь великое будет потопление города, что вода превысит помянутое дерево. Разнесшийся о том слух привел жителей сего города, а особливо легковерную чернь, в страх и безпокойствие... Петр Великий... весьма от того рассердился, велел то дерево срубить...»¹¹⁷ Любопытную параллель этому рассказу находим в писаниях П. Н. Крекшина. Здесь говорится о сосне, на которой жители обнаружили горящие «вощаные свечи». Свечи срубили, от чего осталась зарубка. «В 1720-м году от великой морской погоды была великая вода, которая все места жила Санктпитебурха глубиною около аршина покрыла. Чухна разглашали, будто бывает вода по сук с зарубкою; в народе великое было сомнение, и царское величество при присутствии своем повелел оную сосну срубить... которой сосны пень и доныне виден»¹¹⁸. В данном случае, по-видимому, имеется две независимые версии одного и того же сюжета о наводнении, который, по мнению современного исследователя, свидетельствует о том, «что сознанию петербуржцев было свойственно ожидание несчастья, состояние фобии, что и выливалось в негативное отношение к городу»¹¹⁹.

Еще один курьезный пример. Едва ли отыщется подтверждение рассказу о прибитом к стене таракане, вызвавшем вспышку гнева царя. Но то, что Петр не терпел тараканов и заботился, чтобы в домах, где он останавливался, их не было, подтверждается его перепиской. 3 декабря 1709 г. он писал московскому коменданту М. П. Гагарину: «И для житья нашего в Коломенском вели приготовить избушки две или три, в которых бы тараканов не было»¹²⁰.

Что касается анекдота «Царь Петр в анатомическом музее в Лейдене», перевод которого приведен в приложении к статье, то описанные в нем подробности едва ли можно принимать как вполне достоверные. Несомненно лишь то, что царь 28 апреля 1798 г. посетил Лейден и его знаменитый анатомический музей: «...проехали город Лейден и были в академии и в анатомии»¹²¹. Но знаменитый анатом Бюргаве (Бургаве) тогда не был еще доктором медицины и профессором ботаники, поэтому едва ли он отвечал за прием царя¹²². История с «укушенным трупом» демонстрирует стереотипное восприятие европейцами «русского варвара». Это, возможно, и стало причиной того, что Штелин не поместил анекдот в свое издание. Смягченный вариант

¹¹⁶ Воскресенский Н. А. Петр Великий как законодатель. Л. 220; см.: Российское законодательство X–XX веков. М., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. С. 359.

¹¹⁷ (Штелин Я.) Подлинные анекдоты Петра Великого. С. 157–158.

¹¹⁸ (Крекшин П. Н.) О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга // ОР РНБ. Эрм. № 350; Ф. 683 (Семевские). № 12; опубликовано без указания авторства: Беспятовых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. С. 261.

¹¹⁹ Агеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» — град святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999. С. 86.

¹²⁰ Письма и бумаги Петра Великого. М.; Л., 1950. Т. 9, вып 1. С. 475.

¹²¹ Журнал 205 году // Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. С. 607.

¹²² См.: Левинсон-Лессинг В. Ф. Первое путешествие Петра I за границу. С. 15.

рассказа, но связанный уже с посещением анатомической коллекции Ф. Рюйша, приводит в своей книге Й. Дриссен: «Однажды, посещая Рюйша, Петр увидел прелестного ребенка, препарированного столь мастерски, что он казался живым. Этот ребенок так тронул Петра, что тот снял его с полки и поцеловал»¹²³.

Думается, что приведенные примеры подтверждают априорную мысль А. Е. Чекуновой о том, что «записи Штелиным устных воспоминаний не менее точны, чем другие источники личного происхождения»¹²⁴.

Подводя итог, можно отметить, что анекдоты Штелина о Петре Великом весьма интересны и ценны как явление «устной истории» XVIII в. Конечно, они отразили в себе лишь определенную часть устных преданий о Петре; они подчеркнута субъективны и в случае использования их как источника о Петре и его времени требуют всесторонней критики, ибо соединяют в себе особенности повествовательной литературы, фольклора, мемуаров и политического панегирика. Анекдоты донесли до нас некоторые уникальные свидетельства о характере, необычном поведении, ярких изречениях и взглядах Петра I. Даже самые суровые критики Штелина признают, что он сумел передать в своих рассказах дух времени, создать психологически убедительный образ преобразователя. Но не менее, чем о Петре I, эти анекдоты свидетельствуют и о рассказчиках, и о собирателе, и об их времени. Петр I оценивается через призму послепетровского времени, когда правили его «ничтожные наследники», когда стали забываться тяжелые судороги эпохи реформ. Проблемы елизаветинского царствования (обострение отношений с «русскими немцами», подъем национального самосознания, доходящий до национализма, фаворитизм, усиление позиций православной церкви, подъем культуры и т. д.) обостряли, а подчас искажали видение реалий петровского времени. Анекдоты свидетельствуют и о том, как в тумане воспоминаний, преданий и вымыслов, в фимиаме официального славословия Петр I приобретает черты мифологического героя: рожденного по предсказаниям, преодолевшего массу смертельных опасностей и препятствий, наделенного харизматическими чертами. Анекдоты дают нам возможность увидеть зарождение и развитие в массовом сознании одного из наиболее ярких мифов века Просвещения — мифа Петра Великого.

Публикуя свой сборник анекдотов о Петре Великом, Я. Штелин выражал надежду, что будет издано «обильное продолжение сих статей». И он не ошибся.

¹²³ Дриссен Й. Царь Петр и его голландские друзья. СПб., 1996. С. 51.

¹²⁴ Чекунова А. Е. Анекдоты Якоба Штелина о Петре I: (К вопросу о добросовестности собирателя и составителя) // Немцы в России: Проблемы культурного взаимодействия. СПб., 1998. С. 90.

ЦАРЬ ПЕТР В АНАТОМИЧЕСКОМ МУЗЕЕ В ЛЕЙДЕНЕ

Когда Петр Великий находился в Лейдене, он не упустил возможности осмотреть все, что имелось там примечательного, а особенно то, что давало ему детальное знакомство с устройством порядочного университета. Желая видеть ботанический сад, он послал к его инспектору профессору Боергаве спросить, какое время является наиболее удобным для осмотра. Получив ответ, что Его Величество может приходить, когда ему нравится, государь повелел сказать, что он прибудет на следующий день в шесть часов утра. И не успело пробить шесть часов, как он находился у ворот сада.

В анатомическом музее, где он остановился на несколько часов, чтобы все внимательнейшим образом изучить, он обнаружил среди прочих редких предметов целый высушенный труп, лишенный кожи, чтобы лучше были видны все мышцы, часть из которых была специально выделена. Этот труп, пропитанный терпентином (скипидаром), вызвал у некоторых господ из свиты Его Величества тошноту и отвращение к анатомии. Заметив это, Петр I откусил маленький кусочек (трупа) и приказал наиболее впечатлительным из его свиты также откусить кусочек; и они были вынуждены это сделать немедленно. «Хорошо, — сказал царь смеясь, — не правда ли, нельзя лучше избавиться от неуместного отвращения, как при наибольшем приближении». Следы от укусов и сегодня видны на вышеупомянутом трупе.

От господина Германа Каау Боергаве,
Лейбмедика Ее Величества Императрицы
Елизаветы, племянника знаменитого
доктора Боергаве из Лейдена

ОР РНБ. Ф. 871 (Штелин).
№18. Л. 161-161 об. (оригинал по-фр.)

Pour Son Excellence Monsieur de Staehlin Conseiller d'état actuel de S. M. I.¹²⁵

По изустным преданиям от находившихся при Петре Великом приближенных, в том числе был собственный его механик А. Нартов, который тоже сказывал, повествуется: якобы государь положи твердое намерение с армиею своею при Пруте храбро пробиться сквозь многочисленное войско турецкое, будучи оным со всех сторон окружен, и опасаясь несчастного приключения, накануне такого предприятия в предосторожность написал а Сенат своеручный указ, изъявляющий горячайшую любовь его к отечеству своему, и безпримерный великий дух, превышающий его выше смертных; какого примера ни в древних, ни в новых деяниях не находим мы, и который доказывает, что он государство свое любил паче, нежели Самого себя.

Сие повеление якобы состояло в том, чтоб в случае несчастного плена его, не почитали бы уже его более с того часа государем своим, но избрали бы на место его главою государства достойнейшего; и по присылаемым из плена подписанным его рукою указам не только никакого исполнения не чинили, да и оным бы не верили.

Из сего доказывается, что Петр Великий лутче желал всякое несчастье претерпеть сам один, нежели что-либо уступить от отечества своего неприятелю и общую пользу предпочитал самому себе.

О сем слышал я неоднократно от отца моего А. Нартова, при Петре Великом неотлучно 22 года бывшего, которого сей монарх любил, то же слышал я от г. сенатора князя Михаила Михайловича Щербатова, которому вверена была Архива Петра Великого для разбора. Но послан ли был такой указ, и существует ли он где в хранилищах, того сказать не могу, а надлежит осведомиться о сем полутче у князя Щербатова.

Петр Великий упражнялся ежедневно в механической своей лаборатории в токарном искусстве, чертя в ней иногда планы кораблей, укрепления мест и проведение сухопутных каналов, сверх сего тут же рассматривая важные государственные дела, часто был обезпокоен приходом туда больших или знатнейших господ, которых в сию токарную по изустному его повелению находящийся при нем собственный его и любимый механик Андрей Нартов, вместе в токарном искусстве и протчих механических изобретениях трудившийся, не впускал. Но князь Меншиков, будучи недоволен отказом, угрожал Нартову впредь за такое препятствие несчастьем. Нартов, доложив о таких его угрозах государю, получил в ответ такие слова...

«Я переточу в токарной непослушных в послушные», указав на дубинку в углу стоявшую, которою он упрямых наказывал, потом написав следующее, отдал, сказав: «Андрей, вот тебе знак руки моей, покажи сующемуся сюда».

Слова написанные суть точно следующие: «Да не входит сюда никто посторонний, ниже служитель дома сего, дабы хотя сие место хозяин покойное имел. Петр».

Сей указ и поныне находится в сохранении у сына сего Нартова, действительного статского советника и Берг-коллегии вице-президента Нартова.

ОР РНБ. Ф. 871 (Штелин).
№18. Л. 23–2

¹²⁵ Его Превосходительству господину Штелину, действительному статскому советнику Е. И. В. – фр.

О. В. Кочукова

ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ К. Д. КАВЕЛИНА В 1860-е гг. И ИХ ОБЩЕСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Виднейший представитель общественной мысли России XIX в. Константин Дмитриевич Кавелин (1818–1885) оставил богатое научно-теоретическое и публицистическое наследие. Заметный вклад он внес и в развитие исторической науки. Исследователи, изучавшие русскую историографию, всегда подчеркивали значение статьи Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России», опубликованной в 1847 г. в «Современнике»¹.

Своей главной методологической целью Кавелин тогда считал утверждение нового подхода к историческим изысканиям. По его мнению, в прошлом должно было остаться как собирательство фактов без обобщений, так и отвлеченное абстрактное теоретизирование². Поиск научного метода – весьма показательное явление. А. Н. Ерыгин в связи с этим провел очень интересное сравнение двух памятников научной мысли – «Взгляда на юридический быт древней России» Кавелина и «Писем об изучении природы» А. И. Герцена. Общим для них, как выяснилось, был как раз научно-методологический подход («сциентизм»)³.

Сциентизм, уверенность в возможности рационального объяснения всех явлений и процессов – характерная для западников черта в области мировоззрения и одновременно – антитеза славянофильским представлениям о значимости иррационального в познании.

Теория Кавелина, объясняющая смысл русской истории, сводилась к мысли о последовательном развитии юридического быта России от родовой организации через вотчинную к государственной. Главным отличием России от Западной Европы, по мысли Кавелина, было отсутствие личного начала. Но, тем не менее, Россия в своем историческом развитии смогла стать европейским государством, поскольку изменение юридических форм (а не восточное циклическое повторение их) привело к постепенному развитию личности⁴.

¹ См. напр.: *Коялович М. О.* История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884. С. 389–395; *Милюков П. Н.* Юридическая школа в русской историографии // *Русская мысль*. 1886. Кн. 6. С. 81–84; *Рубинштейн Н. Л.* Русская историография. М., 1940. С. 274–298; *Тальников Д. Л.* Концепция К. Д. Кавелина и взгляды В. Г. Белинского // *Вопросы истории*. 1956. № 9; *Овчинникова А. С.* Полемика вокруг статьи К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России» // *Уч. зап. Горьк. ун-та. Серия гуман. наук. Горький*, 1969. Вып. 105.; *Цамутали А. Н.* Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977. С. 22–34, 41–46; *Ерыгин А. Н.* Философия истории русского либерализма второй половины XIX века: (К. Д. Кавелин, С. М. Соловьев, Б. И. Чичерин). Дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/ Д., 1992. С. 100–101, 116–128, 170–181.

² См.: *Кавелин К. Д.* Взгляд на юридический быт древней России // *Наш умственный строй*. М., 1989. С. 14–15.

³ См.: *Ерыгин А. Н.* Указ. соч. С. 170–181.

⁴ См.: *Кавелин К. Д.* Взгляд на юридический быт. С. 12–13.

В попытке увидеть в истории России своеобразие и уникальность наряду с общими закономерностями европейского развития уже просматривался первый намек на возможность не противопоставлять, а примирить западнические и славянофильские постулаты. Но вместе с тем мысль о своеобразии русской истории, конечно же, не могла поколебать общего значения кавелинской статьи как «манифеста западничества». Наиболее значимым в статье было провозглашение западнической системы ценностей. Центральный ее элемент – философия свободной и независимой личности – нашел самое яркое отражение в рассуждениях Кавелина. Автор статьи заявлял: «Для народов, призванных ко всемирно-историческому действию в новом мире, такое существование без начала личности невозможно. Таким образом, личность, сознающая сама по себе свое бесконечное, безусловное достоинство, – есть необходимое условие всякого духовного развития народа»⁵.

Кавелин, очевидно под влиянием философии Гегеля, видел полное развитие свободной личности только в государстве: «Появление государства было вместе с тем и освобождением от исключительно кровного быта, началом самостоятельного действия личности, следовательно, началом гражданского, юридического, на мысли и нравственных интересах, а не на одном родстве основанного общественного быта»⁶. Возникновение и развитие «идеи государства» автор «Взгляда на юридический быт древней России» связывал с «двумя величайшими деятелями в русской истории, Иоанном IV и Петром Великим»⁷.

Таким образом, Кавелин, наряду с С. М. Соловьевым и Б. Н. Чичериным, заложил теоретические основы «государственной» школы в русской историографии. Но исторические воззрения Кавелина не были статичным компонентом его мировоззрения, они изменялись под влиянием как внутренних закономерностей исторической науки, так и общественно-политической реальности. Первоначальные положения «школы родового быта» со временем стали узкими рамками, преодолеть которые попытались уже сами родоначальники этого направления в историографии. В 1860-е гг. Кавелин пересмотрел свои представления о содержании исторических процессов в средневековой и новой России.

Эволюция исторических взглядов Кавелина нашла отражение в двух его работах: «Краткий взгляд на русскую историю» (1863–1864, представляет собой конспект лекций, прочитанных в профессорском клубе в Бонне) и «Мысли и заметки о русской истории» (1866, опубликованы в «Вестнике Европы»). Последнее исследование Кавелин, по словам Д. А. Корсакова, рассматривал в качестве «итога его исторических и политических взглядов и «лебединой песни» в области русской истории»⁸.

Понимание соотношения «личности» и «государства» в истории было уже совершенно иным. Кавелин создал, в сущности, новую схему исторического развития России. Как это было характерно для Константина Дмитриевича, теоретические построения обретали самые доступные лаконичные и яркие формулировки в частной переписке. В мае 1864 г. он, объясняя своей постоянной корреспондентке Э. Ф. Раден содержание берлинских исторических лекций, писал: «Главные мысли были вот какие: русское государство было создано великорусским племенем... Оно раздавило личность на всех общественных ступенях и тем сделало возможным государство. Тип его – власть вотчинника и домохозяина. Этот тип проведен с страшной, убийственной последовательностью через весь быт, сверху донизу. К концу XVII века этот тип развился вполне, в

⁵ Там же. С. 22.

⁶ Там же. С. 48.

⁷ Там же. С. 49.

⁸ Кавелин К. Д. Собр. соч. СПб., 1898. Т. 1. Примечания. II.

полной красе своего безобразия. Если бы мы были азиатский народ, мы бы и сгнили в этом состоянии. Но в нас есть способность к развитию, и потому начало личности, индивидуальности, должно было выразиться и понемногу вступить в свои права. Первой личностью был Петр. Начиная с него, идет ряд освобождений из крепостного состояния, сперва дворян и высших городских классов, духовенства, далее казенных крестьян, наконец, помещичьих. В нынешнее царствование этот период освобождения закончился»⁹.

Итак, в 1860-е годы возникновение государства и «идеи государства» Кавелин уже не считал отправной точкой развития «личного начала». Он стал относить последнее к гораздо более позднему времени. Общественно-политический строй России вплоть до начала XVIII в. получает новое определение: «государством», которое представляло собой «власть вотчинника и домохозяина».

В исторической концепции Кавелина значительно усилился «этнографический элемент»: Константин Дмитриевич подчеркивал, что особый тип «государства-дома» был создан именно «великорусским племенем», образовавшимся в результате смешивания восточнославянского и финно-угорского населения.

Повышенное внимание к своеобразию социально-политического уклада России и стремление найти в нем залог ее дальнейшего развития сближали Кавелина со славянофилами. (И в этом смысле исторические изыскания были одним из элементов осуществленного им синтеза западного и славянофильского учений.) С точки зрения Кавелина, не только особый тип политической власти отличал Россию от остального мира, но и общинная сельская организация, гарантировавшая «всеобщую причастность к благу поземельной собственности».

Чем же объяснялось столь серьезное изменение исторических воззрений Кавелина по сравнению с теми, что принесли ему славу историка в 1840-е гг.? Какое значение имела эволюция исторических представлений либерала в становлении всей совокупности (системы) его взглядов?

Следует отметить, что эти вопросы привлекали (и продолжают привлекать) внимание исследователей. В дореволюционной историографии исторические взгляды Кавелина 1860–х гг. вызвали интерес В. А. Мякотина, назвавшего их «неудачным синтезом западничества и славянофильства»¹⁰.

Немало интересных наблюдений было сделано советскими историками. «Этнографическое объяснение» русской истории, выдвинутое Кавелиным, а также его понимание соотношения «государства» и «народа» были предметом анализа Н. Л. Рубинштейна¹¹.

В. Е. Иллерицкий рассматривал «солидаризацию со славянофилами» и своеобразное объяснение русской монархии как подтверждение «реакционного поворота» в «государственничестве» Кавелина¹².

Исследование Иллерицкого не отличалось глубиной и тщательностью анализа, чего никак нельзя сказать о подробном и кропотливом изучении исторических взглядов Кавелина, предпринятом А. Н. Цамутали. Но выводы двух историков близки друг другу: А. Н. Цамутали тоже говорил об «эволюции вправо» исторической концепции Кавелина¹³.

Современный исследователь В. А. Китаев, проявляющий большой интерес к научному и публицистическому творчеству Кавелина, сравнивая его исторические

⁹ Из литературной переписки К. Д. Кавелина // Русская мысль. 1899. № 12. С. 13–14.

¹⁰ Мякотин В. А. К. Д. Кавелин и его взгляды на русскую историю // Русское богатство. 1898. № 2.

¹¹ См.: Рубинштейн Н. Л. Указ соч. С. 300.

¹² См.: Иллерицкий В. Е. О государственной школе в русской историографии // Вопросы истории. 1959. № 5. С. 145.

¹³ См.: Цамутали А. Н. Указ соч. С. 177–184.

изыскания 1840-х и 1860-х гг., делает вывод о значительном сближении со славянофильством, но не настаивает на консервативном (и тем более реакционном) значении такой эволюции¹⁴.

Интересно отметить, что почти все исследователи отмечали такие черты исторической концепции Кавелина, как внимание к этнографическому фактору истории, определение особого типа «вотчинного государства», оригинальное объяснение исторического развития самодержавия. Но вопрос об общественном значении этой концепции остается открытым: была ли она консервативной теорией, оправдывавшей русское самодержавие, а если была, то каким образом она могла в то же время выполнять функцию исторического обоснования программы либеральных реформ? На поставленный вопрос необходимо найти ответ потому, что общественное значение исторической концепции обладало первостепенной важностью для ее автора: ведь Кавелин не был «профессиональным» историком, но он был прежде всего общественным деятелем.

Не будет преувеличением утверждать, что Константин Дмитриевич придавал изучению истории центральное значение в формировании общественного мнения и национального самосознания. В 1872 г. в рецензии на диссертацию Д. А. Корсакова он писал: «Только серьезными историческими трудами может мало-помалу выясниться наше народное и историческое самосознание, и будет положен давно желанный конец тем произвольным кочеваниям по необозримым степям русской истории, которые сбивают с толку нашу мысль, не дают ей правильно осесться и кристаллизироваться. Молитва и пост для нашего ребяческого, затуманенного, блуждающего народного самосознания есть история, история и опять—таки история,—критическая, добросовестная, правдивая»¹⁵.

В 1860-е гг. Кавелин предъявлял к исторической науке значительно более строгие требования, чем два десятилетия назад. «Наши теории 40-х годов,—писал он,—исходили из общих начал, взятых извне, из идеалистической немецкой философии или из фактов западноевропейской политической и общественной жизни. Поэтому они были оторваны от почвы, были слишком априористичны для русской жизни»¹⁶.

Добросовестное и тщательное изучение источников, с точки зрения Кавелина, должно было быть основой исторической науки, но точно в такой же степени ею должна была быть тесная связь с «русской почвой», то есть с основными вопросами общественно-политической современности России.

Именно поэтому представляется возможным правильно оценить историческую концепцию Кавелина 1860-х гг. только через понимание его общественной деятельности и политической мысли той поры.

Все перипетии общественной борьбы эпохи реформ получили преломление как в творчестве, так и в личной судьбе Кавелина. Известный либерал стоял у истоков формирования теоретической программы реформ в 1850-е гг., но в 1860-е гг. созданные ранее схемы было необходимо соотносить с реальной практикой преобразований. Если в 1850-е гг. Кавелин считал своей основной целью — с помощью участия в общественной жизни и политической борьбе добиться утверждения реформаторских планов в замыслах правительства, то в начале 1860-х гг. его внимание переключилось на укрепление преобразовательной идеологии в общественном мнении и менталитете различных слоев населения.

¹⁴ См.: *Китаев В. А.* К. Д. Кавелин: между славянофильством и западничеством // В раздумьях о России: XIX век. М., 1996. С. 244–247.

¹⁵ *Корсаков Д. А.* Материалы для биографии К. Д. Кавелина // Вестник Европы. 1887. Кн. 5. С. 19.

¹⁶ *Корсаков Д. А.* Материалы... // Вестник Европы. 1887. Кн. 2. С. 629.

Константин Дмитриевич взял на себя труд вести разъяснительную, пропагандистскую работу в обществе: его публицистические произведения были направлены на создание в общественном мнении нужного, с его точки зрения, восприятия совершавшихся изменений. Фактически это означало признание того, что результаты реформ зависят в большей степени от практической реализации преобразования и общественной активности на местах, чем от самого законодательства и правительственной политики. В 1865 г. Кавелин писал А. Л. Корсакову: «Все, что до сих пор у нас делалось, было в руках правительства. Что теперь делается – этого никакого в мире правительство, будь у него семь пядей во лбу, сделать не может»¹⁷.

Но действительность оказалась сложнее. События, связанные с разработкой университетского устава 1863 г., показывали иллюзорность представления Кавелина о том, что в 1860-х гг. успех реформ в большей степени зависел от их общественного восприятия, чем от позиций власти. Консервативные отступления правительственного курса свидетельствовали о том, что от власти еще зависело очень многое. Попытка организовать мирную либеральную оппозицию и содействовать более демократичному варианту решения университетского вопроса окончилась провалом. В 1861 г. Кавелин вместе с другими оппозиционными петербургскими профессорами вышел в отставку. В 1862–1864 гг. он находился за границей (где и читал исторические лекции), имея формальное поручение изучать устройство западноевропейских университетов. Фактически же поездка за границу была формой почетной ссылки неугодного профессора. В 1864 г. Кавелину было отказано даже в публикации новых статей о немецких университетах¹⁸.

В начале 1860-х гг. Кавелин пережил разочарование не только в намерениях власти, но и в общественном движении. Единственно приемлемой формой оппозиции Константин Дмитриевич считал только ненасильственное сопротивление всей либеральной интеллигенции, которая была бы в состоянии продемонстрировать власти свою силу и вместе с тем всю степень толерантности и выдержанности по отношению к правительству. Но в обстановке разрастания общественных конфликтов и политических разногласий подобный план оказался совершенно нереалистичным. В такой ситуации Кавелин избрал для себя лично самоустранение от общественной борьбы. (Он писал Д. А. Милютину: «...ухожу прочь, в частную жизнь, измученный, изувверившийся во всем, в том числе, и в самого себя»¹⁹).

Но несмотря на то, что эскалация общественных конфликтов после 1861 г. ставила Кавелина в очень трудное положение (либерала-«постепеновца» обвиняли и «справа» и «слева»), он не терял оптимизма в отношении будущего России. «Развитие пойдет очень, очень медленно, – писал Кавелин, – потому что будут развиваться не одни верхние слои, а весь народ. Зато это развитие будет очень прочно... Правда, что мы живем в великое время для России»²⁰.

Тем не менее, осознание неудач и трудностей, встававших на пути преобразований, заставляло Кавелина искать их причины. Чрезвычайно показательно, что этот поиск он перенес в сферу теоретико-исторических

¹⁷ Кавелин К. Д. Собр. соч. Т. II. С. 161.

¹⁸ Подробнее см.: Кавелин К. Д. Извлечение из письма управляющему министерства народного просвещения от 25 марта 1863 г. из Тюбингена. СПб., 1863; Кавелин К. Д. Собр. соч. Т. 2. С. 1205; Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958. С. 156–202; Спасович В. Д. Кавелин // Кавелин К. Д. Собр. соч. Т. 2. С. XX–XXVII; Эймонтова Р. Г. Русские университеты на путях реформ: шестидесятые годы XIX в. М., 1993. С. 29–31; Стаферова Е. Л. Министерство народного просвещения и печать при А. В. Головнине // Отечественная история. 1995. № 5. С. 70.

¹⁹ Письмо К. Д. Кавелина к Д. А. Милютину, 24 окт. 1861 // ОР РГБ. Ф. 169. П. 64. Д. 60.

²⁰ Из литературной переписки Кавелина // Русская мысль. 1899. № 8. С. 4.

обобщений. В середине 1860–х гг. именно работы исторического характера выдвигаются на первый план в творчестве Кавелина.

Есть основания предполагать, что переход на более отвлеченную, теоретизированную стадию осмысления реформаторского процесса имел свои причины. Он был обусловлен закономерностями развития общественной мысли Кавелина. Объяснить предпосылки отдельных неудач особенностями исторического развития России, не умаляя значения современного исторического момента, значило для Кавелина очень многое. Таким образом, он мог внести некоторое умиротворение в свой собственный внутренний разлад, вызванный наблюдением трудностей реформирования и несовпадением идеальных моделей с действительностью. Исторический способ объяснения недостатков реформаторского процесса позволял, что было для идеолога реформ особенно важным, поддержать уверенность общественного мнения в правильности либерального курса.

Нетрудно заметить, что содержание исторических работ Кавелина 1860-х гг. подчинено раскрытию двух явлений общественной жизни и политической власти в России. С точки зрения Кавелина, это были две исторические «тайны» России. «Тайна» общественной жизни заключалась в «безличности»: «Безличностью и бесхарактерностью дышит домашняя и общественная жизнь, умственная и всякая деятельность, даже образованных слоев нашего общества»²¹. Первая «тайна» породила вторую – «тайну всемогущей власти», которая могла бы стать восточной деспотией, если бы она не была «деятельным органом развития и прогресса в европейском смысле», что придавало ей «народный характер»²².

Историческая концепция Кавелина перестает казаться противоречивой, если попытаться рассмотреть ее как последовательное раскрытие отношений власти и общества в России.

Итак, началом собственно русской («великорусской») истории, с точки зрения Кавелина, следовало считать не период Киевской Руси, а XI или XII в., когда «переселенцы двинулись разными путями из Западной России на восток, в финские земли»²³. (И, таким образом, «мы прожили не тысячу лет, а гораздо меньше»²⁴.)

Именно поэтому и развитие личности Кавелин стал относить к гораздо более позднему периоду, что связывал с длительной консервацией отсталости народной жизни. Это произошло, по его мнению, вследствие примешивания «финского элемента» к «русско-славянским колонистам в процессе образования великорусской народности».

Возникновение «великорусской народности» в результате «примешивания финского элемента к русско-славянским» многое объясняло в новой исторической концепции Кавелина. Н. Л. Рубинштейн даже счел возможным говорить о применении этнографического объяснения русской истории²⁵. Кавелин, в самом деле, уделял значительное внимание этнической психологии великоросса, формировавшейся в особых климатических, географических, этнических условиях северо-востока Руси. «Представим себе, – писал он, – колониста, который в дикой глуши, разделенной огромными пространствами от жилых и промышленных центров, впервые заведет хозяйство»²⁶.

²¹ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Кавелин К. Д. Наш умственный строй... С. 228.

²² Там же. С. 221–222.

²³ Там же. С. 157.

²⁴ Там же. С. 183.

²⁵ См.: Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 300.

²⁶ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории // Кавелин К. Д. Наш умственный строй... С. 182.

Отличительной особенностью нового этнического образования, по мнению Кавелина, стал низкий уровень общественной культуры (он говорил даже о ее полном отсутствии). Причина заключалась в том, что в великорусском племени стала действовать «масса», а не личность. В качестве основной социальной единицы сформировался «дом», или «двор». Отношения по типу младших к «отцу» (*des Guts – und Hausherrn* – домохозяину) распространились на все стороны общественной жизни от семьи до государства. Таким образом, заключал Кавелин, «индивидуальность не имела простора, начала личности не было вовсе»²⁷.

Исторические воззрения Кавелина занимали свое место в процессе развития русской исторической мысли. Н. Л. Рубинштейн предположил, что источником этнографического объяснения русской истории для Кавелина могла являться статья Н. И. Костомарова «Две русские народности» (1863 г.) От обобщений Кавелина (так же, как и от определенных наблюдений Н. И. Костомарова, С. М. Соловьева) преемственность мысли шла к В. О. Ключевскому²⁸. (Общими были представления о роли колонизации и финского населения в становлении многих общественных явлений.) Но, думается, более важно акцентировать общественно-политическое содержание исторических построений Кавелина, методы исследования которого не являлись «профессионально»-историческими.

Наиболее интересна в связи с этим трактовка Кавелиным той модели социально-политического устройства России, которая сложилась в окончательном виде к XVII в. Кавелин писал: «*Вся организация Великороссии в XVII веке представляется в таком виде: в частном быту* (выделено мной. – О. К.) – глава семейства и господин над холопами; *в общественном* – значительная часть сельского населения подвластна частным владельцам и духовенству; весь остальной народ разделен на наследственные «чины» или разряды, приуроченные к известным надобностям царской службы, и находится в такой же подчиненности своему разряду, как помещичьи и вотчинные крестьяне своему владельцу; *в администрации* – воевода и различные царские слуги, с такою же точно властью над подчиненными им городами... и сельским населением; все государство представляет колоссальный дом, или двор, подвластный московскому царю, который заведывает им посредством своих слуг»²⁹.

Итак, перед нами – картина всеобщего бесправия, закрепощенности и подчинения, господства подавляющей дисциплины и отсутствия свободы личности. «Государство-двор» рассматривалось Кавелиным как наиболее общий принцип социально-политического устройства всего общественного быта России. Объяснение этому принципу Кавелин находил в глобальной неразвитости общественной жизни («другой общественности, кроме, так сказать, домашней и семейной, или родственной»³⁰.) Другими словами, общественная жизнь не имела своей независимой «ниши» в виде корпораций, цеховых организаций, местного самоуправления и т.д. – и именно подобная ситуация была благоприятной почвой для расцвета государственного принуждения.

Однако в трактовку сильного государства Кавелин вносил двойной смысл (и это свидетельствовало о некоторой парадоксальности его мышления): не только элемент критики, но и защиту государства как важнейшего плода, итога исторического развития России. Самодержавная власть, как считал Кавелин, в борьбе с аристократией приобрела «народный характер» (царь как защитник

²⁷ Кавелин К. Д. Краткий взгляд на русскую историю // Кавелин К. Д. Наш умственный строй... С. 158–161.

²⁸ См.: Рубинштейн Н. Л. Указ. соч. С. 300.

²⁹ Кавелин К. Д. Мысли и заметки о русской истории... С. 220.

³⁰ Там же. С. 228.

простого народа – «сирот».) Впоследствии же «образованное меньшинство», которое всегда было бессильно в борьбе со «средой»³¹, смогло опереться только на государственную власть. С Петра I государство в России, по мнению Кавелина, стало играть прогрессивную роль. История XVIII – первой половины XIX в. рассматривалась им как последовательный реформаторский процесс. Сущностью последнего было проведение в жизнь начала личности, постепенное раскрепощение сословий (в этом он разделял взгляды Б. Н. Чичерина). Формула русской истории «по-Кавелину» слишком напоминала его собственное «кredo» в отношении общественного развития: «Не подвергая опасности выигранное государственное начало, идти постепенно сверху вниз, от высших слоев русского общества к низшим»³².

А. Н. Цамутали, изучавший развитие государственной школы историографии в пореформенный период, сделал верный вывод о том, что исторические рассуждения Кавелина представляли собой попытку обоснования программы либеральных реформ «сверху». Но вызывает сомнения предположение историка о наличии в исторических взглядах Кавелина подтверждения факта его эволюции «вправо». А. Н. Цамутали подчеркнул «оправдание» Кавелиным русского самодержавия и выделил «национа-листический аспект» в его мировоззрении (мнение об исторической пользе борьбы Ивана IV с «западно-польскими элементами»)³³.

Однако еще Н. Л. Рубинштейн отмечал: Кавелин акцентировал ту мысль, что сила государства заключалась в слабости народа. Объективный смысл исторических работ Кавелина – не в защите самодержавного политического устройства, а в демонстрации способа постепенного освобождения общества из-под опеки государства. Это освобождение, по мнению Кавелина, могло произойти только в результате развития общественного самоуправления и всех тех сфер, которые могли быть его школой (образование, общинное устройство, корпоративные организации, земские учреждения и т.д.) С помощью своих исторических работ Кавелин пытался убедить общество в том, что главная причина всех трудностей, возникавших на пути реформ, – низкий уровень развития общественной жизни и политической культуры. Единственным способом противостояния консервативным отступлениям власти, по мнению Кавелина, являлась неотступная и упорная общественная деятельность, создающая устойчивую самоорганизацию общества. За историческими рассуждениями Кавелина читался призыв, обращенный к обществу: невзирая на трудности, сохранять оптимизм и своей деятельностью добиваться укрепления либеральных реформ в социально-политическом укладе России.

Изучение Кавелиным закономерностей и особенностей русской истории, так же как и осмысление общественного развития России в 1850-е – начале 1860-х гг., подводило его к созданию общей формулы, объясняющей в предельно сжатом виде специфику социально-политического уклада страны. Формула (или, вернее, термин) появляется в публицистическом наследии Кавелина начиная приблизительно с 1863 г. В статье «Краткий взгляд на русскую историю» (1863–1864 гг.) Кавелин провозглашал: «Мы – мужицкое царство». Источники своеобразия общественного развития автор статьи видел в том, что в России основным «камертоном внутренней жизни» была и остается «сельская масса», другие же общественные элементы не имели такой «блистательной истории», как в Европе³⁴. В письме к Э. Ф. Раден (окт. 1863 г.) Кавелин разъяснял свою мысль,

³¹ Кавелин К. Д. Краткий взгляд на русскую историю... С. 208–209.

³² Кавелин К. Д. Краткий взгляд на русскую историю... С. 164.

³³ Цамутали А. Н. Указ. соч. С. 177, 181–184.

³⁴ Кавелин К. Д. Краткий взгляд на русскую историю... С. 168.

уточняя значение преобладания крестьянских масс: в России, как в «мужицком царстве», «совершенно иначе поставился социальный вопрос, вызвавший социальные теории, социальные революции и борьбу»³⁵.

Особенности аграрной экономики России (сильный общинный сектор, «всеобщая причастность к поземельной собственности»), по представлениям Кавелина, гарантировали решение проблемы социальной защищенности мирным, эволюционным путем. Этой же цели должно было содействовать утверждение в правительственной политике исторического идеала самодержавной власти («мужицкого» царя – защитника народа).

Таким образом, формирование исторического сознания российского общества и особенно понимание им двух «тайн» русской истории («тайны» государства и «тайны» общественной жизни) должны были, по представлениям Кавелина, повести к правильному решению основных задач социально-политического развития. Освобождение из-под опеки государства не разрушало бы полностью политического значения этого инструмента преобразований в России и тем самым позволило бы решать параллельно проблему социальной защищенности основного населения и эффективного экономического развития («крестьянский вопрос»).

Специфические условия «мужицкого царства» должны были открывать дорогу бесконфликтному эволюционному развитию России. В ходе последнего Кавелин предусматривал формирование общественного самоуправления, механизмов самоорганизации общества и правовых гарантий, создание слоя образованных и экономически сильных людей, составляющих опору либерального общества. Идеал «мужицкого царства», таким образом, сочетал в себе либеральные ценности с предложением оригинального и достаточно утопичного плана их внедрения.

Теория «мужицкого царства» стала основой для проектов дальнейших преобразований в России, созданных Кавелиным впоследствии (в 70–80-е гг. XIX в.) Исторические и историко-философские изыскания способствовали формированию представлений Константина Дмитриевича о содержании и способах реформирования страны. Вместе с тем они были частью его общественно-политического мировоззрения и потому очень характерны как теоретическая попытка соотнесения идеальной модели реформ с их реальной практикой.

³⁵ *Корсаков Д. А.* Из жизни К. Д. Кавелина во Франции и Германии в 1862–1864 гг. (по его переписке за это время) // Русская мысль. 1899. № 12. Отд. II. С. 4.

Ю. Ф. Иванов

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СТАТЬИ П. Л. ЛАВРОВА

Прошло более ста лет со времени смерти Петра Лавровича Лаврова (1823–1900). Интерес к его личности между тем сохраняется, чему свидетельство монография Б. С. Итенберга «П. Л. Лавров в русском революционном движении» (М., 1988), в которой подробно исследуется роль этого виднейшего идеолога народничества в русском и международном революционном движении. Но, естественно, в одной работе невозможно устранить все «белые пятна» в жизнеописании человека столь крупного масштаба. В настоящих заметках мы хотим рассказать об одном из них.

Все, кому довелось заниматься отечественной историографией на рубеже 70–80-х гг. XIX столетия, знают статью П. Л. Лаврова «Противники истории». В ней говорится, как четыре человека, не названные по имени, дискутировали по вопросу: наука или не наука история. Один из участников, защищая последнее, аргументировал свои доводы тем, что доказывал отсутствие у исторического процесса законов, отрицая возможность обобщения исторических фактов и достоверность самих фактов, как сказано в статье, «отрицал самую установку оснований, из которых она (историческая наука. — Ю. И.) делает свои выводы и обобщения». Трое остальных в позитивистском духе доказывали, что исторические факты «нисколько не уступают достоверности данным в области естествознания», что историки «усваивают зависимость между фактами», т. е., говоря современным языком, выявляют причинно-следственные связи и занимаются поисками законов общественного развития.

Об этой дискуссии упомянуто в воспоминаниях Н. И. Кареева. Он обронил: «В письме Лаврова ко мне от 31 декабря 1880 г. (ст. ст.) есть следующие строки: «Очень жаль, что Вас здесь не было эту осень. У нас устроились по вторникам весьма приятные собрания в Café Voltaire, все из Ваших коллег, где я один был некоторым образом intrus¹, да бывали еще адвокаты. Для меня это были очень приятные собрания, и я очень был рад познакомиться и сойтись на нейтральной почве научного разговора со многими лицами, которых вовсе не надеялся узнать». Впоследствии он рассказал мне об этих собраниях, а об одном теоретическом споре, здесь бывшем, написал статью «Противники истории» в «От[ечественных] зап[исках]» под псевдонимом Кошкина»².

Поддавшись авторитету Н. И. Кареева, последующие авторы некритически подходили к описанному эпизоду. Так, в пользующейся популярностью книге о Лаврове А. И. Володина и Б. С. Итерберга сказано, что споры, изложенные в статье «Противники истории», действительно происходили в Café Voltaire осенью 1880 г. и их участниками названы историки Ф. И. Успенский и А. С. Трачевский, выступавшие

¹ Посторонний (фр.)

² Кареев Н. И. Из воспоминаний о П. Л. Лаврове // Былое. 1918. № 2. С. 15.

против физиолога А. Н. Хорвата³. Между тем если бы названные соавторы не пользовались одним из позднейших переизданий статьи Лаврова, а заглянули в «Отечественные записки», то обнаружили, что она опубликована в августовской книге журнала за 1880 г. Следовательно, статья ни в коей мере не могла отражать разговоры русских не только осенью, но и летом указанного года. В самом деле: написание работы в 31 журнальную страницу необходимо время. Затем в целях конспирации ее переписали чужим подчерком. Для пересылки в Петербург ждали okazji: не всякому, проходившему досмотр на границе, можно было доверить рукопись. Да и набор в типографии, держание корректур не совершались в мгновение ока. Поскольку в статье указано, что дебатировали официальные историки, получающие жалованье, то они могли приехать в Париж только в каникулярное время: летом или в первые месяцы осени. Вот и получается, что спор происходил ранней осенью 1879 года.

Могли ли в таком случае Трачевский и Успенский участвовать в споре? Для решения поставленного вопроса посмотрим: откуда взяли названные авторы эти фамилии? Их привел Н. И. Кареев в комментариях к письмам Лаврова. А. И. Володин и Б. С. Итерберг не обратили внимания на то, что маститый историк не настаивал здесь на прежней версии, поскольку уточнил время выхода журнала с интересующей нас статьей. Ф. И. Успенского он называет в качестве участника дискуссии предположительно. Впрочем, процитируем нужное место: «Из ведущихся тогда П[етром] Л[авровичем] разговоров возникла его статья «Противники истории» (Отеч[ественные] зап[иски], 1880, август), в которых собеседниками являются кроме самого Петра Л[авровича] «натуралист»... и два настоящих ученых историка (один из них Трачевский, другой, кажется, Ф. И. Успенский, что сам он считает возможным). Статья была подписана «С. Кошкин», она перепечатана в собрании сочинений (сер. IV, вып. 1, с. 172–204). Противником истории П[етр] Л[аврович] выводит Хорвата»⁴. Но при чтении комментариев может возникнуть сомнение и в том, что А. С. Трачевский был одним из спорщиков, так как Н. И. Кареев страницей ранее указал, что познакомили его с Лавровым лишь летом 1880 г.

Дабы разобраться в клубке различного рода противоречий, обратимся к статье. Она начинается словами: «Недавно несколько человек пили вместе кофе на обширном дворе одного из отелей за границей. Разговор шел по-русски, и, к удивлению, не о сравнении русских кушаний с иностранными, не о восточной политике, не о Бисмарке, Биконсфильде или Гамбетте, даже не о падении курса, а вообразите себе! — об истории» (С. 375). Мы специально привели столь обширную выдержку, чтобы показать, что речь в статье идет о конкретном случае. Итак, двор отеля, а не кафе. Кстати, раз собрались под открытым небом, значит, в теплую погоду. Это косвенно подтверждает наше предположение.

Пойдем дальше: как уточнить состав беседующих? Мы попробовали найти в самой статье приметы спорщиков. Намеки на них есть. Двое из собравшихся были профессиональными историками, или, как пишет П. Л. Лавров, «оба уже повинылись... немало «в высшей степени интересных» документов, которые до тех пор оставались незамеченными» (С. 375). Кавычки в середине фразы означают определенную иронию. Оставим их пока в стороне. Суть в другом. Фраза никак не может относиться к Ф. И. Успенскому. Он писал свои работы на опубликованных источниках, давая им иногда очень оригинальную интерпретацию. К А. С. Трачевскому фраза подходит, поскольку он использовал неизданные исторические памятники.

Вполне понятно, что на основании такого шаткого намека трудно с уверенностью сказать, что именно этот ученый был во дворе гостиницы, и

³ См.: Володин А., Итерберг Б. Лавров. М., 1981. С. 245.

⁴ Материалы для биографии П. Л. Лаврова / Под ред. Ф. Витязева. Пг., 1921. Вып. 1. С. 49.

невозможно определить второго. Но в статье содержатся дополнительные указания. Раскрывая их смысл, надо учитывать, что науку Лавров именуется океаном. Цитируем: «Один составил себе немалую известность трудясь и открывая жизнь в таком углу, в котором никто уже и не думал отыскать что-либо живое и сколько-нибудь «интересного». Другой попытался даже начертать картину подводных высот и низменностей этого океана, указать его гольфстремы, приносящие теплоту и жизнь, и его полярные течения, с их массами плавающих ледяных гор — источники холода и омертвления жизни» (С. 375). Попробуем разобраться в приведенном загадочном, как всякое иносказательное, рассуждении.

Прежде всего «примерим» его первую часть к двум указанным историкам. Чем составил себе известность Федор Иванович Успенский? К тому моменту выпустил три крупные работы. Студенческое сочинение «Первые славянские монархи на северо-западе» (СПб., 1874) главным образом касалось международных отношений в Центральной Европе в первый период феодализма (до XI в.), внутренних процессов у придунайских славян, образования и гибели Великоморавской державы. Хотя по ряду затронутых вопросов студент высказывал собственное зрелое мнение, он все же во многих проблемах зависел от своих предшественников, и к концу десятилетия стала видна несостоятельность тех его оценок, которые были данью славянофильским концепциям⁵. Его магистерская диссертация «Византийский писатель Никита Акоминат из Хонт» (СПб., 1876) и докторская «Образование Второго Болгарского царства» (СПб., 1879) были связаны с проблемами истории Византии, крупнейшего государства средневековья, которое невозможно назвать углом, поскольку оно в иные периоды играло определяющую роль в социальных и политических сплетениях региона. Затронутые историком вопросы представляли большой научный интерес, но сказать об Успенском, что он открывал жизнь, никак нельзя. Византия интенсивно изучалась исследователями ряда стран. К концу 70-х гг. в международном византиноведении ведущую роль играл В. Г. Васильевский, работы которого неизменно составляли открытие. Добавим, что один из основных источников, использованных Ф. И. Успенским, — хроника Акомината (правильнее — Никиты Хониата) давно привлекала внимание исследователей и в 1860 г. была переведена на русский язык. Словом, не умаляя научных заслуг Успенского, следует констатировать, что характеристика, данная Лавровым, к нему не применима.

Посмотрим, что опубликовал Александр Семенович Трачевский. Он получил известность магистерской диссертацией «Польское бескорольевье по прекращении династии Ягелонов (1572–1573)» (М., 1869), основанной на свежем материале архивов. Монография нарушила молчание вокруг прошлого Польши, установившегося в официальной русской историографии с той поры, когда часть польской территории превратилась в выступающий на запад угол царской империи⁶. Русские революционеры внимательно наблюдали за событиями в славянских землях⁷. Сам П. Л. Лавров, тесно связанный с польским

⁵ См.: *Иванов Ю. Ф.* Великая Моравия в русской дореволюционной историографии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 55–57.

⁶ Передовая русская журналистика не мирилась с цензурными рогатками и старалась восполнить пробелы официальной исторической науки. См.: *Аксенова Е. П.* Журнал «Русское слово» (1859–1866 гг.) об истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы // История и историки. М., 1985.

⁷ См.: *Дьяков В. А., Жигунов Е. К.* Народническое направление в русской славяноведческой историографии и П. Л. Лавров // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984.

освободительным движением⁸, интересовался историей Польши. Трачевский импонировал ему тем, что в своем труде, посвященном прошлому, проанализировал зародыши будущих потрясений страны, обвинил польскую шляхту в узкоместнических интересах и рассматривал Польшу как часть общеевропейской структуры. Исходя из всего изложенного, можно предположить, что Лавров именно Трачевскому посвятил приведенные слова об открытии жизни там, где ее открыть не надеялись. Есть еще один весомый аргумент в пользу этого историка, но об этом чуть ниже.

А сейчас займемся выяснением подтекста высказывания Лаврова о теплых и холодных течениях. Истолковывается оно однозначно: второй историк пробовал теоретически истолковать данные своей науки и представить поступательное развитие общества в качестве борьбы прогресса и реакции. При таком толковании нам легко установить, кого имел в виду П. Л. Лавров. В первой половине 70-х гг. лишь Иван Васильевич Лучицкий (1845–1918) делал серьезные попытки исторического теоретизирования. Его труды в этой области были столь интересными, что на них обратил внимание К. Маркс⁹. Лучицкий намеревался написать специальную монографию по философии истории, объявил об этом в печати, но обещания не исполнил из-за увлеченности конкретно-историческими исследованиями.

В связи с выдвинутым нами предположением стоит вспомнить, что Лучицкий, по определению Кареева «бывший большим приятелем П[етра] Л[авровича]», Трачевский, Кареев и Лавров как раз тогда задумали выпустить «Всемирную историю»¹⁰. Обговаривая план издания, они задалась целью устранить бессистемность и случайность исторического материала, собранного в ряде аналогичных изданий. Последнее обстоятельство делает нашу гипотезу об участии Трачевского и Лучицкого в дискуссии более убедительной.

Но, естественно, хотелось бы найти прямое подтверждение участия И. В. Лучицкого в таких важных дебатах, поскольку он был тогда ведущей фигурой среди профессоров, занимающихся новой историей. Близость ученого к Лаврову не составляет тайны. После Октябрьской революции Лучицкий предложил журналу «Былое» написать воспоминания об этом представителе русского освободительного движения. Сотрудничавший в редакции Е. В. Тарле – ученик Лучицкого, знавший по рассказам учителя, сколь интересны были его парижские встречи, тотчас ответил: «О Лаврове [воспоминания], конечно, пишите и присылайте...»¹¹ Однако у Лучицкого уже не хватило сил реализовать замысел. Вскоре он умер. Изучающие наследие Лаврова так и не получили в свое распоряжение источника, который мог бы оказаться в высшей степени ценным, учитывая высокий научный уровень историка и его демократические симпатии.

Чем же восполнить недостающий материал? Мы обратили внимание, что С. В. Оболенская и С. Н. Гуревич, авторы вводной статьи к публикации писем Лучицкого, отправленных Лаврову, использовали воспоминания жены ученого — Марии Викторовны Лучицкой (1852–1924), которые хранятся у правнучки Лучицких С. И. Лучицкой¹². Познакомившись с рукописью, мы нашли нужное место. Мария Викторовна пишет, как на следующий год после свадьбы, т.е. в 1875 г., она с

⁸ См.: *Жигунов Е. К.* П. Л. Лавров и его связи с польским революционным движением 70–90-х гг. XIX в. // *Исследования по истории польского общественного движения XIX–начала XX в.* М., 1971.

⁹ См.: *Луппол И.* Из черновой тетради К. Маркса // *Летопись марксизма.* 1927. Кн. IV. С. 56–58. См. также: *Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса.* М., 1976. С. 55, 110.

¹⁰ Материалы для биографии П. Л. Лаврова... С. 49, прим. 5.

¹¹ Из литературного наследия академика Е. В. Тарле. М., 1984. С. 209.

¹² См.: *Оболенская С. В., Гуревич С. Н.* Публикация писем И. В. Лучицкого к П. Л. Лаврову // *Французский ежегодник.* 1982. М., 1984. С. 226.

мужем поехала в Париж, где Лучицкий занимался в архивах. У супругов была традиция устраивать журфиксы. На них приходили участники Парижской Коммуны, с которыми Иван Васильевич познакомился в свое первое пребывание во Франции в начале 70-х гг., когда занимался магистерской диссертацией. Среди коммунаров Лучицкому особенно были близки два историка – П. Корье и П. Ланжелле. Приходил регулярно торговец эстампами исторического содержания Винавери. Родом египтянин, он воспитывался в Париже и принял участие в событиях 1871 г. Состав являвшихся на прием к Лучицким определял и направление их бесед. О чем гости ни говорили бы, они непременно возвращались к теме Парижской Коммуны. Об этом мы рассказываем, чтобы был понятен цитируемый отрывок из воспоминаний, отнесенных Марией Викторовной к 1875 г. От идеологической его оценки мы воздержимся. Нам важна содержательная сторона.

«Вечерние собрания по вторникам продолжались у нас все время нашего пребывания в Париже, до отъезда на берег моря в Бретань, где я провела месяц по предписанию врача. На эти вечерние собрания являлись и многие другие лица, на них я познакомилась с известным эмигрантом П. Л. Лавровым, который, поселившись в Париже после бегства из России, пережил в приютившей его стране все приключившиеся с нею бедствия: и войну, и осаду Парижа, и нужду, и голод. Он очень сочувственно относился к Парижской Коммуне, при возникновении, расцвете и поражении которой он присутствовал. «Много клевет распространялось о Коммуне по миру, – говорил Лавров, – распространяли даже в той самой Франции, болями которой она искренне страдала и терзалась. Много рассказывали о грабежах, о насилиях во время Коммуны между тем, как на самом деле во время Коммуны воровство и грабежи прекратились как по мановению руки». Тут Лавров стал приводить сравнительные цифры случаев грабежа и воровства до Коммуны и после нее и во время нее. Разница получалась поразительная.

Лавров пригласил нас к себе на чашку чая, и мы через два дня отправились к нему. Он жил в верхнем этаже дома, расположенного во дворе, занимая в нем две смежные небольшие комнаты, сплошь заваленные книгами. Книги кучами и в беспорядке лежали на полу, на кровати, на столах, на всей мебели, так что я сначала остановилась в недоумении, не зная куда ступить. «Не бойтесь, – произнес ласковым тоном хозяин. – Смелее пройдите к столу, здесь самоварчик Вас поджидает. Ступайте прямо по книгам», – добавил Лавров, увидев, что я колеблюсь. Лавров как раз писал заказанную ему статью для «Отечественных записок», и нужные ему для нее материалы лежали прямо на полу, подобранные для использования их. По окончании статьи они раскладывались обратно на полки. «Таким образом мне все нужное под рукой. Дело и спорится. Ведь теперь мой единственный источник существования – журнальная работа, работа в русских и иностранных журналах. А известно, жить здесь дорого. Кто не работает, тот не ест». И он начал рассказывать, как его неудержимо тянет на родину. Тянет в страну неограниченных возможностей, по выражению Щедрина. «Хоть бы мне умереть на родине, – повторил он несколько раз с тоской. – Не хочу, чтобы мое тело лежало за границей, хочу умереть в России». Не исполнилась излюбленная мечта старого революционера, он не вернулся в Россию, а умер во Франции, там и похоронен Лавров.

Лавров часто заходил к нам в Париже. И, когда ему случалось заставать у нас кого-нибудь приехавшего из России, разговор затягивался до глубокой ночи, так сильно затрагивали его новости, полученные из России, и так сильно интересовался он всеми явлениями русской жизни. Когда мы прощались, он преподнес мне на память произведения Сервантеса на испанском языке¹³. Мы уехали, он не забывал

¹³ Мария Викторовна Лучицкая овладела испанским, чтобы переписывать мужу необходимые для его научных занятий источники на этом языке.

нас и всегда, при всяком удобном случае посылал нам привет, так что иногда к нам заходили малознакомые люди и передавали поклон от Лаврова. Один из разговоров о русской жизни, проходивший у нас в палисаднике, при доме в Париже, описан без упоминания имен в одном из номеров «Отечественных записок» за 1875 г.»

Прежде всего, следует констатировать, что у М. В. Лучицкой, когда она писала мемуары (в начале 20-х гг.), хронологические представления были размыты, как это часто случается с людьми, взявшимися вспоминать на склоне лет. Процитированный эпизод, напомним, отнесен ею к 1875 г. Между тем их встреча не могла произойти в то время, поскольку П. Л. Лавров еще в 1872 г. оставил Париж и перебрался в Цюрих, а в 1874 г. уехал в Лондон. Во французскую столицу он возвратился лишь в начале мая 1877 г. В августе Лавров снял двухкомнатную квартирку на улице Сен-Жан, 328, вблизи от Латинского квартала, в центре которого, в одной небольшой гостинице, постоянно селились Лучицкие, находясь в главном городе страны научных интересов Ивана Васильевича. Но в этот год их здесь как раз не было. В апреле у них родился сын Владимир, будущий крупный ученый, геолог. Из-за новорожденного пришлось поездку отложить. Не путешествовали супруги и в следующем году. Они приобрели под Полтавой хуторок Каврай, 32 десятины земли, и занялись его благоустройством. Затем Лучицкий выставил свою кандидатуру на выборах в Золотоношское земство, был избран и добросовестно выполнял свои новые обязанности. Встреча состоялась в 1879 г. Лучицкие пробыли тогда в Париже до начала октября, и это обстоятельство служит подтверждением наших расчетов. Кстати, тогда Лавров встречался у Лучицких с коммунарами неспроста – он писал книгу о Коммуне. В его автобиографической справке говорится: «В 1879 г. он произнес у себя на квартире по поводу Коммуны 1871 г. речь, которая в 1880 г. была напечатана в очень распространенной форме особой брошюрой...»¹⁴

Понимая, что год опубликования статьи в «Отечественных записках» мемуаристка указала неправильно, мы во избежание ошибок просмотрели комплекты журнала именно с этого времени и вплоть до начала 1884 г., когда после выхода четвертой книги «Отечественные записки» были запрещены. Мы встречали много статей, подписанных различными псевдонимами Лаврова, но все они не имели ничего общего с беседой, а вернее, спором в палисаднике небольшого отеля на rue de Seine. Таким образом, наши уточнения можно считать достоверными.

Остается выяснить, кто был третьим участником спора. В статье «Противники истории» сказано, что присутствовал «литератор» – страстный любитель исторических работ. В нем не сложно узнать самого П. Л. Лаврова. Заключение слова «литератор» в кавычки означало определенную долю самоиронии. В самом деле, как назвать себя в подцензурной печати, когда приходилось подписываться псевдонимами? В то же время, ему ли, особенно сблизившемуся тогда с И. С. Тургеневым, не знать цену такого высокого понятия! Вот теперь можно сказать, что заключение в кавычки слов о «в высшей степени интересных документах» тоже означает иронию. Иронию в отношении Лучицкого. Демократические круги не одобряли его увлечения религиозными войнами во Франции XVI в. и считали, что талантливый историк должен заниматься темами более близкими нуждам русского общества¹⁵. Вот и Лавров мягко подсмеивался над этим увлечением.

Кто же противостоял историкам? Им являлся натуралист, «завоевавший в лабораториях право плавать под собственным флагом по другому океану, столь

¹⁴ Лавров П. Л. Биографическая исповедь, 1835–1889 // Лавров П. Л. Философия и социология. М., 1965. Т. 2. С. 626.

¹⁵ Это было высказано в обидной рецензии. См.: Отечественные записки. 1878. № 2.

же широкому и глубокому. Это был скептик пред всякими общественными истинами» (С. 376). Он «с едким скептицизмом... отрицал всякое научное достоинство в истории» (там же). К Алексею Николаевичу Хорвату данная характеристика вполне подходит. Хорват среди окружающих слыл за весьма эксцентричного человека, всегда готового начать дискуссию. Окончив военное училище, он поступил в гусары и участвовал в Крымской войне. Выйдя в отставку, Хорват поступил на медицинский факультет Киевского университета. Закончив его, он поехал за границу и 13 лет занимался различными проблемами физиологической науки в лабораториях лучших западноевропейских профессоров. Магистерскую диссертацию защитил в 1876 г. «Об охлаждении поперечно – полосатых мышц лягушки». И хотя работа дала исследователю право «плавать под собственным флагом», он только в 1883 г. получил кафедру общей патологии в Казанском университете. Выпады А. Н. Хорвата против истории являлись отражением взглядов определенных представителей так называемых точных наук, полагавших, что только лабораторные опыты дают результаты, которые можно объективно проверить. А раз исторический факт нельзя повторно воспроизвести, он остается за пределами науки. Защитники истории горячо это опровергали, но их аргументация имела несколько слабых мест, из которых главным, пожалуй, было утверждение, что установление правильной перспективы исторических фактов, уяснение их смысла зависит от самого историка. Статья заканчивается словами, что историки «расширяют картину, которую они изображают потому, что во имя лучшего понимания отношений *не могут* сделать иначе» (С. 406). Субъективный критерий деятельности историка не мог не породить продолжение спора и в кафе «Вольтер», и в других местах, но это уже в известной мере было обсуждение статьи.

Таким образом, наша работа вносит определенную поправку в существующие жизнеописания П. Л. Лаврова и прибавляет к корпусу источников о его деятельности новый. Она также показывает, что исследователи жизни и творчества Лучицкого должны обратить серьезное внимание на мемуары Марии Викторовны и ввести их в научный оборот. Наконец, весь приведенный материал заставляет вновь повторить известную истину: любой факт, использованный исследователем, должен быть тщательно проверен.

В. А. Соломонов

**ИЗ ИСТОРИИ
КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РОССИИ
САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

На протяжении всей дореволюционной истории Саратовского университета, действовавшего в составе одного медицинского факультета, его администрацией совместно с городскими и общественными организациями неоднократно ставился перед Министерством народного просвещения вопрос об открытии в нем недостающих факультетов (историко-филологического, физико-математического и юридического), но каждый раз их ходатайства наталкивались на глухое сопротивление правительственных чиновников¹.

Конструктивное решение насущной проблемы наметилось только летом 1916 г., когда средние учебные заведения стали буквально задыхаться от острой нехватки преподавательских кадров по общеобразовательным дисциплинам. Однако существенно изменить положение дел в этом вопросе царский министр народного просвещения граф П. Н. Игнатьев не успел. Лишь министр А. А. Мануйлов объявил о принятом Временным правительством окончательном решении – «открыть с 1 июля 1917 года в составе Саратовского университета физико-математический и историко-филологический факультеты»², а чуть позже и четвертый факультет – юридический³. С открытием новых факультетов профессорско-преподавательский коллектив Саратовского университета пополнился многими видными деятелями отечественной науки и высшего образования.

Заметную роль в начавшемся процессе играл историко-филологический факультет, который, по мнению М. Е. Сергеенко, «был в первые годы своего существования превосходным»⁴. Работать на нем изъявили желание ученые из Петрограда, Москвы, Томска и других крупных научных центров, в основном талантливая молодежь, но также «и люди постарше, уже не новички в науке, уже богатые своим опытом и в исследовательской, и в преподавательской работе»⁵. Разные по возрасту, характеру, мировоззрению, все они с завидным

¹ Подробнее см.: *Соломонов В. А.* Императорский Николаевский Саратовский Университет: история открытия и становления (1909–1917). Саратов, 1999. С. 147–153.

² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 154. Д. 518. Л. 115.

³ Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 393. Оп. 1. Д. 718. Л. 34.

⁴ *Сергеенко М. Е.* Воспоминания о Бестужевских курсах и Саратовском университете // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2000. Вып. 2. С. 295.

⁵ Там же.

энтузиазмом и рвением принялись за строительство основ саратовской гуманитарной науки, мечтая сделать факультет настоящим «научным центром края, придать его научному облику свое особое выражение»⁶. Благодаря этим людям, их самоотверженной и созидательной деятельности, «прекрасные традиции старой русской науки, казалось, прочно утверждались на юном факультете, который чуть не на границе Азии становился достойным преемником старых славных научных центров»⁷.

Из существовавших в то время на историко-филологическом факультете отделений самым сильным по научному составу и более всего привлекавшим студенческую молодежь, по общему признанию современников, являлось отделение русской истории.

Действуя вот уже более 80 лет (не считая 1931–1935 гг., когда подготовка специалистов-историков в Саратовском университете не велась), кафедра не раз подвергалась всевозможным, причем не всегда оправданным, изменениям. Трижды менялось ее название: русской истории (1917–1922 гг.), истории СССР (1923–1963 гг.), истории СССР досоветского периода (1963–1991 гг.), истории России (с 1991 г.). С апреля 1919 по 1922 г., в связи с изменением по решению Наркомпроса РСФСР структуры гуманитарного образования, наряду с другими историческими кафедрами, она входила в состав вновь созданного факультета общественных наук (ФОН). В 1922 г., после очередной реорганизации университета, кафедра русской истории (позже – истории СССР) вместе со всем историческим (затем – общественно-экономическим) отделением была включена в состав педагогического факультета, в сентябре 1931 г. выделенного в самостоятельный институт. И только с возрождением в 1935 г. в Саратовском университете исторического образования она вновь заняла в нем свое достойное место⁸.

С 1917 по 1920 г. во главе ее стоял воспитанник петербургской школы, прошедший научную подготовку под руководством прославленного русского историка А. С. Лаппо-Данилевского, профессор Василий Иванович Веретенников (1880–1942).

Не будучи блестящим лектором, В. И. Веретенников оказался вместе с тем опытным педагогом-наставником и талантливым руководителем семинарских занятий⁹. Подробных воспоминаний, свидетельствующих о педагогическом даре ученого, современники после себя, к сожалению, не оставили. Но и по отрывочным, далеко не полным сведениям, мы способны составить довольно четкое о том представление.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 296.

⁸ См.: Дербов Л. А. Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983. С. 6–12.

⁹ По свидетельству современников, В. И. Веретенников производил на окружающих довольно странное впечатление. «Такого неустойчивого, нетвердого в своих решениях человека, – отзывался о нем Н. К. Пиксанов, – я еще не наблюдал в академической среде. Он напоминает мне дряхлого балетомана, который уже плохо видел и слышал и на вопрос: какого он мнения о новой балерине – осторожно спрашивал: а другие какого мнения? И когда ему отвечали, что другие разного мнения, то он неспешно заявлял: ну и я того же мнения». А работавший с ним рядом С. Н. Чернов, в свою очередь, замечал: «...отлично ведет занятия один Вас[илий] Ив[анович] Веретенников: плохой лектор, он оказался прекрасным руководителем [семинарских] занятий» (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 3816. Л. 3; Д. 4540. Л. 22 об.)

Наиболее ярко и цельно эти качества профессора смогла запечатлеть и донести до нас бывшая студентка историко-филологического факультета Саратовского университета, а впоследствии доктор исторических наук Е. Н. Кушева (1899–1990). Ей посчастливилось заниматься в двух семинарах В. И. Веретенникова: «на первом курсе – в семинаре «Интерпретация ученых мнений» (его задачей, не вполне отвечавшей названию, было научить будущих историков точно излагать мнение исследователя по какому-либо вопросу) и на втором – в спецсеминаре «Крестьянство России в эпоху Петра Великого»¹⁰. От работы в последнем у Е. Н. Кушевой остались особенно сильные впечатления. По ее признанию, «почти весь учебный год был посвящен глубокому анализу одного указа Петра Великого – о введении подушной подати <...>. Надо было вдумываться в каждое слово, в каждый термин. В итоге слалось понимание значения этой податной реформы» для развития крепостного права в России¹¹. Благодаря такому скрупулезному текстологическому разбору исторического документа студенты шаг за шагом постигали азы важнейшего элемента любого исторического исследования – технику источниковедческого анализа.

С именем В. И. Веретенникова неразрывно была связана и работа членов Саратовской Ученой Архивной Комиссии «по спасению погибавших архивов, принявшая особенно большие размеры в 1918 г. Протекая в чрезвычайно тяжелых условиях, она, – по свидетельству Е. Н. Кушевой, – отнимала у членов Комиссии все силы и средства, но своим результатом имела спасение от гибели и сохранение для потомства большого числа архивов учреждений, ликвидированных после Февральского и Октябрьского переворотов. Эта работа закончена была Комиссией весной 1918 г., когда в Саратове учрежден был Губархив, в ведомство которого и поступили спасенные архивы...»¹².

В 1920 г., приняв предложение занять пост заведующего государственными архивами Украины, В. И. Веретенников переехал на постоянное жительство в Харьков, а освободившуюся в Саратовском университете кафедру русской истории возглавил другой представитель петербургской школы – профессор Павел Григорьевич Любомиров (1885–1935).

Войдя в университетский коллектив молодым, но уже сложившимся ученым, виртуозно владевшим техникой исторического исследования и опубликовавшим к тому времени немало интересных работ¹³, в том числе знаменитую монографию о Нижегородском ополчении 1611–1613 гг.¹⁴ П. Г. Любомиров очень скоро стал одной из самых крупных и авторитетных фигур не только на своей кафедре, но и на всем факультете.

Главной темой его научно-исследовательской работы в саратовский период была социально-экономическая история России эпохи феодализма, особенно история русского народа, промышленности и торговли XVII–XVIII вв.

¹⁰ Кушева Е. Н. П. Г. Любомиров в Саратовском университете: Страницы воспоминаний // Историографический сборник: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1991. Вып. 15. С. 117.

¹¹ Письмо Е. Н. Кушевой А. И. Доватуре от 16 января 1982 г. // Архив С.-Петербургского филиала Института российской истории РАН (Архив СПбФ ИРИ РАН). Ф. 17 (А. И. Доватур). Оп. 3. Д. 105. Письмо № 9.

¹² Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 297 (С. Н. Валк). Оп. 1. Д. 249. Л. 39.

¹³ См.: Список печатных работ П. Г. Любомирова / Сост. Е. П. Подъяпольская // Археографический ежегодник за 1976 год. М., 1977. С. 252–255.

¹⁴ См.: Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Пг., 1917. Эта работа 10 декабря 1917 г. автором была представлена и защищена в Совете Петроградского университета как магистерская диссертация.

Разрабатывая совершенно новое для себя исследовательское направление, П. Г. Любомиров продолжал успешно заниматься и в русле своих прежних научных увлечений, связанных с изучением Смутного времени и историей старообрядчества и сектантства.

Будучи прирожденным педагогом, П. Г. Любомиров стремился построить свою работу на факультете таким образом, чтобы она объединяла в себе одновременно и исследовательские, и учебные задачи. Посредством лекций, вспоминал С. Н. Чернов, ученый сначала представлял слушателям «глубоко продуманную и тонко выполненную конструкцию русского исторического процесса», после чего «огромную долю своего внимания и труда он отдавал практическим занятиям».

«Большой мастер этого дела, – замечал далее его друг и коллега по кафедре, – он ставил для своих семинарских занятий разнообразные темы, брал в качестве источников всевозможный материал, преследуя при этом различные педагогические и научно-исследовательские задачи. Но все семинарии в своем основном содержании всегда преследовали одну и ту же цель: научить участника студента научно-исследовательской работе»¹⁵.

В личности П. Г. Любомирова современников в не меньшей степени поражало еще одно весьма редкое качество – его бережное и любовное отношение к университету, который он всегда ставил очень высоко и с которым непременно связывал многие свои планы и надежды. «Не жалея времени и сил, – писал по этому поводу С. Н. Чернов, – он охотно, без сожаления и жалоб, отдавал ему свой труд и нервы и вошел во все стороны его жизни и работы. Он умел и других заставить беречь и любить университет, дорожить им и приносить ему в дар свое время и свои силы»¹⁶.

Однако в атмосфере тяжелого идеологического удушья, нависшей над университетом в конце 1920-х гг., работать с полной отдачей сил питомцам дореволюционной исторической школы становилось все более и более сложно. Характеризуя события того времени, С. Н. Чернов 12 декабря 1927 г. писал С. Ф. Платонову: «...о, если бы Вы знали, как безумно горько в Университете! Там с новою силою назревает какой-то огромный катаклизм, и я не знаю, какое и как разрешение приобретет ход наших дел и сношений, – но сильно опасаясь безмерных бед: то есть окончательного изгнания научного духа из Университета. Это совершенно верно, что мы его хранили и до настоящего времени донесли контрабандно. Теперь оборотистые руки властно протягиваются к нему, чтобы его с корнем вырвать. Крайняя по своим выводам и целям группа (ее же пророк Меерсон!) требует ведения практических занятий не по источникам, а по литературе – с привлечением источников лишь для иллюстрации... Должны и делать нечего. Если это осуществится, пойдет насмарку вся долгая предыдущая работа, все контрабандное хранение в Университете духа научности! И параллельно с ростом «методических» требований растет и жесткость постановки отношений и вопросов. Беда придет не в лайковых, а в железных перчатках...»¹⁷. Теми же тревожными думами весной 1929 г. с нескрываемым душевным волнением делился со своим

¹⁵ Чернов С. Н. Памяти историка П. Г. Любомирова // Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 297 (С. Н. Валк). Д. 249. Л. 64–65.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Письмо С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от 12 декабря 1927 г. // ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4541. Л. 33–35

учителем и П. Г. Любомиров: «Чувствуешь, что за каждым твоим шагом следят с подозрением, каждое слово встречают недоверием. И даже не столько студенты, сколько начальство. Не чувствую, – признавался он, – чтобы мне удалось дойти до ума студентов, добиться принятия того, что я говорю, чему учу. В некоторых группах есть необходимое доверие. Другие настроены легкомысленно безразлично. Но тяжелы насупленные взоры из-под лобья, выводят из себя записки с целью уловить тебя в каких-нибудь противоречиях догме. И трудно побороть это, когда воздействие против идет за твоею спиной, или когда власть имущие открыто стараются уличить тебя в неблагонадежности»¹⁸.

В подобных условиях продолжать и дальше заниматься научно-исследовательской и педагогической деятельностью П. Г. Любомиров не мог. Поэтому 1 июня 1931 г., навсегда расставшись с Саратовским университетом, он переехал в Москву, где сразу же включился в привычный для себя ритм научной и педагогической работы. В последние годы П. Г. Любомиров был задействован в самых разнообразных исследовательских проектах. Он участвовал в составлении библиографического словаря деятелей русской революции и в разработке крупномасштабной программы «Каторга и ссылка в России»; занимался систематизацией и изучением архивных материалов в Государственном историческом музее (ГИМ); руководил работой аспирантов и сотрудничал с тремя вузами: Орехово-Зуевским педагогическим институтом (с 1932 по 1934 г.), Историко-архивным институтом и Институтом философии, литературы и истории (с 1934 по 1935 г.)

Представление о кафедре русской истории на раннем этапе ее развития не будет выглядеть вполне завершенным, если не вспомнить здесь о других ее сотрудниках – зачинателях целого ряда научных направлений, до сих пор продолжающих свое существование.

Среди тех, кто особенно много потрудился во славу отечественной исторической науки и непосредственно самой кафедры в годы ее организационного становления, был видный российский историк, стоявший у истоков советского декабристоведения и заложивший в Саратове основы научного краеведения, профессор Сергей Николаевич Чернов (1887–1942).

Саратовский период его научно-педагогической деятельности, длившийся 11 лет (с 27 ноября 1917 по 1 октября 1928 г.), имел чрезвычайно интенсивный и многоплановый характер. В этом наглядно убеждает нас разнообразная тематика учебных курсов и семинарских занятий, которая была положена ученым в основу работы со студенческой аудиторией. В первом 1917/18 учебном году им был прочитан курс лекций, отражавший в основном его научно-исследовательские интересы дореволюционных лет: «История литовско-русского государства до 1569 г.» и «История Среднего и Нижнего

¹⁸ Письмо П. Г. Любомирова С. Ф. Платонову за 1929 г. // ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 38об.–39об. Опасения ученых оказались пророческими. После обыска у П. Г. Любомирова, произведенного Управлением ОГПУ по Нижне-Волжскому краю 2 ноября 1930 г., он и находившийся в то время в его квартире С. Н. Чернов были арестованы. Полмесяца провели они в саратовской тюрьме, после чего были освобождены без каких-либо последствий, но подозрительные взоры в свою сторону историки ощущали до конца жизни. (См.: Андреева Т. В., Смирнова Т. Г. 1928–1935 годы в судьбе С. Н. Чернова (Письмо С. Н. Чернова П. Г. Любомирову от 9–10 ноября 1935 г.) // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2000. Вып. 1. С. 357; Максимов Е. К. К биографии Сергея Николаевича Чернова // Историк и историография: Матер. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения Л. А. Дербова. Саратов, 1999. С. 196.

Поволжья до конца XVII в.». В дальнейшем С. Н. Чернов читал специальные курсы по исторической географии России, методологии источниковедения и истории политических движений 10–20 гг. XIX в. Будучи одним из первых отечественных исследователей, приступивших после революции 1917 г. к изучению освободительного движения в России, С. Н. Чернов активно и весьма плодотворно работал как над декабристской тематикой, так и над сбором и систематизацией архивных материалов, связанных с жизнью и деятельностью Н. Г. Чернышевского, и непосредственно участвовал в создании на саратовской земле мемориального Дома-музея его имени.

Что касается личных качеств ученого и оценки его педагогического мастерства, то выразительнее всех о них отзывалась в воспоминаниях М. Е. Сергеенко, вместе с С. Н. Черновым работавшая в эти годы в Саратовском университете: «Он был прекрасным лектором и преподавателем, в высокой степени обладал «чувством истории», которое живой водой взбрызгивает прошлое, превращает его в кровно-близкое, заставляет жить одной с ним жизнью. Он увлекал своих слушателей и учеников и стилем своего преподавания, и очарованием, исходившим от всего его существа. <...> С[ергей] Н[иколаевич] был – явление на Руси редкое – человеком принципиальным и от убеждений своих не отрекся бы за все золото мира; не считал он нужным о них и умалчивать. Он любил родину, Россию, и говорил о родине тогда, когда само понятие «родина» считалось гнусной буржуазной выдумкой; он был верующим человеком и не отрекался от своей веры в то время, когда вера в Бога числилась среди признаков не только буржуазной темноты, но и опасного несогласия с советским курсом»¹⁹.

Во многом именно эти отличительные особенности личности С. Н. Чернова – его открытость, независимость в оценке происходящего, преданность нравственным идеалам – и явились поводом для освобождения его в 1928 г. от должности профессора и изгнания из Саратовского университета. Инициатором расправы над ученым стал декан педагогического факультета В. В. Буш, который 16 февраля 1928 г. на заседании университетского Правления открыто обвинил С. Н. Чернова в том, что его преподавание «поставлено не на диалектической основе», добавив при этом, что и сам он вряд ли отвечает «условиям требований, предъявляемых к современной Высшей школе, почему устранение из университета проф[ессора] С. Н. Чернова необходимо. И что деканат в ближайшее время намерен этот вопрос поставить еще шире»²⁰. Среди других членов Правления, присутствовавших на этом злополучном заседании, несогласных с данным вердиктом, увы, не оказалось. И осенью того же года С. Н. Чернов был вынужден покинуть университет и уехать из Саратова, после чего дальнейшая жизнь и научная судьба историка были связаны с Ферганой, Горьким и Ленинградом. Основным его пристанищем в последние годы стало Детское Село (г. Пушкин), где он и скончался от голода 5 января 1942 г.²¹.

Существенный вклад в саратовскую историческую науку на раннем этапе ее развития внес также известный специалист по социально-экономической и государственно-правовой истории феодальной России, профессор Серафим Владимирович Юшков (1888–1952).

¹⁹ Сергеенко М. Е. Указ. соч. С. 299–300.

²⁰ Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 297 (С. Н. Валк). Оп. 1. Д. 249. Л. 12–12об.

²¹ См.: Андреева Т. В., Смирнова Т. Г. Указ. соч. С. 353–354.

Обширную педагогическую и общественную деятельность ученый успешно сочетал с большой научно-исследовательской работой, развивавшейся в двух основных направлениях. С одной стороны, он занимался изучением древнейших источников русского права, а с другой – разрабатывал вопрос о генезисе феодальных отношений в Древней Руси. В Саратове увидели свет его работы о древнерусских юридических сборниках XIII в., об Уставе князя Владимира, Судебнике 1497 г., а также исследования по истории феодальных отношений в Киевской Руси²².

Профессором Саратовского университета С. В. Юшков проработал девять лет, с 1919 по 1927 г., после чего был избран профессором юридического факультета Ленинградского университета, где предпринял попытку осуществить весьма важную для истории русского права задачу – издать Русскую Правду. И в 1935 г. цель эта была успешно достигнута²³.

В дальнейшем С. В. Юшков занимался научно-преподавательской деятельностью в высших учебных заведениях Узбекистана, Дагестана, Свердловска и Москвы. С 1944 г. он являлся профессором Московского университета, Военно-юридической академии и Всесоюзного института юридических наук.

Характеризуя научно-учебную деятельность кафедры русской истории Саратовского университета в 1920-е гг., нельзя не упомянуть и о той роли, которую сыграл в ее жизни знаток истории местного края, опытный архивист, специалист по палеографии, бумажным водяным знакам и истории мордовского народа, профессор Александр Александрович Гераклитов (1867–1933).

Являясь с дореволюционных лет известным в городе краеведом и палеографом, с открытием историко-филологического факультета он был приглашен на преподавательскую работу в Саратовский университет. Начиная с 1918 г. А. А. Гераклитов читал курс по истории колонизации и социально-экономического развития края в XVI–XVIII вв. и вел практические занятия по вспомогательным историческим дисциплинам: русской палеографии, дипломатике, описанию рукописей, хронологии, русской допетровской сфрагистике и латинской палеографии. Во время этих занятий он широко привлекал архивные документы из коллекций бывшей Саратовской Ученой Архивной Комиссии (СУАК) и поныне хранящегося в университетской библиотеке рукописного собрания профессора И. А. Шляпкина. В 1920-е гг. по инициативе А. А. Гераклитова в университете была предпринята еще одна большая коллективная работа – семинарий со студентами-историками по разработке и систематическому изучению ревизских сказок III ревизии Завального и Узинского станов Пензенского уезда. «Для выработки цифрового материала, – вспоминала о работе этого семинария Ю. А. Кузнецова, – была разработана статистическая таблица, богатый бытовым материалом выносился в примечания. Перед студентами ставилась задача: помимо умения разнести все сведения сказки по пунктам таблицы и в примечания, на основе

²² См.: Юшков С. В. К истории древнерусских юридических сборников XIII в. // Учен. зап. Сарат. ун-та. Саратов, 1919; *Его же*. Исследования по истории русского права. Новоузенск, 1926. Вып. 1; *Его же*. Судебник 1497 г.: (к внешней истории памятника) // Учен. зап. Сарат. ун-та. Саратов, 1926. Т. V. Вып. 3; *Его же*. Феодальные отношения и Киевская Русь. Саратов, 1925; и др.

²³ См.: Юшков С. В. Русская Правда (текст по 5 ред. и 7 спискам). Киев, 1935.

проработанного материала написать историю данного (обычно разноместного) населенного пункта»²⁴.

Предпринятая А. А. Гераклитовым первая попытка освоения этих богатых архивных материалов осталась, к сожалению, незавершенной. Впрочем, отдельные ее результаты нашли свое частичное отражение в публикациях Ю. А. Кузнецовой и Е. П. Подъяпольской²⁵.

За четверть века научно-педагогической работы в Саратовском университете А. А. Гераклитов проявил себя как весьма зрелый ученый, опубликовавший 69 научных трудов по краеведению, истории мордовского народа и книговедению. Он был и навсегда останется в памяти волжан как «один из тех представителей духовных и умственных сил нашего города, чья деятельность определяла высокий интеллектуальный уровень Саратова и составляла его славу и гордость»²⁶.

Заметный след в научной жизни Саратовского университета и в целом всего Поволжского региона как археолог, краевед и организатор музейного дела оставил после себя и профессор Павел Сергеевич Рыков (1884–1942).

В 1921–1922 гг., в результате начатых им археологических раскопок и разведок в районе Саратова и Покровска, а позже в окрестностях Хвалынска, «были обнаружены многочисленные памятники различных эпох, начиная от древне-ямной культуры и кончая поздним средневековьем»²⁷. В 1924 г. детальному обследованию впервые подвергся большой курганный могильник у села Суслы Саратовской области, давший уникальный материал по сарматской культуре. Так же интенсивно велись в последующие годы археологические раскопки и в других местностях края.

Итогом всех полевых работ становились, как правило, интереснейшие музейные экспозиции и обстоятельные научные доклады самого П. С. Рыкова, с которыми он нередко выступал в археологической секции Саратовского общества краеведения. Об одном из таких выступлений ученого с восторгом отозвался его коллега по университету профессор А. А. Гераклитов.

Оценивая доклад П. С. Рыкова о результатах раскопок древнего могильника около села Армиево Кузнецкого уезда, которые он произвел со своими сотрудниками летом 1926 и 1927 гг., А. А. Гераклитов писал: «Это сообщение, которое профессор назвал предварительным, было особенно любопытно и дорого потому, что было в помещении, стены, полки и витрины которого были увешаны и заставлены наиболее интересными предметами, добытыми при раскопках, и собравшиеся послушать доклад могли своими глазами видеть то, о чем говорил докладчик, и наглядно убеждаться в правильности его утверждений». И далее, касаясь сути прозвучавшего доклада, отмечал: «Могильник около села Армиево очень велик. Его много лет уничтожают

²⁴ Кузнецова Ю. А. Александр Александрович Гераклитов: (материалы для биографии) // Учен. зап. Сарат. ун-та. Выпуск научной библиотеки, посвященный 50-летию университета. Саратов, 1959. С. 123.

²⁵ См.: Кузнецова Ю. А. К истории колонизации Сердобского уезда: (Материалы для историко-географического словаря) // Тр. Н.-В. науч. о-ва краеведения. Саратов, 1928. Вып. 35, ч. 2. С. 62–82; Подъяпольская Е. П. О поместном землевладении и колонизации в районе Аткарского уезда // Изв. Краеведч. Ин-та изучения Ю.-В. области при Сарат. Ун-те. Саратов, 1927. Т. II. С. 145–213.

²⁶ Попкова Н. А. Александр Александрович Гераклитов: (к 125-летию со дня рождения) // Краеведческие чтения: Доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, 1994. С. 107.

²⁷ Дербов Л. А. Указ. соч. С. 25.

распашкой земли под посев хлеба, большой кусок кладбища омыт весенними водами, но все же и теперь там, по мнению проф. Рыкова, не менее 600–700 могил, из которых гораздо больше ста раскопал он за два года. Раскопки дали много сот предметов домашнего обихода и особенно женского украшения, которые через сравнение с другими вещами из других мест дают нам возможность: во-1-х) точно сказать, когда жили те люди, которые хоронили своих покойников на Армиевском кладбище; во-2-х) узнать, что это был за народ и в-3-х) хоть немного заглянуть в культуру и хозяйственную жизнь этого народа»²⁸.

Блестящий педагог, умелый организатор и руководитель археологических экспедиций, П. С. Рыков воспитал и подготовил к самостоятельной научной деятельности целую когорту молодых талантливых ученых. Среди его учеников особенно выделялись своим дарованием и целеустремленностью Н. К. Арзютов, А. Н. и Е. Н. Кушевы, П. М. Козин, Т. М. Минаев, П. Д. Рау, П. Д. Степанов и И. В. Сеницын.

Личная же судьба П. С. Рыкова сложилась трагично. В середине августа 1937 г. он был арестован. А 24 января 1939 г., обвиненный «в причастности к свержению Советской власти и реставрации капитализма путем проведения терактов против руководителей ВКП(б) и Советского правительства», постановлением закрытого судебного заседания выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР приговорен к десяти годам заключения, с местом отбытия срока во Владлаге, близ города Владивостока. Там он и умер 26 марта 1942 г., так и не дождавшись пересмотра своего дела, о чем не раз обращался с ходатайством и в Прокуратуру СССР, и лично к И. В. Сталину. Только в 1956 г., спустя 14 лет после смерти, П. С. Рыков был полностью реабилитирован²⁹. О его выдающихся заслугах смогли вновь в полный голос заговорить не только саратовцы – ближайшие преемники его научно-археологической деятельности, но и многие другие российские и зарубежные исследователи.

Подводя краткий итог работе кафедры русской истории на раннем этапе ее существования (1917–1931 гг.), необходимо прежде всего отметить средоточие в ней крупных научных и преподавательских сил, основу которых составили яркие представители петербургской исторической школы (В. И. Веретенников, П. Г. Любомиров и С. Н. Чернов). Одновременно с организационным становлением кафедры, созданием ее кабинета и библиотеки на ней велась непрерывная и весьма плодотворная научно-исследовательская деятельность. В результате оформились четыре основных направления научной работы кафедры:

- История социально-экономического развития России (проф. П. Г. Любомиров);
- История государства и права Древней Руси (проф. С. В. Юшков);
- История общественного движения (проф. С. Н. Чернов и проф. П. Г. Любомиров);

²⁸ *Герасимов А. А.* Раскопки древнего могильника в Саратовской губернии // Архив СПбФ ИРИ РАН. Ф. 38 (А. А. Герасимов). Оп. 1. Д. 81. Л. 1–2.

²⁹ См.: *Максимов Е. К., Войтенко Л. А.* Новые материалы о П. С. Рыкове и Н. К. Арзютове // Краеведческие чтения: Доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, 1994. С. 151–152. См. также: *Малов Н. М.* П. С. Рыков – директор музея краеведения и «дело изучения Н. Г. Чернышевского» // Историк и историография... Саратов, 1999. С. 231.

- Археология Нижнего Поволжья и история края (профессора П. С. Рыков, П. Г. Любомиров, С. Н. Чернов и А. А. Гераклитов).

Заметную роль ученые кафедры сыграли в деле подготовки молодых специалистов, на что была нацелена разнообразная тематика руководимых ими практических занятий: семинариев по истории крестьян в России (проф. В. И. Веретенников) и по изучению экономики России середины XVIII в. на основе наказов в Екатерининскую Уложенную комиссию 1767 г. (проф. П. Г. Любомиров), семинариев и спецкурсов по истории движения декабристов (проф. С. Н. Чернов), а также организация археологических экспедиций с участием студентов (проф. П. С. Рыков).

И последнее, что особенно следует выделить, – это поразительно удачный набор студентов, специализировавшихся в 1920-х гг. по русской истории. Отличной иллюстрацией тому могут служить выдержки из писем С. Н. Чернова и П. Г. Любомирова к их общему учителю по Петербургскому университет – С. Ф. Платонову.

«В добавление к тому большому письму, – замечал С. Н. Чернов, – хочется сказать, какая у нас хорошая студенческая молодежь. Вы, Сергей Федорович, видели много хорошей молодежи, много ее учили, но, думается, и Вам она показалась бы отменно хорошей, необычайно удачного состава. Сколько желания работать и какие хорошие работы! Жалко порою даже уходить из аудитории, и просиживаешь в ней с охотой лишние часы. Работать же ей приходится в отчаянно тяжелых условиях общего и личного порядка». В другом письме он же с неподдельным пафосом восклицал: «Отраду <...> находишь только в работе, семье и растущей прекрасной, подлинно *золотой* (выделено автором. – В. С.), молодежи. Да, это будет крепкая и дельная интеллигенция будущего – интеллигенция-народ, чудеснейшее явление нашей современности»³⁰.

В том же ключе высказывался и П. Г. Любомиров: «Им (Саратовским университетом. – В. С.) я удовлетворен. Группа ближайших сотоварищей историков дает многое во взаимном общении. Довольно много слушателей и, главным образом, слушательниц. Среди них есть люди, с которыми очень приятно заниматься». «Настроение студенчества, – признавался в другой раз историк, – рабочее, хорошее. Радуют последние поступления, отобранные по конкурсу. Мне приходится иметь дело со II курсом; аудитория внимательная, интересующаяся. Я поднял тон изложения, вернувшись от элементарности последних лет к более серьезному чтению. Рискнул даже объявить, что зачет буду принимать по собственной программе. Не знаю, что выйдет!»³¹

Как уже отмечалось, в период с 1931 по 1935 г., в связи с образованием на базе педагогического факультета с входившим в него историческим отделением самостоятельного института, подготовка специалистов гуманитарного профиля в Саратовском университете временно была приостановлена. Работа по восстановлению исторических факультетов в университетах страны, в том числе и в Саратовском, началась лишь после того, как появилось известное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР». Одним из ключевых пунктов этого документа стало решение о восстановлении исторических факультетов

³⁰ Письма С. Н. Чернова С. Ф. Платонову от 18 мая 1920 г. и 1927 г. // ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 4540. Л. 22; Д. 4541. Л. 26.

³¹ Письма П. Г. Любомирова С. Ф. Платонову от 27 апреля 1921 г. и 18 октября 1926 г. // ОР РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 21об.–22, 37–37об.

сначала в Московском и Ленинградском, а с 1935 г. и в Саратовском университетах.

Из шести существовавших на довоенном историческом факультете СГУ кафедр³² наиболее заметной и активной в научном и учебных отношениях оставалась по-прежнему кафедра истории СССР.

В течение первых четырех лет с годичным перерывом (1935–1938, 1940–1941 гг.) кафедрой истории СССР руководил воспитанник саратовской научной школы, заложенной трудами П. Г. Любомирова и С. Н. Чернова, кандидат исторических наук, доцент (с 1938 г. – профессор) Рафаил Абрамович Таубин (1906 – после 1970).

Молодому историку в первые же годы после возрождения кафедры удалось придать ее облику прежнее, казалось, навсегда утраченное значение. Были возобновлены и с учетом новых запросов советской исторической науки продолжены многие начатые еще в 1920-е гг. научно-исследовательские работы. Как и раньше, сотрудниками кафедры активно стали разрабатываться вопросы по археологии Нижнего Поволжья, истории Саратова и Саратовского края, изучаться жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского, история русского крестьянства в эпоху феодализма, а также проблемы методологии истории и историографии.

Исследовательские интересы самого Р. А. Таубина простирались, главным образом, в области изучения проблем общественного движения в России в 50-е гг. XIX в. и научного краеведения. Его внимание привлекали как сюжеты исторической биографии, так и страницы из истории гражданской войны в Поволжье³³.

Научно-организаторская деятельность Р. А. Таубина не ограничивалась одним лишь руководством кафедрой истории СССР. После трагических событий 1937 г., связанных с арестом ученого-археолога и декана исторического факультета СГУ профессора П. С. Рыкова, он был вынужден временно (с 1938 по 1939 г.) возглавить обескровленный деканат и продолжить прерванную работу по укреплению учебной базы факультета и обеспечению его научно-педагогическими кадрами. Правда, уже в 1940/41 учебном году, с назначением на этот пост доцента Б. С. Зевина, ученый вновь возвратился к прежним своим обязанностям. Но на сей раз исполнять их ему пришлось недолго.

Как только стало известно о нападении на Советский Союз немецко-фашистских захватчиков, в числе многих других добровольцев Саратовского университета Р. А. Таубин отправился на фронт. Пройдя дорогами войны, в Саратов он уже не вернулся. Продолжить свою научно-педагогическую деятельность ученый решил в Ульяновском педагогическом институте, но своих научных контактов с Саратовским университетом не прервал. Об этом свидетельствует его активное участие в проходившей на базе университета 15–

³² С 1935 по 1941 г. на историческом факультете СГУ функционировали следующие кафедры: истории СССР, истории древнего мира, истории средних веков, истории нового времени, истории колониальных и зависимых стран, археологии и этнографии.

³³ См.: Таубин Р. А. Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов – патриоты демократической России // Н. Г. Чернышевский: Сб. статей к 50-летию со дня смерти великого революционера-демократа. Саратов, 1939; Его же. Из истории борьбы с меньшевистской и эсеров-кулацкой контрреволюцией в период гражданской войны в б. Саратовской губернии // Учен. зап. Саратов. ун-та. Саратов, 1939. Т. 1 (XIV). Вып. 1; и др.

18 октября 1958 г. научной конференции, посвященной 130-й годовщине со дня рождения Н. Г. Чернышевского³⁴.

В период с 1937 по 1940 г. на историческом факультете Саратовского университета работала и некоторое время (1939–1940 гг.) заведовала кафедрой истории СССР профессор Анна Михайловна Панкратова (1897–1957).

Ее приезд в Саратов, хотя и был фактически административно-политической ссылкой, стал для местных историков важным событием, изменившим их научно-исследовательскую и педагогическую жизнь. Будучи одним из ведущих советских историков, крупным ученым-общественником и организатором науки, «А. М. Панкратова щедро делилась со своими учениками и сотрудниками богатым опытом и знаниями, была инициатором всех научно-педагогических и общественно-политических начинаний на факультете. По ее инициативе, – вспоминал Л. А. Дербов, – при истфаке была организована аспирантура, велась интенсивная работа по повышению квалификации молодых преподавателей, защищались диссертации, печатались научные труды. <...> А. М. Панкратова в годы своего пребывания в Саратове завершила работу по подготовке к изданию известного всей стране школьного учебника по истории СССР, который потом выдержал более 20 изданий, был переведен на многие языки народов Советского Союза и зарубежных стран, долгое время оставался основным пособием по отечественной истории для миллионов советских детей»³⁵.

Обаятельный образ А. М. Панкратовой сохранился в памяти, пожалуй, каждого, кто знал ее лично, трудился рядом с ней или учился у нее. По отзывам современников, она умела легко объединять вокруг себя работоспособных и талантливых исследователей, чему в немалой степени способствовали ее личные качества. Исключительная требовательность к себе и к работам своих ближайших помощников, способность увлечь окружавших ее людей новой смелой идеей и постоянная готовность к самопожертвованию – все это подкупающе действовало на молодежь, вызывало в ней искреннюю потребность к труду и полной отдаче своих сил служению Российской Науке.

Работа исторического факультета не затихала и в тяжелейшие годы Великой Отечественной войны, когда главными задачами саратовских гуманитариев сделались изучение и пропаганда в широких слоях населения героического прошлого родной страны и борьбы нашего народа против иноземных захватчиков. Наряду с саратовскими историками к решению этих и других вопросов военного времени подключились и некоторые ведущие сотрудники московских и ленинградских вузов, которые на период эвакуации влились в сильно поредевший за годы войны профессорско-преподавательский коллектив Саратовского университета³⁶.

Весьма ценное пополнение за счет иногородних специалистов получила тогда же и кафедра истории СССР. В 1941–1942 гг. е возглавлял известный специалист

³⁴ На этой конференции Р. А. Таубин, вероятно, выступил с докладом «Кружок Н. Г. Чернышевского и вопрос о создании революционной партии в годы первой революционной ситуации в России», текст которого позже был опубликован в сб.: «Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования, материалы» (Саратов, 1961. Т. 2).

³⁵ Дербов Л. А. Указ. соч. С. 14.

³⁶ См.: Артисевич В. А. Воспоминания: Ленинградский университет в Саратове / Публ., подгот. текста и прим. А. В. Зюзина // Опыт работы Зональной научной библиотеки имени В. А. Артисевич Саратов. ун-та. Саратов, 2000. Вып. 34.

по истории России эпохи феодализма и русской историографии, профессор Московского университета Николай Леонидович Рубинштейн (1897–1963). Заведая университетской кафедрой, он же одновременно являлся и деканом исторического факультета СГУ, а также профессором и заведующим кафедрой истории СССР в Саратовском педагогическом институте³⁷. После него, в 1943–1944 гг., кафедрой истории СССР Саратовского университета руководил другой видный российский ученый, крупный знаток социально-экономических проблем и классовой борьбы в России в эпоху феодализма, истории русской государственности и военной истории России, профессор Ленинградского университета Владимир Васильевич Мавродин (1908–1987).

Имея за плечами богатый опыт научно-исследовательской и педагогической работы, названные ученые, хотя и представляли различные высшие учебные заведения, в бытность свою в Саратове приложили максимум усилий и знаний в деле популяризации военно-патриотических традиций отечественной истории. В подтверждение этого достаточно упомянуть основанный на обширном материале доклад Н. Л. Рубинштейна «Возникновение народного ополчения в России в начале XVII века», прочитанный им в 1943 г. на кафедре истории СССР СГУ, или его же брошюру «Полководческое искусство Суворова»³⁸. Кроме того, следует указать на целую серию статей и брошюр В. В. Мавродина, в которых в доступном для массового читателя стиле излагались сложные научные проблемы истории восточного славянства до IX в. и образования Древнерусского государства³⁹.

В 1944 г., после успешной защиты в Ленинградском университете кандидатской диссертации «Борьба Русского государства за выход к Балтийскому морю во второй половине XVI века», заведующим кафедрой истории СССР, а с 1963 г. – истории СССР досоветского периода становится доцент (с 1976 г. – профессор) Леонард Адамович Дербов (1909–1994).

С именем этого замечательного ученого и педагога связаны особенно значимые и переломные вехи как в жизни исторического факультета в целом, так и кафедры истории СССР в частности. Л. А. Дербов, прожив долгую и весьма насыщенную жизнь, «был свидетелем небывалых по драматизму событий отечественной истории новейшего времени, что не могло не отразиться на судьбе и взглядах историка. В его учебно-педагогических и научных трудах проявились почти все этапы советской историографии»⁴⁰.

В научном отношении особенно плодотворными оказались для Л. А. Дербова 1960–1980-е гг., когда «изучение общественно-политических и исторических взглядов Н. И. Новикова и других русских просветителей второй половины XVIII в. принесло ему докторскую степень и заслуженное уважение специалистов по XVIII веку»⁴¹.

На высоком научно-методическом уровне находилась в эти годы и его педагогическая деятельность. По воспоминаниям ученика Л. А. Дербова, профессора кафедры истории России С. А. Мезина, «курс истории СССР с

³⁷ Архив СГУ. Д. 12 (Н. Л. Рубинштейн). Л. 1, Зоб., 5.

³⁸ См.: *Рубинштейн Н. Л.* Возникновение народного ополчения в России в начале XVII века // Тр. Гос. ист. музея. М., 1948. Вып. XX; *Его же.* Полководческое искусство Суворова. Саратов, 1942.

³⁹ Весь этот обширный документальный материал позже лег в основу фундаментальной монографии В. В. Мавродина «Образование Древнерусского государства» (Л., 1945).

⁴⁰ *Мезин С. А., Мирзеханов В. С.* Судьба российского историка в XX веке // Историк и историография... С. 3.

⁴¹ Там же. С. 4.

древнейших времен до конца XVIII в. он читал студентам-первокурсникам без перерыва 45 лет с неизменным успехом. Одна из причин популярности Леонарда Адамовича как лектора видится в его личной причастности к исследованию ряда проблем отечественной истории, а также в высокой историографической культуре ученого. Его лекторской манере присущи сдержанность и убежденность, отточенность формулировок, равновесие фактов и обобщений»⁴².

О выдающихся способностях Дербова-педагога убедительно свидетельствовало и то, что многие из его бывших учеников – студентов, кружковцев, дипломников и аспирантов – позже сами стали профессорами (И. В. Порох, В. В. Пугачев, Г. Д. Бурдей, С. А. Мезин, Н. Г. Гончаренко, О. И. Терновой и другие).

В 1970 г. Л. А. Дербова на посту заведующего кафедрой истории СССР досоветского периода сменил талантливый ученый, профессор Владимир Владимирович Пугачев (1923–1998).

Об уровне и основательности научной подготовки нового руководителя кафедры многое может рассказать даже обыкновенный перечень его учителей и наставников: Ю. Г. Оксман, Г. А. Гуковский, В. В. Мавродин, А. В. Предтеченский, Н. Л. Рубинштейн. В последующие годы этот список пополнился новыми именами выдающихся российских ученых, составивших целую эпоху в отечественной историографии, – С. Н. Валка и М. П. Алексеева. Общением и многолетней дружбой с этими людьми В. В. Пугачев дорожил и гордился на протяжении всей своей жизни.

Заявив о себе крупными научными исследованиями⁴³, заведующий кафедрой продемонстрировал недюжинное мастерство и на лекторском поприще. Вот как, к примеру, отзывался об этой стороне его деятельности докторант кафедры истории России А. В. Воронихин:

«Лекции Пугачева были открытиями: оригинальная постановка проблем, неожиданное прочтение источников, образные (зачастую звучащие злободневно) сравнения, феноменальная память, широчайшая эрудиция притягивали к ученому самых разных людей, производили неизгладимое впечатление. Тихим, завораживающим, чуть с хрипотцой голосом он погружал аудиторию в атмосферу своих мыслей и увлекал в исследования, участником которых становился каждый слушатель. Времена и люди пересекались в историческом пространстве и рождались откровения. Популярность Пугачева среди студентов была потрясающей. К нему искренне тянулись, общением с ним дорожили, о его рассеянности сочиняли истории, его любили и за глаза называли «В. В.»

Скромный костюм, неизменный выдавший виды портфель, в котором с едой для любимой собаки могла соседствовать рукопись, неторопливая походка доброго человека в очках с подслеповатым взглядом мудреца – таким запечатлелся в памяти многих образ профессора В. В. Пугачева, ученого от Бога»⁴⁴.

⁴² Мезин С. А. Ровесник университета: (К 80-летию Л. А. Дербова) // Вопросы отечественной и всеобщей истории: Сб. статей молодых историков Саратова. Саратов, 1991. С. 21.

⁴³ См.: Библиографический указатель печатных работ В. В. Пугачева // Освободительное движение в России: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1997. Вып. 16. С. 17–26.

⁴⁴ Воронихин А. В. Памяти В. В. Пугачева // Историографический сборник. Саратов, 1999. Вып. 18. С. 246.

Девятым по счету и последним по времени руководителем кафедры истории СССР досоветского периода, с 1991 г. носящей современное название – истории России, был избран в 1975 г. доктор исторических наук, профессор Николай Алексеевич Троицкий (род. в 1931 г.).

За годы своего заведования кафедрой, продолжающегося уже 26 лет, ученым опубликовано более трехсот научных трудов, из них книг (монографий, учебников, учебных пособий) – 21⁴⁵. Все они так или иначе представляют четыре главные в его творческой деятельности научные направления:

- историю народнического этапа освободительного движения, и в частности, политические процессы в Российской империи 60–90-х гг. XIX в.;
- внешнюю политику России XIX в., главным образом историю Отечественной войны 1812 г.;
- историю отечественной исторической мысли и науки;
- историю культуры России XIX в.

Будучи весьма активным ученым-исследователем, Н. А. Троицкий пользуется еще и заслуженной репутацией блестящего педагога. По признанию многих его студентов-дипломников и аспирантов, он «никогда не навязывает ученикам своих мнений, щедро делится знаниями и всегда готов помочь советом. Борясь за свободную мысль в науке, он ценит самостоятельность и творческое начало в других, и даже принципиальные споры никогда не заканчиваются авторитетным вердиктом и тем более «оргвыводами». <...> Главным делом Троицкого-профессора, бесспорно, являются его лекции. Он давно и прочно завоевал славу одного из лучших лекторов университета, читая с равным успехом как студентам, так и широкой публике. <...> Логика и образность идут в них рука об руку, никогда не расставаясь, его экспромты неожиданны, а импровизации – оригинальны. Троицкий редко отдается на волю фантазии; его курс всегда выверен, время определено, размеренным, чуть глуховатым голосом он твердо ведет повествование к намеченной цели. Такие лекции оставляют сильное впечатление и всегда имеют успех у слушателей»⁴⁶.

В полной мере Н. А. Троицкий обладает и научно-организаторским даром. Под его руководством на кафедре вот уже который год ведется планомерная и полномасштабная разработка трех основных общекафедральных научных направлений.

Первым по значимости и богатству исследовательскими традициями с момента основания кафедры и до наших дней остается история освободительного движения в России от преддекабристской эпохи до 1917 г. Заложенное трудами известного ученого-декабристоведа профессора С. Н. Чернова⁴⁷, данное научное направление получило дальнейшее свое развитие в работах ведущих профессоров кафедры Л. А. Дербова (просветительство в России конца XVIII в.⁴⁸), В. В. Пугачева (декабристы⁴⁹),

⁴⁵ См.: Список научных трудов Н. А. Троицкого // Историографический сборник. Саратов, 1994. Вып. 16. С. 21–32.

⁴⁶ Воронихин А. В., Чернышевский Д. В. Судьба российского историка: (к 60-летию Н. А. Троицкого) // Историографический сборник. Саратов, 1994. Вып. 16. С. 20–21.

⁴⁷ См.: Чернов С. Н. У истоков русского освободительного движения: Избранные статьи по истории декабризма / Введ. и коммент. И. В. Пороха и Б. Е. Сыроечковского. Саратов, 1960.

⁴⁸ См.: Дербов Л. А. Общественно-политические и исторические взгляды Н. И. Новикова. Саратов, 1974; *Его же*. В. И. Ленин о просветительстве и просветителях // Историографический сборник. Саратов, 1984. Вып. 11. С. 27–41; *Его же*. Основные черты просветительского направления в русской историографии второй половины XVIII века // Историографический сборник. Саратов, 1989. Вып. 14. С. 68–86; *Его же*. Просветители XVIII века в борьбе за

И. В. Пороха (1922–1999) (декабристы, Герцен и Чернышевский⁵⁰), В. В. Широковой (народничество⁵¹), М. С. Персова (1903–1982) (социал-демократы⁵²) и Н. А. Троицкого (политические процессы в России⁵³). Этому научному направлению соответствует и основанный в 1971 г. В. В. Пугачевым и ныне редактируемый Н. А. Троицким межвузовский сборник научных трудов «Освободительное движение в России». Главной отличительной особенностью этого издания является то, что в каждом его выпуске «печатаются материалы не только о революционерах (главным образом), но и о либералах, консерваторах, реакционерах – словом, обо всех, кто участвовал в освободительном движении, взаимодействовал с ним и боролся против него»⁵⁴. В качестве авторов в нем активно участвуют не только сотрудники кафедры, но и многие иногородние специалисты, в том числе ученые из-за рубежа.

Другим традиционным для кафедры научным направлением является история отечественной исторической мысли, науки и университетского образования в России XVIII–XX вв., в котором особенно велик вклад профессоров Л. А. Дербова, И. В. Пороха, М. С. Персова, Г. Д. Бурдея (1919–1999) и С. А. Мезина. Определенных результатов в этом плане достиг в последние годы и доцент В. А. Соломонов⁵⁵.

развитие русской культуры // Историографический сборник. Саратов, 1994. Вып. 16. С. 121–138; *Его же*. Просветители XVIII века о русском народе // Историографический сборник. Саратов, 1998. Вып. 17. С. 44–55; и др.

⁴⁹ См.: *Пугачев В. В.* Из пропагандистской деятельности декабриста М. Ф. Орлова в 1820–1822 гг. // Науч. ежегодник СГУ за 1954 год. Саратов, 1955. С. 90–94; *Его же*. Декабрист М. Ф. Орлов и Московский съезд Союза благоденствия // Учен. зап. Сарат. ун-та. Саратов, 1958. Т. 66. С. 82–115; *Его же*. (в соавт. с Ю. Г. Оксманом). Пушкин, декабристы и Чаадаев. Саратов, 1999; и др.

⁵⁰ См.: *Порох И. В.* Восстание Черниговского полка // Очерки истории движения декабристов. М., 1954. С. 121–185; *Его же*. О так называемом «кризисе» Южного общества декабристов // Учен. зап. Сарат. ун-та. Саратов, 1956. Т. 47. С. 111–149; *Его же*. Деятельность декабристов в Москве (1815–1825 гг.) // Декабристы в Москве. М., 1963. С. 9–106; *Его же*. Герцен и Чернышевский. Саратов, 1963; Дело Чернышевского: Сб. документов / Подг. текста, вв. ст. и коммент. И. В. Пороха. Саратов, 1968 и др.

⁵¹ См.: *Широкова В. В.* Возникновение народовольческой организации в Харькове // Из истории общественной мысли и общественного движения в России. Саратов, 1964; *Ее же*. Партия «Народного права»: Из истории освободительного движения 90-х гг. XIX века. Саратов, 1972; и др.

⁵² См.: *Персов М. С.* К вопросу о перемещении центра революционного движения в Россию // Учен. зап. Сарат. ун-та. Харьков, 1956. Т. 47; *Его же*. В. И. Ленин о некоторых особенностях развития России в конце XIX – начале XX в. // Историографический сборник. Саратов, 1962. С. 34–51; и др.

⁵³ См.: *Троицкий Н. А.* Царские суды против революционной России. Политические процессы 1871–1880 гг. Саратов, 1976; *Его же*. Безумство храбрых: (Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг.). М., 1978; *Его же*. «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 1983, и др.

⁵⁴ *Троицкий Н. А.* Прямой ответ на «круглый стол» // Освободительное движение в России. Саратов, 2000. Вып. 18. С. 5.

⁵⁵ См.: *Дербов Л. А.* Историческая наука в Саратовском университете. Саратов, 1983; *Его же*. Историографические исследования ученых Саратовского университета // Историографический сборник. Саратов, 1983. Вып. 12. С. 50–66; *Его же*. Исторические взгляды русских просветителей второй половины XVIII века. Саратов, 1987; *Его же*. Проблемы славяноведения и балканистики в трудах саратовских историков // Историографический сборник. Саратов, 1987. Вып. 13. С. 122–137; *Порох И. В.* Некоторые вопросы истории общественного движения в России первой половины XIX столетия в работах саратовских исследователей // Учен. зап. Сарат. ун-та. Саратов, 1960. Т. 68. С. 15–38; *Его же*. (в соавт. с

Исконно кафедральным научным направлением, несмотря на недавно образованную в университете кафедру историографии, региональной истории и археологии и уход на нее доцентов М. В. Булычева, Е. К. Максимова, Н. М. Малова и В. А. Лопатина, считается также история Саратовского Поволжья с древнейших времен до 1917 г. Основанное деятельностью профессоров П. Г. Любомирова, С. Н. Чернова, А. А. Гераклитова, П. С. Рыкова и И. В. Сеницына⁵⁶, данное направление было развито затем Р. А. Таубиным, В. А. Осиповым, В. В. Широковой, И. В. Порохом⁵⁷, а ныне представлено их учениками: М. В. Булычевым, Е. К. Максимовым, А. В. Воронежцевым, В. П. Тотфалушиным, В. А. Соломоновым⁵⁸ и другими.

Такова общая канва и главные особенности развития кафедры истории России Саратовского государственного университета с момента ее основания в 1917 г. и до современности. За более чем 80-летний период своей истории она пережила как творческие победы, так и человеческие трагедии, нередко лишавшие ученых не только их ученых званий и должностей, но и самой жизни в сталинских лагерях. Однако выпавшие на долю саратовских историков

Е. И. Покусаевым). Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского в трудах саратовских ученых // Н. Г. Чернышевский: Статьи, исследования и материалы. Саратов, 1961. Т. 2. С. 305–324; Персов М. С. Обобщение и использование исторического опыта в работах В. И. Ленина. Саратов, 1970; Бурдей Г. Д. Историк и война. 1941–1945. Саратов, 1991; *Его же*. Историческая литература в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. Вып. 1: Историческая периодика; Вып. 2: Библиографический указатель книг и брошюр; Вып. 3: Историческая книга: Системный анализ (в соавт. С. Ю. Наумовым). Саратов, 1995; Мезин С. А. Русский историк И. И. Голиков. Саратов, 1991; Соломонов В. А. Императорский Николаевский Саратовский Университет: история открытия и становления (1909–1917). Саратов, 1999; *Его же* (в соавт.). Профессора и доктора наук Саратовской области, 1909–1999: Библиографический справочник: В 8 т. Т. 1: 1909–1917. Саратов, 2000.

⁵⁶ См.: Любомиров П. Г. К истории народного образования в Саратовской губернии до освобождения крестьян // Тр. Н.-В. обл. научн. О-ва краеведения. Саратов, 1924. Вып. 34, ч. 2. С. 32–53; *Его же*. Нижнее Поволжье полтора столетия назад // Нижнее Поволжье. Саратов, 1924. № 1. С. 21–31; *Его же*. Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XIX века // Тр. Н.-В. обл. научн. О-ва краеведения. Саратов, 1928. Вып. 35, ч. 3. С. 3–78; Чернов С. Н. Н. Г. Чернышевский – учитель Саратовской гимназии // Н. Г. Чернышевский: Неизданные тексты, статьи, материалы, воспоминания. Саратов, 1926. С. 170–196; *Его же*. Семья Чернышевских // Изв. Краеведч. Ин-та изучения Ю.-В. области при Сарат. ун-те. Саратов, 1927. Т. II. С. 215–242; Гераклитов А. А. Саратов. Краткий исторический очерк. Саратов, 1919 (2-е изд. 1923 г.); *Его же*. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923; *Его же*. Саратовская мордва: (К истории мордовской колонизации в Саратовском крае) // Изв. Краеведч. Ин-та изучения Ю.-В. области при Сарат. ун-те. Саратов, 1926. Т. I. С. 137–155; Рыков П. С. Нижнее Поволжье по археологическим данным (1926–1927 гг.). М.-Саратов, 1929; *Его же*. Очерки по истории мордвы по археологическим материалам. М., 1933; *Его же*. Очерки по истории Нижнего Поволжья: По археологическим материалам. Саратов, 1936; Сеницын И. В. Археологические исследования Заволжского отряда // Памятники Нижнего Поволжья. М., 1959. Т. 1; *Его же*. Древние памятники в Низовьях Еруслана // Памятники Нижнего Поволжья. М., 1960. Т. 2.

⁵⁷ См.: Таубин Р. А. Культурное строительство в Саратовской области: (Народное образование, здравоохранение, искусство). Саратов, 1939; Осипов В. А. Очерки по истории Саратовского края (конец XVI–XVII вв.). Саратов, 1976; *Его же*. Саратовский край в XVIII веке. Саратов, 1985; Широкова В. В. Очерки истории общественного движения в Саратовской губернии в пореформенный период. Саратов, 1976; Очерки истории Саратовского Поволжья / Под ред. И. В. Пороха. Саратов, 1993. Т. 1; Саратов, 1995. Т. 2, ч. 1; Саратов, 1999. Т. 2, ч. 2.

⁵⁸ См.: Максимов Е. К. Имя твоей улицы. Саратов, 1986; *Его же*. (в соавт. с В. Х. Валеевым). Саратов на старых открытках. Саратов, 1990; Соломонов В. А. Революционное студенческое движение в Саратове 1910–1917 годов. Саратов, 1991; Зернов В. Д. Записки русского интеллигента / Подгот. публ., предисл. и коммент. В. А. Соломонова. // Волга. Саратов, 1993. № 7–11; 1994. № 2–7; Булычев М. В., Воронежцев А. В., Максимов Е. К., Тотфалушин В. П. История Саратовского края: С древнейших времен до 1917 года / Под общ. ред. В. П. Тотфалушина. 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 2000; и др.

тяжелые испытания не смогли в конечном счете истребить у них твердого желания и впредь честно делать свою работу, добиваться новых научных результатов и готовить себе талантливую молодую смену. И, как показало время, заложенные на кафедре славные научные традиции не только не канули в Лету, но, став достоянием новых поколений, получили еще большее развитие.

В. Л. Пянкевич

**НЕВОЛЬНИКИ В ВОЗРОЖДЕНИИ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ
(историография принудительного труда граждан СССР
40-х – начала 50-х годов)**

Создание и функционирование особого сектора «лагерной» экономики еще с довоенного времени стало важным направлением экономической политики руководства СССР. Во время и по окончании Великой Отечественной войны использование принудительного труда продолжало оставаться весомой составляющей жизни страны. Какую же роль отводят принудительному труду в советской экономике, решении задач восстановления народного хозяйства Советского Союза в ходе и по окончании войны российские и зарубежные исследователи?

До недавнего времени проблема принудительного труда не изучалась в отечественной историографии. Во второй половине 80-х гг. в связи с большей доступностью прежде закрытых архивных материалов обозначилось внимание к ней публицистов, ученых, в том числе в связи с ростом интереса к судьбам репрессированных. В 90-е гг. работы, посвященные истории системы лагерей и спецпоселений, проблеме использования принудительного труда в СССР в 30–50-х гг., в большом количестве стали появляться в печати.

Одним из первых на рубеже 80-х – 90-х гг. к данной теме судеб репрессированных, депортации народов, спецпереселенцев на основе ранее закрытых архивных, прежде всего статистических материалов обратился В. Н. Земсков, внимание которого привлек в основном демографический аспект темы¹. Российские историки Н. Ф. Бугай и М. Е. Главацкий, В. П. Данилов, Н. А. Ивницкий, В. П. Мотревич, Т. И. Славко и другие стали заниматься этими сюжетами. Началась публикация прежде неизвестных документов на лагерную тему, в том числе содержащих статистические сведения о численности и составе заключенных, хозяйственной деятельности в отдельных подразделениях, лагерях, экономических функциях ГУЛАГа, об использовании

¹ См.: Аргументы и факты. 1989. № 39; *Земсков В.Н.* Заключенные, спецпереселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: Статистико-географический аспект // История СССР. М., 1991. № 5; *Его же.* ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6; *Его же.* ГУЛАГ, где ковалась победа // Родина. М., 1991. № 6–7; *Его же.* Спецпереселенцы (1930–1959 гг.) // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994; и др.

принудительного труда и т.д.² В. А. Пронько и В. Н. Земсков опубликовали доклад о работе Главного управления исправительно-трудовых лагерей и колоний НКВД СССР за годы Отечественной войны, в большей части которого характеризуется производственно-хозяйственная деятельность ГУЛАГа и освещаются мероприятия по оказанию помощи районам, освобожденным от оккупации³. Первое документально обоснованное описание советской лагерной системы имеется в составленном на базе ранее секретных архивных материалов М. Б. Смирновым справочнике⁴. Использование в сборнике, изданном Институтом российской истории РАН, посвященном 30-м гг., ранее не публиковавшихся секретных документов из фондов СНК СССР и НКВД позволило создать достаточно полное представление о динамике численности заключенных, условиях их жизни и роли и удельном весе их труда в решении задач хозяйственного строительства⁵. Несомненный интерес представляет содержащий раздел «Производственная деятельность» солидный том собрания документов ГУЛАГа, подготовленный А. И. Кокуриным и Н. В. Петровым⁶. Появились многочисленные региональные документальные публикации, исследования, затрагивающие и прямо посвященные военному и послевоенному периодам истории лагерной системы, ее экономике, в том числе отдельным лагерям⁷. Рядом авторов (Л. И. Гвоздкова, В. М. Кириллов,

² См.: *Иванов Л., Емелина А.* ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны // *Воен.-ист. журн.* 1991. № 1; *Горева А. Ю.* Детские лагеря ОГПУ и НКВД и пресса // *Вестник МГУ. Сер. 10, Журналистика.* 1993. № 9; *ГУЛАГ в годы войны: Доклад начальника ГУЛАГа НКВД СССР В. Г. Наседкина, август 1944* // *Истор. архив.* 1993. № 3; *Особое техническое бюро НКВД СССР: Отчеты Л. П. Берии и В. А. Кравченко 1944 г.* // *Истор. архив.* 1999. № 1; и др.

³ См.: *Вклад заключенных ГУЛАГа в победу в Великой Отечественной войне* // *Новая и новейшая история.* 1996. № 5.

⁴ См.: *Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник* / Сост. М. Б. Смирнов; Под ред. Н. Г. Охотина, А. Б. Рогинского. М., 1998.

⁵ См.: *Экономика ГУЛАГА и ее роль в развитии страны, 1930-е годы: Сб. док.* / Сост. М. И. Хлусов. М., 1998.

⁶ См.: *ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1918–1960: Документы.* / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров; Науч. ред. В. Н. Шостаковский. М., 2000.

⁷ См.: *Карлаг в 40-х годах* // *Советские архивы.* 1991. № 6; *Правда о ГУЛАГе: свидетельства очевидцы.* Тула, 1991; *Сандлер А. С., Этлис М. М.* Современники ГУЛАГа: Книга воспоминаний и размышлений. Магадан, 1991; *Озерлаг: как это было.* Иркутск, 1992; *Макуров В.* Под руководством ОГПУ – НКВД // *Север.* 1993. № 9; *Плющенко С. К.* Использование труда заключенных на строительстве железной дороги Тайшет-Лена в 1945–1958 гг. // *Иностранцы в России.* Иркутск, 1994; *Принудительный труд: Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30–50-е гг.)*. Томск, Т. 1, 2 / Отв. ред. *Л. И. Гвоздкова.* Кемерово, 1994; *Гвоздкова Л. И.* Сталинские лагеря на территории Кузбасса (30–40-е гг.) Кемерово, 1994; *Ее же.* Репрессии 1930–1940-х гг. в Томском крае. Томск, 1994; *Ее же.* История репрессии и сталинских лагерей в Кузбассе. Кемерово, 1997; *Морозов Н. А., Роголев М. Б.* ГУЛАГ в Коми АССР (20–50-е годы) // *Отечественная история.* 1995. № 2; *Горбачев К. А.* Архивная документация о немцах-переселенцах в Красноярском крае (1943–1953 гг.) // *Архивный фонд Красноярского края: вопросы научного и практического использования документов. Тезисы доклада на научно-практ. конф.* Красноярск, 1995; *Минина С. А.* Материалы Государственного архива Красноярского края о спецпереселенцах // Там же; *Ткачева Г. А.* Осужден каждый третий: Принудительный труд на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны // *Россия и АТР.* 1995. № 1; *Ее же.* Принудительный труд в экономике Дальнего Востока в 20–40-е гг. // *Краеведческий бюллетень.* Южно-Сахалинск, 1996. № 1; *Кириллов В. М.* История репрессий в нижнетагильском регионе Урала (1920 – начало 1950-х гг.). Ч. 2. Нижний Тагил, 1996; *Морозов Н. А.* ГУЛАГ в Коми крае 1929–1956 гг. Сыктывкар, 1997; *Маркова Е. В., Волков В. А., Родный А. Н., Ясный В. И.* Судьбы интеллигенции в воркутинских лагерях. 1930–1950-е годы // *Новая и новейшая история.* 1999. №

Н. А. Морозов и др.) удалось исследовать весьма широкий спектр проблем в рамках отдельно взятых регионов. Быстро растет количество диссертационных исследований, посвященных лагерной теме, использованию принудительного труда⁸. В стремительно увеличивающейся историографии активно используются прежде секретные архивные статистические материалы для характеристики масштабов ГУЛАГа, объемов и сфер применения принудительного труда, типологии социальных, национальных групп репрессированных, численности, структуры подразделений состава контингентов ГУЛАГа, вопросам принудительного трудоустройства заключенных, спецпоселенцев, условий их жизни, труда и быта, физического состояния, питания, отношения к ним администрации. Предпринимаются попытки выявления периодизации применения принудительного труда. Исследователи ставят задачи ретроспективного анализа системы лагерей и спецпоселений в ее историческом развитии для определения ее характера и места в общей системе советского государства, выяснения основных особенностей генезиса и функционирования лагерно-производственных комплексов, общих тенденций развития лагерной системы в сочетании с региональными особенностями.

Опыт изучения, накопление информации российскими историками обусловили возможность обращения к экономическим аспектам лагерной системы, изучению ее места в народном хозяйстве страны. Первые попытки анализа хозяйственной стороны темы предпринимаются в начале 90-х гг. в обстоятельной статье О. В. Хлевнюка, который прослеживает эволюцию советской системы принудительного труда с конца 20-х гг. до начала 40-х гг.⁹. Систему связей между внутрилагерной и внелагерной экономическими системами раскрывает в своей статье Л. С. Трус. Он выделяет своеобразный «комплекс ГУЛАГа» сложившийся в лагерях НКВД и распространившийся на советскую экономику в целом¹⁰. Следует особо отметить публикации Г. М. Ивановой, в которых затрагивается проблема экономического содержания принудительного труда в СССР¹¹. Исследовательница, работы которой базируются на обширном комплексе архивных источников, в том числе остающихся на секретном хранении, рассматривает лагерную экономику как особую систему хозяйства, созданную на использовании различных видов принудительного труда, прежде всего заключенных. Названный аспект проблемы затрагивается в основанной на архивных материалах КГБ и МВД книге А. С. Смыкалина,

5; Бикметов Р. С. Использование труда спецконтингента на угольных предприятиях Кузбасса в 1946–1955 гг. // Книга памяти шахтеров Кузбасса, 1946 – 1960. Самара, 1998. Т. 1, ч. 1; и др.

⁸ См.: Гвоздкова А. И. Сталинские лагеря в Кузбассе: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1997; Маламуд Г. Я. Заключенные и трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940-х – начале 1950-х гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1998; Морозов Н. А. ГУЛАГ в Коми крае 1929–1956. Автореф. дис... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2000; Бикметов Р. С. Спецконтингент на шахтах Кузбасса в 1930-е – сер. 1950-х гг.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Кемерово, 2000; и др.

⁹ См.: Хлевнюк О. Принудительный труд в экономике СССР, 1929–1941 годы // Свободная мысль, 1992. № 13.

¹⁰ См.: Трус Л. С. Введение в лагерную экономику // Экономика и организация промышленного производства. М., 1990. № 5.

¹¹ См.: Иванова Г. М. ГУЛАГ в экономической и политической жизни страны // СССР и холодная война / Под. ред. В. С. Лельчука и Е. И. Пивовара. М., 1995; Ее же. ГУЛАГ в системе тоталитарного государства. М., 1997; Ее же. ГУЛАГ: государство в государстве // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2: Апогей и крах сталинизма. М., 1997; и др.

которая посвящена ретроспективному анализу пенитенциарной системы России в период с 1917 г. до начала 60-х годов¹². Авторы многочисленных публикаций по ранее запретным сюжетам репатриации, высылки крестьян, депортации народов СССР, не являющихся предметом данной статьи, также касаются трудового использования репрессированных. Новым стало рассмотрение сюжетов о применении принудительного труда в конкретно-исторических исследованиях посвященных экономическому, промышленному развитию регионов¹³, изучению трудовых ресурсов¹⁴.

К трагическим страницам советской истории, масштабному использованию труда заключенных, давно обратились зарубежные авторы¹⁵. Лишенные, как, впрочем, и советские ученые, возможности работать с архивными материалами, западные исследователи тем не менее затрагивали эти сюжеты, пытались определить этапы формирования лагерной системы СССР, численность ее населения, анализировали хозяйственную деятельность. К концу 40-х гг. документальный материал о советской системе принудительного труда, накопленный в западной историографии, позволил перейти к этапу научного осмысления проблемы. Первой фундаментальной работой этого периода стала книга Д. Даллина и Б. И. Николаевского¹⁶. Позже феномен принудительного труда, в том числе его экономическая составляющая, стал осмысливаться и интерпретироваться в работах других западных авторов¹⁷. Российский историк Н. А. Морозов выделяет два направления в разработке темы истории ГУЛАГа западными авторами. Представители первого направления историков создали картину системы принудительного труда, используя в значительной степени социологический и политологический понятийный аппарат. Представители второго («историко-географического») направления предпочитали возможно более точно описывать спецпоселения конкретные лагеря, тюрьмы, их структуру, функции. Кроме того, тема принудительного труда затрагивалась в работах зарубежных авторов о депортации ряда народов СССР. Для зарубежной историографии 60–80-х гг., пишет Н. А. Морозов, был характерен высокий уровень научного осмысления исторических источников и попытки исследования социальных, экономических и психологических аспектов истории ГУЛАГа. Однако узость источниковой базы, обусловленная полным отсутствием доступа исследователей к материалам советских архивов, обусловила ряд субъективных оценок и фактических неточностей в историографии этого периода¹⁸. В связи с этим следует отметить

¹² См.: *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997.

¹³ См.: *Хатылаев М. М.* Промышленное развитие Якутии в 1946–1960 гг. Якутск, 1992; *Абылхожин Ж. Б.* Очерки социально-экономической истории Казахстана, XX век. Алматы, 1997.

¹⁴ См.: *Митрофанова А. В.* Мобилизация трудовых ресурсов в условиях Великой Отечественной войны // *Россия в XX веке: Историки мира спорят.* М., 1994.

¹⁵ См.: *Артемьев В.* Режим и охрана исправительно-трудовых лагерей МВД. Мюнхен, 1956; *Яковлев Б.* Концентрационные лагеря СССР. Мюнхен, 1951; *Юшковский В.* Советские концентрационные лагеря 1945–1955 гг. Мюнхен, 1958; и др.

¹⁶ См.: *Dallin D., Nicolaevsky B. I.* Forced Labour in Soviet Russia. L., 1948.

¹⁷ См.: *Herling A.* The Soviet slave empire. N.Y., 1951; *Swianiewicz S.* Forced labor and economic development. An enquiry into the experience of Soviet industrialization. L., 1965; *Bunyan J.* The origins of forced labor in the Soviet state. Baltimore, 1967; *Barton P.* L'institution concentrationnaire en Russe (1930–1957). Paris, 1969.

¹⁸ См.: *Морозов Н. А.* ГУЛАГ в Коми крае, 1929–1956: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2000. С. 11, 12.

опубликованные в нашей стране рефераты работ Р. Конквеста, С. Г. Уиткрофта, посвященных проблемам методики подсчетов оценок советологов, анализирующих динамику численности заключенных в сталинских тюрьмах и лагерях в рамках дискуссии в англо-американской советологии по проблемам демографической истории СССР¹⁹. Интерес представляет справочник, составленный известным французским писателем Ж. Росси (С. Жапризо), имевшим личный опыт общения с советской пенитенциарной системой²⁰. Материал собран автором в 1937–1958 гг. в тюрьмах, лагерях, ссылке, а также с помощью тысяч интервью с заключенными. В справочнике представлены специфические термины, официальные и неофициальные, опубликованные и неопубликованные правительственные постановления и решения.

Рубеж 80-х – 90-х гг. так же как и для российских историков, стал для зарубежных авторов временем начала энергичного исследования названной проблематики. Э. Бэкон, Д. Гетти, М. Джекобсон и другие опубликовали в 1993–1995 гг. работы, содержащие анализ социально-экономических аспектов темы массовых репрессий. Но буквальное следование тексту источников без достаточной критической работы привело авторов к возврату на сталинские смысловые «нары»²¹. Следует указать на издание справочно-библиографического характера²². Также необходимо отметить, что сведения, добытые российскими историками, изучающими прежде всего секретные документальные материалы по теме политических репрессий, активно используются в зарубежной литературе. Поток новейших публикаций как отечественных, так и зарубежных авторов не лишен некоторых существенных недостатков. Практически отсутствует серьезная источниковедческая критика архивных и мемуарных материалов. Вызывает сомнения точность используемой статистики ГУЛАГа.

Одним из важных аспектов историографии темы, по которому имеются существенные расхождения, является проблема масштабов, а следовательно, и роли принудительного труда в восстановлении экономики СССР. Из введенной в научный оборот отчетности ГУЛАГа (публикации А. Н. Дугина, В. М. Земскова, В. Ф. Некрасова) следовало, что количество заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа перед войной достигло 2 млн. человек. Согласно специальной переписи, проводившейся Наркоматом обороны и НКВД СССР, эта численность составила примерно 2 млн. 300 тыс. человек²³. Накануне войны, пишет А. С. Смыкалин, окончательно сформировалось хорошо организованная стройная система лагерей. Общее число заключенных на 1 января 1940 г. составило 1 659 992 чел.²⁴ В связи с необходимостью пополнения рядов Красной Армии, вызванной большими потерями в начале

¹⁹ См.: Конквест Р. Статистика принудительного труда // Демографические процессы в СССР 20-е–80-е гг. (Современная зарубежная историография). М., 1991; Уиткрофт С. Г. К вопросу об анализе советской статистики принудительного труда // Там же.

²⁰ См.: Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу в 2 ч. Изд. 2-е. М., 1991.

²¹ См.: Морозов Н. А. ГУЛАГ в Коми крае, 1929–1956: Автореф. С. 11.12.

²² См.: Zorin L. Soviet Prisons and Concentration Camps. An annotated bibliography 1917–1980. Newtonville, Mass., 1980.

²³ См.: Поляков Ю. А. Историческая наука: время крутых поворотов // Россия в XX веке: Судьба исторической науки. М., 1996. С. 36; Наше Отечество: Опыт политической истории. Ч. 2. М., 1991. С. 418.

²⁴ См.: Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы... С. 134.

войны до конца 1941 г. в армию было передано 420 тыс. чел.²⁵. В то же время в литературе отмечается не прекращающийся рост числа заключенных в военное время. За 1941–1945 гг. в лагеря ГУЛАГа было заключено 3 429 891 чел.; 621 537 чел. там умерло. На восток выехало 917 577 чел. спецпереселенцев²⁶. За 1941–1944 гг. в ГУЛАГ прибыло 2,55 млн. чел., а убыло, в том числе в армию, 900 тыс.²⁷. На 1 июня 1944 г. в СССР насчитывалось 1,2 млн. заключенных²⁸. На начало октября 1945 г. на спецпоселении числилось 2 230 500 чел.²⁹.

По окончании войны начался новый подъем численности репрессированных. По данным на 1 ноября 1947 г., в лагерном секторе «народного хозяйства» СССР были заняты 353 723 заключенных³⁰. После некоторого снижения общей численности заключенных в годы Великой Отечественной войны, вскоре по ее окончании, пишет М. М. Хатылаев, вновь усилился поток прибывающих в Якутию заключенных³¹. По состоянию на 1 января 1950 г. в ГУЛАГе содержался 2 561 351 заключенный (1 416 300 в лагерях и 1 145 051 в колониях). Из них 578 912 человек, или 22,7% от общего числа заключенных ГУЛАГа, были осуждены за контрреволюционные преступления, т.е. по статье 58 (большинство осужденных по ст. 58 были невинными жертвами сталинских репрессий, меньшая – часть настоящие изменники Родины). В тюрьмах СССР, по данным на декабрь 1948 г. содержалось 230 614 подследственных и осужденных. По состоянию на 1 января 1950 г. на спецпоселении, в ссылке и на высылке находилось 2 660 040 человек. Таким образом, приходит к выводу В. Н. Земсков, к началу 1950 г. в СССР насчитывалось в общей сложности около 5,5 млн. заключенных, спецпоселенцев, ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных³². На 1 января 1953 г. на поселении находилось 2 753 356 спецпоселенцев, в том числе 1 810 140 взрослых спецпоселенцев (от 17 лет и старше)³³. Тогда же на учете находились 52 468 ссыльнопоселенцев, 7 833 ссыльных и 6 119 высланных³⁴. Согласно архивным данным, введенным в научный оборот, количество заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа достигло в 1953 г. двух с половиной млн. чел.³⁵ Спецпоселенцы составляли значительную часть населения целых областей. Рост численности заключенных после войны, пишут М. Б. Смирнов, С. П. Сигачев, Д. В. Шкапов, то ускоряясь, то замедляясь, в целом продолжился до весны – лета 1950 г., когда был достигнут абсолютный максимум – 2 млн. 600 тыс. чел. в лагерях и колониях. Кроме того, в тюрьмах в этот период численность колебалась в пределах от 170 до 190 тыс. Еще несколько десятков

²⁵ См.: Земсков В. Н. ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. № 6.

²⁶ См.: Аргументы и факты. 1989. № 39, 45.

²⁷ См.: Наше Отечество: Опыт политической истории. Ч. 2. С. 418.

²⁸ См.: Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 23.

²⁹ См.: Бугай Н. Ф. К вопросу о депортации народов СССР в 30–40-х годах // История СССР. 1989. № 6. С. 141.

³⁰ См.: Земсков В. Н. ГУЛАГ... (Историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 6. С. 13.

³¹ См.: Хатылаев М. М. Промышленное развитие Якутии в 1946–1960 гг. Якутск, 1992. С. 163.

³² См.: Аргументы и факты. 1989. № 39.

³³ См.: Земсков В. Н. Спецпоселенцы (1930–1959 гг.) // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции: Сб. научных трудов. М., 1994. С. 165.

³⁴ См.: Аргументы и факты, 1989. № 40.

³⁵ См.: Хлевнюк О. Принудительный труд в экономике СССР, 1929–1941 годы...

тысяч должно было находиться «в пути». Максимальная численность заключенных в СССР превышала 2 млн. 800 тыс. чел.³⁶ Необходимо отметить, что в новейшей российской историографии подвергается сомнению точность статистики ГУЛАГа, а опубликованные данные (В. Н. Земсков, Н. Ф. Бугай) о численности репрессированных не подтверждаются региональной статистикой³⁷. Высказываются суждения о заниженности численности репрессированного населения, что подтверждается результатами исследований, возникших на местах региональных центров по изучению политических репрессий.

В литературе, в том числе учебной, воспроизводятся данные о значительно больших масштабах лагерной системы. В системе ГУЛАГа в послевоенные годы, считают Т. М. Тимошина и В. П. Белихин, содержалось примерно 8–9 млн. заключенных³⁸. В этом случае, полагают авторы, сказывается воздействие оценок, высказываемых в зарубежной историографии. По существующим оценкам, пишут Н. Шмелев и В. Попов, в лагерях в разное время находились от 10 до 15 млн. заключенных, в частности в 1953 году в ГУЛАГе находилось 12 млн. чел., или 20% занятых в сфере материального производства. ГУЛАГ занимает первое место среди всех советских министерств по производству продукции. Если к этому добавить 35 млн. колхозников и работников совхозов, привязанных к земле, которые работали в условиях, мало чем отличавшихся от гугаговских, пишут экономисты, то 80% всей советской экономики окажется хозяйственным укладом, который основывался на внеэкономическом принуждении³⁹.

В публикациях зарубежных историков также нет единства в оценках численности заключенных. Более того, приводимые оценки носят весьма неопределенный характер. В 1944 г. Д. Даллин опубликовал подсчеты, согласно которым принудительным трудом было занято от 7 до 12 млн. человек, а население лагерей ежегодно увеличивалась на 440–500 тыс. заключенных⁴⁰. По мнению Г. Шварца, в 1942 г. их было около 13 млн. человек⁴¹. По подсчетам Н. Ясного, это число колебалось от 2–3 млн. до 20 млн.⁴² В советских лагерях в послевоенный период, пишет С. Свяневич, было от 3–5 до 12–15 млн. чел.⁴³ Противоречивость данных о количестве заключенных после войны в зарубежной историографии (от 8 до 15 млн. чел. постоянного населения лагерей) отмечают М. Геллер и А. Некрич⁴⁴. Учитывая численность новых категорий приговоренных к лагерям, следует признать, пишет Н. Верт, что в послевоенные годы советская концентрационная система

³⁶ См.: *Смирнов М. Б., Сигачев С. П., Шкапов Д. В.* Система заключения в СССР, 1929–1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. М., 1998. С. 51.

³⁷ См.: *Бикметов Р. С.* Спецконтингент на шахтах Кузбасса в 1930-е – сер. 1950-х гг. Автореф. дис... канд. ист. наук. Кемерово, 2000. С. 5; *Морозов Н. А.* ГУЛАГ в Коми крае, 1929–1956: Автореф. С. 12.

³⁸ См.: Тимошина Т. М. Экономическая история России. М., 1998. С. 294; Белихин В. Г. История экономики: (Факты, даты, цифры, реформы) М., 1998. С. 219.

³⁹ См.: *Шмелев Н., Попов В.* На переломе: перестройка экономики СССР. М., 1989. С. 89.

⁴⁰ См.: *Dallin D. J., Nicolaevsky B. I.* Forced labour in Soviet Russia. L., 1948. P. 86.

⁴¹ См.: *Schwartz H.* Russia's Soviet economy. N.Y., 1951. P. 212.

⁴² См.: *Jasny N.* Soviet Industrialization, 1928–1952. Chicago, 1961. P. 196.

⁴³ См.: *Swianiewicz S.* Forced labor and economic development. An enquiry into the experience of Soviet industrialization. L., 1965. P. 142.

⁴⁴ См.: *Геллер М., Некрич А.* История России, 1917–1995. М., 1996. Кн. 2. С. 54.

достигла своего апогея. Французский историк воспроизводит известные на западе оценки численности заключенных ГУЛАГа для 30-х гг., колеблющиеся от 4,5 до 12 млн. человек. К 1948–1952 гг. все западные ученые относят максимальное число заключенных в лагерях и тюрьмах⁴⁵. По мнению американского ученого С. Розенфилда, масштабы принудительного труда составляли приблизительно 20% несельскохозяйственной рабочей силы с середины 30-х гг. вплоть до времени смерти Сталина⁴⁶. Более взвешенно подходит к оценкам численности занятых принудительным трудом известный экономист А. Бергсон, который выражает сомнение в приводимых Б. Николаевским и Д. Даллиным цифрах от 7 до 12 млн. занятых принудительным трудом, учитывая неясность происхождения этих данных. В 1937 г., по мнению американского исследователя, эта цифра составляла 3 млн. чел., в 1940 г. – 3,5 млн., в 1950 г. также – 3,5 млн., в 1955 г. – 2 млн. чел.⁴⁷. О дискуссионности в зарубежной историографии вопроса о численности занятых на принудительных работах в СССР свидетельствует статья британского историка С. Уиткрофта, направленная против методики подсчетов и оценок, содержащихся в исследованиях Р. Конквеста⁴⁸.

Следует иметь в виду, что в публикациях российских и зарубежных исследователей речь идет об использовании на принудительных работах самых разных категорий репрессированных: осужденных за сотрудничество с врагом, за уголовные преступления; репатриантов, в том числе бывших советских военнопленных; депортированных националов, трудармейцев, так называемых спецпереселенцев; колхозников, осужденных в 1948 г. и ставших жертвами кампании борьбы за укрепление колхозов, против невыполнения обязательного минимума трудодней; специалистов, конструкторов, инженеров и т. д. Представляется, что существенное различие в данных о численности людей, занятых подневольным трудом, объясняется не только большей или меньшей доступностью для исследователей источников, но и разным пониманием количества категорий людей, занятых принудительным трудом, – ограничением его только заключенными лагерей и колоний или включением в это число спецпоселенцев, ссыльнопоселенцев, ссыльных и высланных, депортированных, репатриантов, иностранных военнопленных и интернированных, распространение его на колхозников.

В историографии указывается на использование принудительного труда в самых разных отраслях экономики СССР. Данные исследований свидетельствуют, что труд невольников использовался в большей степени в приоритетных отраслях. Однако это не означает, что лагеря, колонии и спецпоселения создавались только для решения конкретных экономических

⁴⁵ См.: *Bepm H.* История Советского государства, 1990–1991. М., 1992. С. 310.

⁴⁶ См.: *Rosenfelde S.* Knowledge and socialism: deciphering the Soviet experience // *Economic welfare and the economics of Soviet socialism. Essays in honor of A. Bergson.* N.Y., 1981. P. 18.

⁴⁷ См.: *Bergson A.* The real national income of Soviet Russia since 1928. Harvard univ. Press. Cambridge. 1961. P. 443.

⁴⁸ См.: *Wheatcroft S.G.* Towards a thorough analysis of Soviet forced labor statistics // *Soviet studies – Glasgow*, 1983. Vol. 35 № 2. P. 223–237. Цит. по: Демографические процессы в СССР 20–80-е годы: (Современная зарубежная историография). М., 1991. С. 86; *Idem.* On Assessing the Size of Forced Concentration Camp Labour in Soviet Union, 1929–1956 // *Soviet Studies*. 1981. Vol. 33. P. 265–295. Цит. по: *Эктон Э., Гэтрелл П.* Глазами британцев: современная историография России и Советского Союза // *Россия XIX–XX вв.: Взгляд зарубежных историков.* М., 1996. С. 47.

задач в тех районах где были крупные запасы полезных ископаемых, леса и другие природные богатства. Труд заключенных применялся в обрабатывающей промышленности, строительстве, в шахтах, на рудниках, лесозаготовках и т. д. Исследователи отмечают присущую еще довоенному времени постепенную трансформацию географии лагерного комплекса. Все большая его часть перемещалась к крупнейшим промышленным центрам. Так же постепенно формы организации, ориентированные на комплексное освоение крупных малообжитых территорий, в 30-е гг. оказались нежизнеспособными. Для довоенного времени был характерен процесс производственной специализации. С весны 1938 г. в составе ГУЛАГа появляются первые специализированные производственные управления⁴⁹. Накануне войны были созданы Главные управления лагерей лесной промышленности, железнодорожного строительства, горно-металлургической промышленности, промышленного строительства, шоссейных дорог и ряда других⁵⁰. Производственная база ГУЛАГа непрерывно расширялась и укреплялась, в его ведение передавались все новые объекты, которые не могли существовать без привлечения принудительного труда. К 1940 г. ГУЛАГ превратился в производственно-хозяйственный главк НКВД, его деятельность охватывала 17 отраслей промышленности, сельскохозяйственное производство и строительство крупнейших индустриальных комплексов. Документы отражают достижения ГУЛАГа в освоении богатств Севера, Дальнего Востока и Сибири в развитии ряда отраслей промышленности. В лесозаготовках, золотодобыче и добыче рыбной продукции его доля составляла около 40%⁵¹.

На ряде шахт Кузбасса в начале Великой Отечественной войны удельный вес заключенных достиг 40% об общей численности рабочих. Такой же оставалась численность среди шахтеров угольных комбинатов Кузбасса представителей спецконтингента в первые послевоенные годы⁵². В промышленном освоении Дальнего Востока в 30-х – начале 50-х гг., отмечает Е. Н. Чернолуцкая, приблизительно половина всех работ осуществлялась путем спецколониации, а в Магаданской области – практически полностью⁵³. А. С. Смыкалин, подчеркивает, что нельзя упускать из виду, тот факт, что в годы войны значительный объем работ в тылу был выполнен ГУЛАГом и другими производственными главками НКВД, где основной рабочей силой были заключенные⁵⁴. Большинство заключенных лагерей Дальстроя были заняты на тяжелых горных работах, их труд применялся на очистных, горно-подготовительных, разведочных, лесозаготовительных работах⁵⁵. Характерно следующее суждение В. Н. Земскова: «Сводные отчеты ГУЛАГа –

⁴⁹ См.: *Смирнов М. Б., Сигачев С. П., Шкапов Д. В.* Система заключения в СССР 1929–1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР... С. 35, 42.

⁵⁰ См.: *Иванова Г. М.* ГУЛАГ: государство в государстве // Советское общество: возникновение, развитие исторический финал. М., 1997. Т. 2. С. 231.

⁵¹ См.: Экономика ГУЛАГа и ее роль в развитии страны, 1930-годы: Сб. документов / Сост. М. И. Хлусов. М., 1998. С. 78.

⁵² См.: *Бикметов Р. С.* Спецконтингент на шахтах Кузбасса в 1930-е – сер. 1950-х гг.: Автореф. С. 18, 27.

⁵³ См.: *Чернолуцкая Е. Н.* Участие спецконтингентов в хозяйственном освоении Дальнего Востока // Арсентьевские чтения: Тезисы докладов региональн. науч. конф. по проблемам истории, археологии и краеведения. Уссурийск, 1992. С. 137, 138

⁵⁴ См.: *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы... С. 138.

⁵⁵ См.: *Хатылаев М. М.* Промышленное развитие Якутии в 1946–1960 гг. С. 163.

стостраничные тома – походят скорее на отчеты народно-хозяйственных предприятий. В них учтено даже количество гвоздей, ушедших на сбивку тары»⁵⁶. Г. М. Иванова пишет, что хозяйственная деятельность МВД отличалась чрезвычайным разнообразием. В 1950 г. в системе лагерей насчитывалось 1300 совхозов и подсобных хозяйств, с посевной площадью 656 тыс. га. Кроме того, они имели 700 тыс. голов продуктивного скота. ГУЛАГ внес также заметный вклад в (в научной литературе еще не отмеченный) в освоение целинных и залежных земель⁵⁷. Труд спецпоселенцев и административно-выселенных из других областей широко применялся до начала и даже до середины 50-х гг. в промышленности Якутии⁵⁸.

Одну из причин появления каторжных работ в 1943 г. Г. М. Иванова видит в начале практических действий по созданию атомной бомбы. В послевоенные годы в системе МВД был создан ряд главков, непосредственно обслуживавших оборонную промышленность⁵⁹. Аналогичное суждение о том, что массовый принудительный труд был одним из средств мобилизации людей на решение задач военного соревнования с Западом, а система лагерей НКВД стала основой создания приоритетной отрасли советской экономики – атомной промышленности, высказывает И. В. Быстрова⁶⁰. Для осуществления большого объема строительных работ на объектах оборонной индустрии, отмечает Н. М. Савицкий, соответственно требовались многочисленные трудовые ресурсы, которые на добровольной основе изыскать было сложно. Поэтому руководители строительных организаций были заинтересованы в том, чтобы на стройках работали заключенные и другие категории так называемого «спецконтингента». Эта практика применялась в большей мере в первое послевоенное десятилетие⁶¹.

В историографии отмечаются значительные объемы выполненных невольниками работ. Экономика принудительного труда, констатирует О. Хлевнюк, была одной из существенных опор сталинской системы. Уже в предвоенные годы НКВД выдвинулся в число крупнейших хозяйственных наркоматов, обеспечивая значительную часть капитального строительства, особенно в отдаленных районах, добычу некоторых видов сырья, в том числе стратегического назначения. НКВД и его руководители оказывали существенное воздействие на выработку экономической политики государства, определение планов и пропорций хозяйственного развития⁶². Далеко не полный обзор эшелонов, прибывших в Якутию со спецконтингентом из различных регионов страны, пишет М. М. Хатылаев, обнаруживает последовательно проводимую политику, направленную на обеспечение директивно установленных высоких темпов промышленного освоения Якутии

⁵⁶ Аргументы и факты. М., 1989. № 45.

⁵⁷ См.: *Иванова Г. М.* ГУЛАГ: государство в государстве... С. 253, 254.

⁵⁸ См.: *Хатылаев М. М.* Промышленное развитие Якутии в 1946–1960 гг. С. 163.

⁵⁹ См.: *Иванова Г. М.* ГУЛАГ: государство в государстве... С. 215, 248.

⁶⁰ См.: *Быстрова И. В.* Военно-экономическая политика СССР: От «демилитаризации» к гонке вооружений // Сталинское десятилетие холодной войны: факты и гипотезы. М., 1999. С. 175.

⁶¹ См.: *Савицкий Н. М.* Оборонная промышленность Новосибирской области. Опыт послевоенного развития (1946–1963 гг.). Новосибирск, 1996. С. 308.

⁶² См.: *Хлевнюк О.* Принудительный труд в экономике СССР, 1929–1941 годы // Свободная мысль М., 1992. № 13.

во многом за счет привлечения принудительного труда⁶³. О весьма значительной роли труда заключенных свидетельствуют воспроизводимые в публикациях статистические данные о производстве важнейших видов продукции промышленных предприятий НКВД СССР за годы Великой Отечественной войны, в числе которых объемы добычи золота, олова, вольфрама, молибдена, никеля, меди, хрома, нефти, леса, производства мин и т.д.⁶⁴ А. В. Митрофанова пишет о немалой роли в укреплении советской экономики в годы войны заключенных, среди которых и крупнейшие специалисты своего дела⁶⁵. В историографии отмечается самоотверженность, героизм труда заключенных, спецпереселенцев, других репрессированных в годы Великой Отечественной войны, за что многие из них были награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»⁶⁶ Важность обеспечивавшегося принудительным трудом вклада в экономику СССР по окончании войны отмечается в обобщающей работе американского историка Дж. Кипа⁶⁷. Н. Верт отмечает, что «население» ГУЛАГа внесло основной вклад в освоение новых районов⁶⁸. Людей, занятых принудительным трудом, указывают Д. Даллин и Б. Николаевский, необходимо рассматривать как один из важнейших классов социальной структуры Советской России – более многочисленный и экономически не менее важный, чем класс свободных промышленных рабочих⁶⁹. Сотни объектов промышленного значения, пишет А. С. Смыкалин, были в рекордные сроки восстановлены или построены вновь руками заключенных⁷⁰.

Суждения о значении лагерной экономики носят ориентировочный характер. Определяя общий удельный вес экономики НКВД в народном хозяйстве страны, по мнению О. Хлевнюк, необходимо оговориться, что речь может идти о приблизительной оценке. Во-первых, потому, что трудно выявить и точно взвесить все области эксплуатации принудительного труда. Например, неизвестно сегодня о деятельности арестованных ученых и инженеров в так называемых шарашках, возникших в довоенный период. Судя по всему, не всегда учитывалась за НКВД продукция заключенных и трудпоселенцев, поставленных по «нарядам» другим ведомствам и т.д. Во-вторых, по многим параметрам производство НКВД трудно сопоставить с деятельностью обычных хозяйственных наркоматов: заключенные работали, как правило, на самых тяжелых участках, в экстремальных условиях⁷¹. В публикациях российских историков, как специально обращающихся к вопросам использования труда репрессированных, так и затрагивающих эту тему при изучении других

⁶³ См.: *Хатылаев М. М.* Промышленное развитие Якутии в 1946–1960 гг. С. 64.

⁶⁴ См.: *Наше Отечество: опыт политической истории.* Ч. 2. С. 18; *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. Екатеринбург, 1997. С. 138.

⁶⁵ См.: *Митрофанова А. В.* Мобилизация трудовых ресурсов в условиях Великой Отечественной войны // *Россия в XX веке: Историки мира спорят.* М., 1994. С. 506.

⁶⁶ См.: *Мотревич В. П.* Военнопленные немецкие генералы на Урале // *Архивы Урала.* Екатеринбург, 1996. № 2; *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. С. 138.

⁶⁷ См.: *Keep J. L. H.* Last of Empires. A history of Soviet Union 1945–1991. Oxford N.Y., 1995. P. 11.

⁶⁸ См.: *Верт Н.* История Советского государства. 1990–1991. М., 1992. С. 312.

⁶⁹ См.: *Dallin D., Nicolaevsky B. I.* Forced Labour in Soviet Russia. L., 1948. P. 87.

⁷⁰ См.: *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы... С. 174, 175.

⁷¹ См.: *Хлевнюк О.* Принудительный труд в экономике СССР, 1929–1941 годы // *Свободная мысль.* М., 1992. № 13.

сюжетов, содержатся лишь примерные оценки результатов труда, говорится только об определенном вкладе людей подневольного труда в развитие производства той или иной отрасли экономики или региона. Следует также указать на трудности, которые испытывают исследователи в определении роли лагерной экономики. Решение задачи сравнения показателей деятельности лагерной экономики с данными по всему хозяйственному комплексу осложняется тем, что статистика тех лет представлена только в относительных показателях.

Немаловажной задачей, которую пытаются решить современные отечественные исследователи, является определение важности экономического содержания и эффективности принудительного труда. Еще в начале 30-х гг., указывают М. Б. Смирнов, С. П. Сигачев, Д. В. Шкапов, для экономики страны в целом и для лагерной экономики в частности, принципиальное значение приобрело быстрое расширение сферы действия директивного планирования. Для объектов и организаций, попавших в эту сферу, менялся приоритет экономического поведения: главным становилось не достижение рентабельности (применительно к местам заключения самокупаемости), а выполнение плановых заданий при фиксированных фондах снабжения и лимитах рабочей силы (предельном числе привлекаемых работников, но отнюдь не отработанных человеко-часов!)⁷². Таким образом, рентабельность принудительной трудовой деятельности, видимо, не предусматривалась ее организаторами.

Достижение во второй половине 40-х – начале 50-х гг. советской системой концентрационных лагерей апогея, пишет Г. М. Иванова, проявилось не только в значительном росте числа заключенных, но и в той экономической роли, которую начал играть ГУЛАГ в послевоенные годы⁷³. А. С. Смыкалин отмечает высокие производственные показатели ГУЛАГа, которые обеспечивались жесткой организацией труда, в частности, спецпоселенцев из числа раскулаченных⁷⁴. Опровергая мысль о том, что ГУЛАГ принес стране колоссальную пользу в годы войны, Г. М. Иванова пишет, что архивные документы свидетельствуют о массовых приписках, свойственных лагерному хозяйству. Нельзя не видеть, что за бодрыми работами гулаговского начальства скрывается элементарная показуха. Экономическая деятельность МВД была столь нерациональна и неэффективна, что даже такой, казалось бы, «выгодный вид коммерческой деятельности, как сдача заключенных в аренду», не приносил министерству прибыли⁷⁵. Аналогичное мнение о низкой эффективности массового принудительного труда высказывает И. В. Быстрова⁷⁶. В историографии также имеются суждения о различиях в производительности труда невольников и вольнонаемной рабочей силы, что, в свою очередь, способствовало сокращению использования труда заключенных ввиду его низкой результативности. Применение устрашающих мер, чтобы заставить

⁷² См.: Смирнов М. Б., Сигачев С. П., Шкапов Д. В. Система заключения в СССР, 1929–1960 // Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. М., 1998. С. 30.

⁷³ См.: Иванова Г. М. ГУЛАГ: государство в государстве... С. 231.

⁷⁴ См.: Смыкалин А. С. Колонии и тюрьмы... С. 134.

⁷⁵ См.: Иванова Г. М. ГУЛАГ в экономической и политической жизни страны... С. 213; Ее же. ГУЛАГ: государство в государстве... С. 233.

⁷⁶ См.: Быстрова И. В. Военно-экономическая политика СССР... С. 175.

людей бесплатно работать в колхозах и совхозах, пишет В. Ф. Зима, не было экономически оправдано. Об этом свидетельствует падение количества высланных по указу 1948 г. крестьян⁷⁷, а также то обстоятельство, что за период с августа 1946 г. по январь 1952 г. Совет Министров СССР принял 14 постановлений, согласно которым в 28 республиках, краях и областях спецпереселенцы контингента «бывшие кулаки» полностью освобождались из спецселения⁷⁸. Экономист Г. С. Лисичкин объясняет неуспех сталинской экономической политики тем, что в ее основе лежало насилие⁷⁹. Известный юрист А. М. Яковлев считает, что принудительное воздействие на производственные отношения лишало экономику необходимого динамизма⁸⁰. А. В. Дмитриев и И. Ю. Залысин констатируют низкую эффективность политического насилия в целом⁸¹.

О безнравственности и абсурдности гуглаговской системы хозяйства, неэффективности и бессмысленности лагерной экономики, низком качестве строительства пишет Г. М. Иванова. Особую остроту вопросы «трудового использования контингента» приобрели в начале 50-х гг. В 1951–1952 гг. ни одно из крупных лагерно-производственных управлений не выполнило плана. Именно в этот период, примерно с середины 1951 г., все явственнее обозначается кризис лагерной экономики. «Великие стройки коммунизма» требовали для их осуществления огромного труда, причем труда добросовестного, квалифицированного, что не могли дать гуглаговские кадры. Как всякое рабовладельческое государство, ГУЛАГ оказался бессильным перед ростом производительных сил⁸². Данные оценки российских исследователей подобны традиционным выводам западных авторов. Отмечая значительные масштабы использования рабочей силы, Д. Боффа высказывает мнение, что трудовой вклад заключенных в реализацию послевоенных планов был настолько велик, что, как бы тяжел и малопроизводителен он ни был, являлся важным составным элементом организации экономической жизни СССР в последние годы сталинской эпохи⁸³. Наряду с традиционным для западной историографии суждением о важнейшей и даже решающей роли насилия, принуждения в послевоенном восстановлении экономики, в ходе которого советские люди были вынуждены заниматься изнурительным трудом, еще в начале 50-х гг. С. Н. Прокопович, рассматривая проблему принудительного труда в СССР, писал, что существование этой массовой советской каторги, несомненно, значительно сокращает количество и качество рабочих сил в советской России⁸⁴.

⁷⁷ См.: *Зима В. Ф.* «Второе раскулачивание»: Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов // *Отечественная история*. М., 1994. № 3. С. 115.

⁷⁸ См.: *Земсков В. Н.* Спецпереселенцы (1930–1959 гг.) // *Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции*. М., 1994. С. 166.

⁷⁹ См.: *Лисичкин Г. С.* Мифы и реальность // *Не смей командовать*. М., 1990. С. 34.

⁸⁰ См.: *Яковлев А. М.* Экономика и уголовное право // *Не смей командовать*. М., 1990. С. 111.

⁸¹ См.: *Дмитриев А. В., Залысин И. Ю.* Насилие: социополитический анализ. М., 2000. С. 187.

⁸² См.: *Иванова Г. М.* ГУЛАГ в экономической и политической жизни страны... С. 243; *Ее же.* ГУЛАГ: государство в государстве... С. 234, 240, 256.

⁸³ См.: *Боффа Д.* История Советского Союза. Т. 2. М., 1994. С. 320.

⁸⁴ См.: *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство СССР. Т. 2. Нью-Йорк, 1952. С. 346.

Кроме наиболее часто применявшегося в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве физического имел место и подневольный интеллектуальный труд. Речь идет об особых конструкторских бюро, так называемых шарашках, секретных научно-исследовательских институтах, лабораториях⁸⁵. Учитывая распространенность «шарашек», использовавших труд узников ГУЛАГа, пишет В. М. Кириллов, заключенные составляли значительную часть ученых, ИТР и оборонной промышленности⁸⁶. О «разнообразии» форм принудительного труда свидетельствуют трагические судьбы людей отдельных профессий, в частности геологов⁸⁷. В литературе приводятся факты использования интеллектуального подневольного труда, статистические сведения по отдельным группам ученых. Следует также указать на подчеркиваемую в литературе чрезвычайно высокую эффективность интеллектуального труда. Лучшие советские самолеты были разработаны в специально учрежденных с этой целью тюремных лабораториях. Также как отмечалось выше труд заключенных использовался в исследовательских центрах, где успешно разрабатывалось ядерное оружие. Настаивая на своей позиции, Г. М. Иванова пишет, что замечательные результаты подконвойных специалистов, конструкторов, инженеров не могли создать иллюзию активного созидательного процесса. На самом деле любое экономическое или научное достижение ГУЛАГа – это в значительно большей степени потеря, чем приобретение⁸⁸. Аналогичной точки зрения придерживается экономист В. И. Кудров, который считает, что закрытые НИИ, лаборатории и конструкторские бюро практически не оказывали серьезного влияния на состояние научно-технического прогресса в стране, и на производительность труда в ее народном хозяйстве⁸⁹.

Включая в систему принудительного труда до 80% всей советской экономики, Н. Шмелев и В. Попов подчеркивают, что этот хозяйственный уклад основывался на внеэкономическом принуждении, т.е. на самом неэффективном и непроизводительном способе производства⁹⁰. О. Хлевнюк пишет о многочисленных приписках, ложных отчетах, халтуре⁹¹. М. М. Хатылаев также отмечает, что эффективность принудительного труда, применявшегося в Якутии, была низкой. В 1948 г. удельный вес рабочих из репрессированных, не выполнявших технические нормы составлял 43,6%, за первые четыре месяца 1949 года – 49%⁹². Основные черты комплекса ГУЛАГа, сложившегося в лагерях НКВД и распространившегося на советскую экономику в целом, по мнению Л. С. Труса, – это отвращение к труду, бесхозяйственность и система приписок⁹³. Указывая особую важность использования принудительного труда в

⁸⁵ См.: *Озеров Г.* Туполевская шарага. Франкфурт-на-Майне, 1971; *Репрессированная наука* / Ред. М. Г. Ярошевский. Л., 1991. Вып. 1.; СПб., 1994. Вып. 2.; и др.

⁸⁶ См.: *Кириллов В. М.* История репрессий в нижнетагильском регионе Урала (1920 – начало 1950-х гг.). Нижний Тагил, 1996. Ч. 2. С. 122.

⁸⁷ См.: *Репрессированные геологи.* М.; СПб., 1999.

⁸⁸ См.: *Иванова Г. М.* ГУЛАГ: государство в государстве... С. 248.

⁸⁹ См.: *Кудров В. И.* Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., 1997. С. 186.

⁹⁰ См.: *Шмелев Н., Попов В.* На переломе: перестройка экономики СССР. М., 1989. С. 89.

⁹¹ *Хлевнюк О.* Принудительный труд в экономике СССР, 1929–1941 годы // *Свободная мысль*, 1992. № 13.

⁹² *Хатылаев М. М.* Промышленное развитие Якутии в 1946–1960 гг. С. 163.

⁹³ См.: *Трус Л. С.* Введение в лагерную экономику // *Экономика и организация промышленного производства.* М., 1990. № 5.

СССР, Д. Даллин и Г. Бреслауер пишут о безрассудно, отчаянно тяжелом его характере. Американские ученые высказывают мнение, что система лагерей с миллионами ее обитателей в сталинскую эру в СССР должна рассматриваться как экономически иррациональное предприятие. Она отличалась необычайно высокой смертностью, нелепой, бесполезной расточительностью человеческих талантов, общей неэффективностью, частой некомпетентностью и низкой продуктивностью, не говоря уже о воздействии на оставшихся в живых⁹⁴. В общем контексте принуждения, обеспеченного политическим террором, экономические функции подневольного труда были почти побочными. Эта чрезвычайно неэффективная и политически дорогая форма организации производства могла быть достигнута другими средствами⁹⁵. С. Свяневич подчеркивает, что использование труда невольников в масштабе страны было, по сути, крайне незначительным в экономическом смысле⁹⁶. В своем солидном исследовании американский экономист А. Бергсон приводит расчеты НКВД росших издержек на содержание системы принудительного труда, пик которых был достигнут в 1948 г.⁹⁷. Ныне в распоряжении исследователей имеются документальные свидетельства в том числе финансовых издержек системы принудительного трудоустройства⁹⁸. Н. Верт пишет, что экономическая рентабельность ГУЛАГа получила различные оценки. Невероятная дешевизна этой рабочей силы противостоит широкому распространению всякого рода «приписок», очень низкой производительности лагерной рабочей силы и огромным расходам на содержание многочисленного и коррумпированного лагерного персонала⁹⁹. Г. М. Иванова приходит к выводу, что «лагерная экономика наносила материальный ущерб народному хозяйству. Содержание лагерей и колоний в течение ряда послевоенных лет не окупалось доходами от трудового использования заключенных, и ежегодно ГУЛАГ получал солидные суммы дотаций из государственного бюджета»¹⁰⁰. Репрессии, беспощадная эксплуатация труда миллионов людей в каторжных условиях, отмечает О. Хлевнюк, нанесли обществу огромный урон. Что касается хозяйственной выгоды, то она казалась очевидной. Использование «контингента» НКВД было вполне органично для существовавшей экономической системы, нацеленной на экстенсивное наращивание производства любой ценой. «Свободный» сектор народного хозяйства, сам широко применявший принуждение к труду, не мог составить экономике НКВД серьезной конкуренции, оттенить ее неэффективность и расточительность¹⁰¹. Регрессивный характер влияния ГУЛАГа на современную структуру народного хозяйства и социальный состав населения Кузбасса отмечают в указанных выше диссертационных сочинениях Г. Я. Маламуд и Л. И. Гвоздкова. В существовавшей постоянно расширяющейся зоне подневольного труда, рассредоточенной между ГУЛАГом с одной стороны

⁹⁴ См.: *Dallin D., Breslauer G. W. Political Terror in Communist Systems. Stanford, California, 1970. P. 38.*

⁹⁵ *Ibid. P. 96.*

⁹⁶ См.: *Swianiewicz S. Op. cit. P. 210.*

⁹⁷ См.: *Bergson A. The real national income of Soviet Russia since 1928. Cambridge, 1961. P. 361.*

⁹⁸ См.: ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1918–1960: Документы / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров; Науч. ред. В. Н. Шостаковский. М., 2000. С. 708–790.

⁹⁹ См.: *Верт Н. Указ соч., С. 312.*

¹⁰⁰ См.: *Иванова Г. М. ГУЛАГ: государство в государстве... С. 249, 268.*

¹⁰¹ См.: *Хлевнюк О. Указ. соч.*

и колхозной деревней – с другой, авторы учебного издания видят источник социальной напряженности¹⁰². Вред ГУЛАГа, считает Г. М. Иванова, определялся не только материальными убытками. Лагерная экономика сформировала у миллионов советских граждан устойчивое негативное отношение к труду. Туфта (зеки расшифровывали эти слова как «техника учета фиктивного труда») стало нормой производственной деятельности не только в ГУЛАГе, но и на воле. ГУЛАГ привил советскому обществу мысль о том, что можно работать, не получая за труд должного вознаграждения, не требовать достойных условий труда. ГУЛАГ тормозил развитие производительных сил СССР¹⁰³. Светлое будущее туфты в условиях социализма, пишет Ж. Росси, обеспечено принципиальным несоответствием норм питания подневольной рабочей силы требуемому усилию, а также обусловленным центральным планом, принципом оценки премирования руководящих работников не по рентабельности и эффективности производства, а по количественным показателям выполнения плана¹⁰⁴. В историографии имеются суждения о том, что труд стал средством унижения, а ГУЛАГ наряду с выполнением экономических функций стал «подсистемой страха». Репрессии, приводит к выводу В. М. Кириллов, породили колоссальный дефицит морали и нравственности уральцев и невольных мигрантов. Лагеря, спецпоселения формировали новый тип человека – надломленного, привыкшего жить тяжелым нелюбимым трудом, молчаливого и покорного государственному насилию. Социалистическая система хозяйствования была в самом прямом смысле убийственной для людей¹⁰⁵. В существовании системы принудительного труда М. Колеров видит истоки кризиса советской экономики¹⁰⁶. Действительно, сам термин трудовой повинности представляется многозначным. Его применение, равно как и широкомасштабное использование самого принудительного, «повинного» труда, на наш взгляд, имело многообразные и глубокие последствия, в том числе и для экономики страны.

Несмотря на известную условность результатов работы зарубежных авторов, использовавших ограниченный круг источников, их вклад в изучение темы очевиден. Анализ отечественной литературы, посвященной теме, позволяет сделать вывод о существенных результатах, достигнутых российскими историками в исследовании условий существования и труда различных групп репрессированных. Отечественные и зарубежные исследователи, при противоречивых оценках эффективности принудительного труда, оценивают его роль как чрезвычайно существенную в восстановлении и развитии советской экономики в годы войны и послевоенный период. Однако для решения задач научного анализа проблемы применения подневольного труда в разных отраслях народного хозяйства и в различных его формах предстоит сделать еще немало. Многие вопросы остаются открытыми. Среди и отечественных, и зарубежных исследователей, занимающихся статистикой принудительного труда, существуют различные точки зрения по вопросу о численности заключенных и других категорий репрессированных. Отсутствие

¹⁰² См.: Наше Отечество: Опыт политической истории. Ч. 2. С. 445.

¹⁰³ См.: *Иванова Г. М.* ГУЛАГ: государство в государстве... С. 268.

¹⁰⁴ См.: *Росси Ж.* Справочник по ГУЛАГу. М., 1991. Ч. 2. С. 415.

¹⁰⁵ См.: *Кириллов В. М.* История репрессий в нижнетагильском регионе Урала (1920 – начало 1950-х гг.). Ч. 2. С. 156.

¹⁰⁶ См.: *Колеров М.* Военнопленные на стройках коммунизма: По материалам особой папки Л.П. Берия (1946–1950 гг.) // Родина. М., 1997. № 9. С. 83.

единства, значительный разброс в оценках, публикации статистических данных о репрессированных без сопровождения необходимым научным анализом свидетельствуют о необходимости продолжения и углубления исследований. Недостаточно, на наш взгляд, изучены экономические характеристики принудительного труда как в рамках отдельных территорий, так и страны в целом. Необходимо выяснить, насколько с помощью невольников удалось решить проблемы дефицита рабочей силы? Как влиял на решение экономических задач восстановления народного хозяйства высокий уровень смертности среди репрессированных? Эти люди как и миллионы соотечественников своим трудом восстанавливали страну, увеличивали ее экономическое и оборонное могущество. Насколько велик в количественном выражении, значим, эффективен был их вклад в дело возрождения народного хозяйства? Была ли политика насильственного набора рабочей силы результативной или должна рассматриваться как неудачная? Какую роль играла лагерная экономика в реализации социальных мероприятий?

Предстоит уточнить категориальный аппарат, решить ряд источниковедческих проблем. В этом плане необходима серьезная работа с архивными материалами, критическое отношение к источникам. Авторы нередко используют устаревшую лексику, терминологию и, что особенно печально, аргументацию из документов полувековой давности. Для исследователей опасно оказаться под влиянием содержания, терминологии, позиции составителей документов. Автор порой не замечает (очевидно, надеясь на читателя), что использует не только терминологию, но доказательную базу (не всегда корректные доводы) из документов репрессивных органов. Важно видеть за строками документов не просто «контингент», но людей зачастую несправедливо репрессированных и испытывавших глубокие душевные, физические страдания. Исследователь не должен оказаться в ситуации, когда буквальное следование тексту источников без достаточной критической работы приводит его на сталинские смысловые «нары» (Н. А. Морозов).

В сфере принудительного труда могли оказаться и оказывались представители самых разных социальных групп. Так же как разные группы репрессированных независимо от своего изначального социального статуса могли оказаться и оказывались в иных социальных группах. Важно, на наш взгляд, иметь в виду высокую степень социальной мобильности, как горизонтальные, так и вертикальные перемещения работников. Это означает, что изучение принудительного труда и его роли в восстановлении экономики СССР во время и по окончании Великой Отечественной войны требует также учета данной социальной многозначности этого явления.

Характерной чертой, главным атрибутом лагерной экономики, по оценкам исследователей, является чрезвычайно широко распространенный ручной труд. Отчасти в связи с этим некоторые исследователи видят в особых природных условиях СССР основания для применения подневольного труда, которое оправдывало себя лишь благодаря тому, что страна была исключительно богата полезными ископаемыми, природными ресурсами. Использование подневольного труда мотивируется тем, что во время войны при экстенсивных методах добывающей промышленности требовалась дешевая рабочая сила, что в свою очередь определялось суровостью климатических условий, ограниченностью местных людских ресурсов,

отдаленностью от основных коммуникаций, большой текучестью кадров. Поэтому самым выгодным и дешевым оказался труд репрессированных, использование которого в послевоенный период позволяло решать кадровые проблемы. Такой подход, при внешней его объективности, представляется некорректным. Готовность признать неизбежность, полезность массового принудительного труда ради решения важных народнохозяйственных задач неправомерна. При этом игнорируется его высокая человеческая цена. Представляется необходимым принимать во внимание расточительность советского руководства, обусловленную «неисчерпаемыми» природными и человеческими ресурсами. Исследование принудительного труда многочисленных категорий репрессированного населения Советского Союза важно с этических, нравственных позиций. Это дань памяти миллионам людей, трудившихся в рабских условиях, внесших свой вклад в возрождение Родины и не доживших до своего освобождения.

В то же время указанное историографическое положение о том, что социалистическая система хозяйствования была в самом прямом смысле убийственной для людей, нуждается, на наш взгляд, в развертывании. Ведь наряду с насилием именно социалистическая система в целом и система хозяйствования в частности демонстрировали весьма привлекательные и эффективные формы использования человеческого фактора. Диалектическое противоречие состоит в сочетании чрезвычайно жесткого отношения государства к человеку, предъявлении к нему многочисленных и разнообразных требований, использования разнообразных и ужасающих форм внеэкономического принуждения и высокой степени социальной уверенности советских людей.

В. И. Кашеев

**ФРЭНК У. УОЛБАНК
И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ***

FRANCISCO MAGISTRO
COLLEGAE ET AMICO
DIE NATALI
ANNI P. CHR. N. MMII

Профессор Фрэнк Уильям Уолбанк (род. 1909 г.) – один из крупнейших антиковедов современности. Видный итальянский исследователь Арнальдо Момильяно причислил его, наряду с А. Х. М. Джонсом и Роналдом Саймом, к «великой троице» британских историков античности второй половины XX в.¹ В отличие от двух оксфордских исследователей, Ф. Уолбанк принадлежит к кембриджской школе антиковедения. В Кембридже прошли его студенческие годы, и именно в этот университетский город он возвратился после более чем сорокалетнего преподавания в университете Ливерпуля.

С 1928 по 1932 г. он изучал древнюю историю и классическую филологию в колледже Питерхауз (Кембридж). Его учитель – член этого колледжа Б. Л. Холлуард, написавший в свое время главы о Пунических войнах для 1-го издания «*The Cambridge Ancient History*»², – отвечал за научную работу и общую подготовку Фрэнка Уолбанка. Не будучи выдающимся исследователем, Б. Л. Холлуард тем не менее был, по признанию самого Ф. Уолбанка, «проницательным ученым и превосходным преподавателем»; он мог вдохновить своих студентов на занятия наукой и предложить им интересные и значительные исследовательские темы, которые те впоследствии разрабатывали вполне самостоятельно: так, сюжеты об Эпире и античной Македонии стали

* Работа подготовлена благодаря гранту Министерства образования Российской Федерации по итогам конкурса 2000 г. по фундаментальным исследованиям в области гуманитарных наук (шифр гранта ГОО–1.2–311).

¹ См.: Momigliano A. F. W. Walbank // *Journal of Roman Studies*. 1984. Vol. 74. P. 1.

² См.: Hallward B. L. Hannibal's Invasion of Italy; The Roman Defensive; Scipio and Victory // *Cambridge Ancient History*. 1st ed. Cambridge, 1930. Vol. 8. P. 25–115; *idem*. The Fall of Carthage // *ibid*. P. 466–484.

важнейшими в научном творчестве Н. Дж. Л. Хаммонда³, а тема о наемниках в эпоху эллинизма выросла в большую работу Г. Т. Гриффита⁴.

В нескольких колледжах Кембриджа Ф. Уолбанк посещал лекции различных профессоров и преподавателей: А. Д. Нока, который изучал проблемы античной религии и позднее переехал в Гарвардский университет; А. Б. Кука, занимавшегося исследованием религии Зевса; Ф. М. Корнфорда, изучавшего вопросы античной философии; К. М. Робертсона – знатока творчества Пиндара и др.

Джордж Томпсон (King's College) читал лекции по греческой *просодии*⁵, позднее он стал профессором греческой филологии в университете Бирмингема и был известен как исследователь-марксист⁶. Лекции по античной истории Ф. Уолбанк слушал у Ф. Э. Адкока, читавшего свой курс «изысканно и остроумно»; его основная научная заслуга состоит в подготовке и редактировании 1-го издания 12-томной «*Кембриджской истории древности*».

Лекции Мартина Чарлзвэрта, занимавшегося проблемами античной религии и вопросами о торговых путях и экономических связях античного мира со странами Востока, были, по словам Ф. Уолбанка, «занимательными и вдохновенными», их проблематика разительно отличалась от сюжетов по политической и военной истории, обычно избиравшихся для лекционных курсов в английских университетах того времени.

Научную работу, чтение античных авторов и написание сочинений по греческому и латинскому языку Ф. Уолбанк осуществлял в родном Питерхаузе под руководством Б. Л. Холлуарда⁷.

Учеба именно в Кембриджском университете с его атмосферой дискуссий о судьбах античной и современной Западной цивилизаций в предвоенные годы и чтение не только работ Карла Маркса и В. И. Ленина, но также трудов Освальда Шпенглера и Арнолда Дж. Тойнби⁸ – вот два фактора, которые серьезно повлияли как на научную методологию и мировоззрение⁹, так и на научные интересы молодого исследователя. Важно учитывать также, что как раз в студенческие годы Ф. Уолбанка увидели свет первые тома грандиозного издания «*The Cambridge Ancient History*» (1928–1938 гг.), подготовленного под руководством и при непосредственном участии историков античности из Кембриджа.

³ См.: *Hammond N. G. L. Epirus: The Geography, the Ancient Remains, the History and Topography of Epirus and Adjacent Areas. Oxford, 1967; idem. A History of Macedonia. Vol. 1: Historical Geography and Prehistory. Oxford, 1972; Hammond N. G. L., Griffith G. T. A History of Macedonia. Vol. 2: 550–336 B. C. Oxford, 1979; Hammond N. G. L., Walbank F. W. A History of Macedonia. Vol. 3: 336–167 B. C. Oxford, 1988.*

⁴ См.: *Griffith G. T. The Mercenaries of the Hellenistic World. Cambridge, 1935. P. VII.*

⁵ См. его изданную в то время книгу о греческой метрике: *Thompson G. Greek Lyric Metre. Cambridge, 1929.*

⁶ См.: *idem. Marxism and Poetry. London, 1946.* См. также его работу, опубликованную на русском языке: *Томсон Дж. Исследования по истории древнегреческого общества: Доисторический Эгейский мир / Пер. с англ. М. Б. Граковой-Свиридовой и В. С. Соколова; Под ред. М. О. Косвена. М., 1958.*

⁷ Сердечно благодарю Ф. Уолбанка за ценную информацию о его учебе в Кембридже.

⁸ *Mornigliano A. Op. cit. P. 1.*

⁹ О мировоззрении Ф. Уолбанка см.: *Кащеев В. И. К вопросу об идейно-теоретических позициях английского антиковеда Фрэнка Уолбанка // Вопросы отечественной, зарубежной истории, литературоведения и языкознания. Казань, 1981. Ч. 1. С. 133–139; Кащеев В. И., Шофман А. С. Фрэнк Уолбанк и его концепция эллинизма // Вестник древней истории. 1984. № 2. С. 204–205.*

Долгие годы Ф. Уолбанк работал в университете Ливерпуля: вначале ассистентом преподавателя (1934–1936 гг.), затем преподавателем (1936–1946 гг.) и, наконец, профессором (1946–1951 гг.) латинского языка. С 1951 по 1976 г. он занимал должность профессора античной истории и классической археологии в том же университете. В 1953 г. его избрали действительным членом Британской Королевской Академии, а с 1960 по 1963 г. он состоял в Совете Академии. Во время своих поездок в качестве приглашенного профессора в различных университетах Англии, Канады, Соединенных Штатов Америки, Германии, Италии и Израиля он читал лекции по проблемам античной истории и классической филологии.

Будучи членом советов нескольких обществ по изучению классических древностей, Ф. Уолбанк неоднократно занимал пост президента Римского общества (1961–1964 гг.) и Классической Ассоциации (1969–1970 гг.). Он активно работал в редакционных советах таких научных изданий, как «*The Classical Journal*» и «*The Journal of Roman Studies*». Под его редакцией вышли два тома 2-го издания «*The Cambridge Ancient History*»¹⁰.

Орден Британской Империи высшей степени (*Commander of the Order of the British Empire*), врученный Ф. Уолбанку 16 марта 1993 г. в Букингемском дворце королевой, – заслуженная награда человеку, который всю свою долгую жизнь посвятил гуманитарному образованию и исследованиям в области античной истории и классической филологии. Вполне справедливыми оказываются слова А. Момильяно, назвавшего его «замечательным (great) и скромным исследователем»¹¹.

Будучи настоящим англичанином и британцем, Ф. Уолбанк тем не менее всегда был способен подниматься над национальной ограниченностью и национальными предрассудками, которые иногда встречаются в академической среде разных стран. Его друзьями были американец норвежского происхождения Дж. А. О. Ларсен и итальянский еврей А. Момильяно; многое в профессиональном отношении он черпал у своих предшественников: итальянца Гаэтано Де Санктиса, француза Мориса Олло, а также у других коллег, живших и работавших по обе стороны Атлантического океана¹². С большой симпатией Ф. Уолбанк относился к России и российским исследователям античности.

Закономерности развития и упадка античной цивилизации английский исследователь рассмотрел в ряде работ, опубликованных в период 1940–1950-х гг., в частности в статье о причинах упадка Эллады¹³, явившейся откликом на

¹⁰ *The Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. 7.1: *The Hellenistic World* / Ed. by F. W. Walbank, A. E. Astin, M. W. Frederiksen, R. M. Ogilvie. Cambridge, 1984; Vol. 7.2: *The Rise of Rome to 220 B. C.* Cambridge, 1989; Vol. 8: *Rome and the Mediterranean to 133 B. C.* Cambridge, 1989. Проект издания двух этих томов был представлен уже в 1977 г., тогда же ответственными за их подготовку и редактирование были назначены, кроме Ф. Уолбанка, М. У. Фредериксен и Р. М. Оугилви; после смерти двух последних в редакционную коллегию вошел А. Э. Астин (см.: *Walbank F. W., Astin A. E. Preface // Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. 7.1. P. XIV). Огромный труд по изданию VII и VIII томов «*The Cambridge Ancient History*» фактически осуществили Ф. Уолбанк и А. Э. Астин.

¹¹ *Momigliano A.* Op. cit. P. 2.

¹² *Ibid.* P. 1–2.

¹³ *Walbank F. W.* *The Causes of Greek Decline // Journal of Hellenic Studies*. 1944. Vol. 64. P. 10–20.

фундаментальный труд М. И. Ростовцева об эллинистическом мире¹⁴. В 1946 г. увидела свет книга «Падение Западной Римской империи»¹⁵, которая позднее, в 1968 г., в существенно переработанном виде была опубликована под названием «*The Awful Revolution*»¹⁶. В ней автор размышляет не только о вопросах истории римской цивилизации, о преемственности античного мира, средних веков и нового времени, но также и о перспективах развития современного мира. «Учтя уроки этой «ужасной революции», – полагает историк, – мы можем с большей пользой направить свою энергию на исправление несправедливости в нашем обществе»¹⁷.

Интерес Ф. Уолбанка к экономической истории Римской империи сформировался под воздействием традиции, характерной для кембриджской школы антиковедения¹⁸, и нашел свое выражение в главе о торговле и промышленности в Западной Римской империи, написанной для «*Кембриджской экономической истории Европы*»¹⁹. Этим же вопросам посвящены и некоторые другие работы историка²⁰.

Традиционными для антиковедов Кембриджа были еще две важные темы, которые мы находим в исследованиях Ф. Уолбанка: во-первых, интерпретация произведений, относящихся к эллинистическому периоду, и, во-вторых, изучение политической истории эллинизма. Его важной, несомненной и признанной во всем мире заслугой является то, что в своем научном творчестве он объединил два направления кембриджской школы – осмысление эллинистической цивилизации в ее целостности и интерпретацию отдельных текстов, созданных в эпоху эллинизма²¹.

Во всем мире он известен как исследователь эллинистических авторов²², и прежде всего историка Полибия²³. Трехтомный исторический комментарий Ф. Уолбанка к «*Всеобщей истории*» Полибия²⁴ – труд, который, по словам Х.-

¹⁴ *Rostovtzeff M. I. A Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. 1–3. Oxford, 1941.*

¹⁵ *Walbank F. W. Decline of the Roman Empire in the West. London, 1946.* Расширенная версия этой книги появилась на японском языке в Токио (1963 г.)

¹⁶ *Idem. The Awful Revolution: The Decline of the Roman Empire in the West. Liverpool, 1968.* Выражение «*the awful revolution*», взятое Ф. Уолбанком у его выдающегося соотечественника Эдуарда Гиббона в качестве метафоры для «падения Западной Римской империи», трудно в точности перевести на русский язык, поскольку английское прилагательное *awful* означает не только «ужасный», но также «внушающий чувство страха, благоговение»; оба значения подразумеваются в словосочетании, использованном как Э. Гиббоном, так и Ф. Уолбанком.

¹⁷ *Walbank F. W. The Awful Revolution... Liverpool, 1978. P. 125.*

¹⁸ См.: *Momigliano A. Op. cit. P. 1.*

¹⁹ *Walbank F. W. Trade and Industry under the Late Roman Empire in the West // The Cambridge Economic History of Europe. Cambridge, 1952. Vol. 2. P. 33 ff.*

²⁰ См., напр.: *idem. [Rev.:] MacMullen R. Corruption and the Decline of Rome. New Haven; London, 1988 // Liverpool Classical Monthly. 1989. Vol. 14.7. P. 108–112.*

²¹ *Momigliano A. Op. cit. P. 1.*

²² См., напр., одну из ранних работ английского историка: *Walbank F. W. Alcaeus of Messene, Philip V, and Rome // Classical Quarterly. 1942. Vol. 36. P. 134–145; ibid. 1943. Vol. 37. P. 1–13; ibid. 1944. Vol. 38. P. 87–88.* См. также: *idem. Plutarch // Encyclopaedia Britannica. Chicago; London; Toronto, 1974. Vol. 14. P. 578–580; idem. Sources for the Period. [The Hellenistic World, 323–217 B. C.] // Cambridge Ancient History. 2nd ed. Cambridge, 1984. Vol. 7.1. P. 1–22, a. o.*

²³ Важнейшие труды Ф. Уолбанка об эллинистической историографии и творчестве Полибия указаны ниже.

²⁴ *Idem. A Historical Commentary on Polybius. Vol. 1–3. Oxford, 1957–1979.*

И. Герке, научно «закрыл» исследовательскую тему²⁵, стоит в одном ряду с основательными комментариями Л. У. Хедлама – А. Д. Нокса к Геродоту²⁶ и А. С. Ф. Гау к Феокриту²⁷, подготовленными и изданными в Кембридже.

Книгу «Эллинистический мир»²⁸, подводющую итог его многолетним исследованиям, можно сопоставить с «Эллинистической цивилизацией» Уильяма Тарна²⁹. Политической историей эпохи эллинизма Ф. Уолбанк начал заниматься сразу же по окончании университета. В 1933 г. он опубликовал первую свою книгу об Арате Сикионском³⁰, за рукопись этой работы ему была присуждена премия Терлуолла (*Thirlwall Prize*). В конце 30-х гг. была завершена монография о македонском царе Филиппе V, отмеченная в 1939 г. премией Хэра (*Hare Prize*) и изданная в следующем году³¹; в книге исследованы основные аспекты внешней политики Македонского царства на протяжении более чем сорокалетнего периода (с 221 по 179 г. до н.э.), и прежде всего противостояние Македонии и Рима. Этой же теме посвящен ряд его статей.

Различные аспекты политической истории Македонии и Греции в эпоху эллинизма исследованы Ф. Уолбанком в главах, написанных для 2-го издания «*The Cambridge Ancient History*»³², для 3 тома «*Истории Македонии*» Н. Дж. Л. Хаммонда³³ и в нескольких других работах³⁴. Отдельные его публикации касаются истории эллинистического Египта³⁵ и греков в Индии³⁶. В

²⁵ См.: Gehrke H.-J. *Geschichte des Hellenismus*. (Oldenbourg Grundriss der Geschichte; Bd. 1 A). München, 1990. S. 195.

²⁶ Headlam L. W., Knox A. D. *Herodas* / Ed. with Translation and Commentary. Vol. 1–2. Cambridge, 1922 (новое изд. вышло в 1966 г.)

²⁷ Gow A. S. F. *Theocritus* / Ed. with Translation and Commentary. Cambridge, 1952.

²⁸ Walbank F. W. *The Hellenistic World*. (Fontana History of Ancient World). London, 1981. Работа была переиздана в 1992 г. и переведена на немецкий, японский, итальянский, испанский и греческий языки.

²⁹ Tarn W.W. *Hellenistic Civilization*. 1st ed. London, 1927. В 1952 г. увидело свет 3-е издание книги, подготовленное к печати Г. Т. Гриффитом: Tarn W.W., Griffith G. T. *Hellenistic Civilization*. 3d ed. London, 1952. См. русский перевод, выполненный со 2-го английского издания: Тарн В. Эллинистическая цивилизация / Пер. с англ. С. А. Лясковского. М., 1949.

³⁰ Walbank F. W. *Aratus of Sicyon*. Cambridge, 1933. См. также статью, посвященную Арату: *idem*. Aratos' Attack on Cynaetha // *Journal of Hellenic Studies*. 1936. Vol. 54. P. 64–71.

³¹ *Idem*. Philip V of Macedon. Cambridge, 1940 (переиздана в 1967 г.)

³² *Idem*. Macedonia and Greece // *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Cambridge, 1984. Vol. 7.1. P. 221–256; *idem*. Macedonia and the Greek Leagues // *ibid*. P. 446–481.

³³ Hammond N. G. L., Walbank F. W. *A History of Macedonia*. Vol. 3: 336–167 B. C. Oxford, 1988. Перу Ф. Уолбанка принадлежит II часть этого тома (с. 197–364), охватывающая историю Македонского царства от битвы при Ипсе до конца правления Антигона Досона (301–221 гг. до н.э.)

³⁴ Walbank F. W. *The Achaean Assemblies again* // *Museum Helveticum*. 1970. Vol. 27. P. 129–143; *idem*. Were there Greek Federal States? // *Scripta Classica Israelica*. 1976/1977. Vol. 3. P. 27–51; *idem*. Sea-power and the Antigonids // Philip II, Alexander the Great and the Macedonian Heritage / Ed. by W. L. Adams and E. N. Borza. Washington, 1982. P. 213–236; *idem*. Η ΤΩΝ ΟΛΩΝ ΕΛΠΙΣ and the Antigonids // *Ancient Macedonia*. Thessalonica, 1983. Vol. 3. P. 121–130; *idem*. Antigonos Dason's Attack on Cytinium (*REG*. 101 [1988], 12–53) // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1989. Bd. 76. P. 184–192.

³⁵ *Idem*. The Accession of Ptolemy Epiphanes: A Problem in Chronology // *Journal of Egyptian Archaeology*. 1936. Vol. 22. P. 20–34; *idem*. Egypt in Polybius // *Glimpses of Ancient Egypt: Studies in Honour of H. W. Fairman* / Ed. by Ruffe a. o. Warminster, 1979. P. 180–189; *idem*. [Rev.:] Rice E. E. *The Grand Procession of Ptolemy Philadelphus*. Oxford, 1983 // *Liverpool Classical Monthly*. 1984. Vol. 9. P. 50–54; *idem*. The Surrender of the Egyptian Rebels in the Nile Delta (*Polyb*. XXII.17.1–7) // *idem*. Polybius, Rome and the Hellenistic World: Essays and Reflections. Cambridge, 2002. P. 70–78.

³⁶ *Idem*. [Rev.:] Narain A. K. *The Indo-Greeks*. Oxford, 1957 // *History*. 1958. Vol. 43. P. 125–126.

1974 г. появилась статья в «*Encyclopaedia Britannica*», в которой исследователь представил целостную картину эллинистической истории³⁷.

Обобщающий труд Ф. Уолбанка об эллинистическом мире и основные аспекты его концепции эллинистической истории неоднократно становились предметом специального рассмотрения³⁸. Вместе с тем проблемы культуры, с одной стороны, занимают достаточно важное место в исторической концепции английского историка, а с другой – они как предмет изучения Ф. Уолбанка пока еще детально не анализировались в исследовательской литературе. Это позволяет нам обратить более пристальное внимание на то, во-первых, как историк трактует отдельные элементы эллинистической культуры, а во-вторых, какое место проблемы культуры занимают в его исторической концепции.

Четкого определения эллинизму как историческому феномену Ф. Уолбанк, к сожалению, не дает³⁹, но под эллинизмом он понимает, как можно предположить на основе знакомства с его трудами, единство социальных, экономических, политических, культурных и идеологических структур, которые сложились на территории, завоеванной Александром Великим, в результате греческой колонизации и взаимодействия эллинских и местных, восточных, элементов. Хронологически историк определяет эллинизм как трехсотлетний период от восточных завоеваний Александра (334 – 323 гг. до н. э.), когда в течение короткого периода был существенно изменен облик греческого мира, и до времени подчинения Риму последнего из крупнейших эллинистических государств – Птолемеевского Египта (30 г. до н. э.)⁴⁰.

Ф. Уолбанк справедливо полагает, что огромная континентальная империя, которую Александр Македонский оставил своим преемникам, в греческой истории не имела аналогий, хотя к этому следует добавить, что и в древневосточной истории не было ничего подобного.

Первоначальные границы эллинистического мира, по мнению исследователя, совпадали с рамками территорий, входивших в состав державы Александра Великого, но эти границы постепенно изменялись⁴¹. Ко II в. до н. э. важнейшие центры эллинистической культуры локализовались в Средиземноморье⁴². Одновременно в восточных районах эллинистического мира, после завоевания их Парфией, процесс взаимодействия эллинских и местных культур не только не остановился, но даже ускорился, стал более интенсивным, несмотря на то, что эти территории были отрезаны от «основного потока эллинистической жизни».

Рассматривая эллинизм прежде всего как часть истории Древней Греции, Ф. Уолбанк считает, что эллинистическое время было наиболее плодотворным

³⁷ *Walbank F. W.* Greek Civilization, Ancient. Ch. 5: The Hellenistic Age (323–30 B. C.) // *Encyclopaedia Britannica*. Chicago; London; Toronto, 1974. Vol. 8. P. 376–392.

³⁸ См., напр.: *Frazer P. M.* [Rev.:] *Walbank F. W.* The Hellenistic World. London, 1981 // *History*. 1982. Vol. 67. № 220; *Кащеев В. И., Шофман А. С.* Фрэнк Уолбанк и его концепция эллинизма // *Вестник древней истории*. 1984. № 2. С. 204–210; *Свенцицкая И. С.* [Рец.:] *Walbank F. W.* The Hellenistic World. London, 1992 // *Вестник древней истории*. 1994. № 2. С. 196–199; *Климов О. Ю.* Эллинизм в исторических трудах Ф. У. Уолбанка // *История науки в вузе и школе: Сб. науч. трудов. Мурманск, 1996. Вып. 1. С. 55–59.*

³⁹ См., напр.: *Климов О. Ю.* Указ. соч. С. 55–56.

⁴⁰ *Walbank F. W.* The Hellenistic World. P. 14–15; *idem.* Greek Civilization, Ancient. P. 376.

⁴¹ *Idem.* The Hellenistic World. P. 198–206.

⁴² *Ibid.* P. 66–67.

и результативным во всей греческой истории⁴³. В этой точке зрения находит выражение взгляд на эллинизм как на такое взаимодействие эллинских и восточных элементов, при котором первые играли определяющую роль.

Завоевательные походы Александра Великого на Восток и последовавший за ними колониционный процесс Ф. Уолбанк рассматривает как предпосылки тех значительных изменений в различных сферах общественной жизни, которые произошли в Греции и на Востоке и которые характеризуют собственно эллинизм. «Греки, которые на протяжении приблизительно семидесяти лет после смерти Александра устремлялись на юго-восток, чтобы совместно основывать новые поселения, или в поисках удачи добровольно вступали в наемные армии, более не чувствовали себя замкнутыми в рамках традиций города-государства; отныне они жили в какой-то иной среде обитания, отличающейся разнообразием, бок о бок с местными жителями – представителями различных рас и народов»⁴⁴.

Ф. Уолбанк считает, что термин «эллинистический» (*hellenistic*), который происходит от греческого слова, обозначающего «говорить по-гречески», обычно употребляется для описания «нового мира», в котором греческий язык был, по существу, *lingua franca*⁴⁵. Завоеванные Александром территории в эпоху эллинизма связывались, в частности, общегреческим диалектом *koine* и, таким образом, представляли собой культурное единство. Преобладание этого диалекта стало результатом установления политического господства греков и «великой» греческой колонизации на Востоке⁴⁶. Термин «эллинистический» имеет дополнительный смысл, обозначая не столько «ослабленную» греческую культуру («эллинизм»), сколько эллинскую культуру, распространенную среди негреческого населения, а также неизбежно предполагаемое при этом взаимодействие различных культур⁴⁷.

С такой этимологией слова, которую дает английский исследователь, действительно можно согласиться: глагол *hellenizein* в значении «говорить по-гречески» использует, например, Аристотель (*Arist. Rhet. III.51; 1407 a 19; cf.: II.12*), а образованное от него существительное *hellenismos*, означающее «общий греческий язык и эллинскую культуру», впервые употребляет ученик Аристотеля Феофраст⁴⁸.

Нельзя не согласиться с Ф. Уолбанком, когда он утверждает, что термин «Hellenismus» («Hellenism») восходит не только к труду И. Г. Дройзена, но и к эллинистическому источнику⁴⁹. В самом деле, во II книге Маккавеев (4.13) речь

⁴³ *Idem.* Greek Civilization, Ancient. P. 376; *idem.* The Hellenistic World. P. 14.

⁴⁴ *Walbank F. W.* The Hellenistic World. P. 14.

⁴⁵ *Ibidem.*

⁴⁶ *Ibid.* P. 62.

⁴⁷ *Ibid.* P. 14.

⁴⁸ См.: *Laqueur R.* Hellenismus: Akademische Rede zur Jahresfeier der Hessischen Ludwigs-Universität am 1. Juli 1924 // *Schriften der Hessischen Hochschulen, Universität Gießen.* Gießen, 1925. Jg. 1924. S. 24; см. также: *Bichler R.* 'Hellenismus': Geschichte und Problematik eines Epochenbegriffs. Darmstadt, 1983. S. 5–22.

⁴⁹ *Walbank F. W.* [Rev.:] Hellenism in the East: The Interaction of Greek and non-Greek Civilizations from Syria to Central Asia after Alexander / Ed. by A. Kuhrt and S. Sherwin-White. London, 1987 // *Liverpool Classical Monthly.* 1988. Vol. 13.7. P. 108.

идет об «эллинизации» Иерусалима: в этом пассаже под термином *hellenismos* подразумеваются, очевидно, «греческие учреждения и обычаи»⁵⁰.

Особое внимание Ф. Уолбанк уделяет рассмотрению отдельных групп людей – носителей эллинистической культуры. Он полагает, что численный рост колонистов сопровождался распространением на новые территории достижений греческой цивилизации. В поисках удачи многие эллины отправлялись группами или индивидуально. Население вновь образованных городов состояло из греков – выходцев из различных областей Эллады, это была «пестрая толпа», состоявшая из представителей всех слоев и классов греческого общества. Утратив свои многочисленные различия, греки и македоняне образовали «новую господствующую группу населения»⁵¹. Сталкиваясь с окружавшим их большим по численности негреческим населением, они стремились теснее смыкать свои ряды и сильнее подчеркивать греческие институты, эллинскую религию и образованность, коротко говоря, то, что определяло их принадлежность к эллинам⁵². Таким образом, с самого начала пришельцы образовывали меньшинство, противостоящее местному населению.

Английский историк отмечает, что в материковой Греции и в бассейне Эгейского моря продолжали существовать отдельные полисы, причем зачастую такие могущественные, как, например, Родос, и что отношения между городами собственно Греции и Македонии хотя и были напряженными, но серьезно не осложнялись культурными различиями⁵³. Иная ситуация сложилась на Востоке: «...в царствах, основанных преемниками Александра (*диадохами*) в Египте и Азии, будь то в армии или в бюрократическом аппарате, греки и македоняне занимали господствующие позиции по отношению к египтянам, персам, вавилонянам и различным народам Анатолии. Установившиеся таким образом отношения были непростыми и далеко не устойчивыми»⁵⁴. Напряженность в межэтнических контактах существовала с самого начала, и когда приток эллинов прекратился, во многих случаях положение эллинов и варваров постепенно изменилось, причем эволюция их отношений в различных царствах протекала по-разному; греки влияли на варваров и наоборот. Именно в этом взаимодействии и взаимном проникновении культур и заключается одно из основных значений периода эллинизма⁵⁵.

Одна из значительных научных проблем, по мнению Ф. Уолбанка, состоит в исследовании постоянно изменяющихся отношений между греческим меньшинством и местными народами, поскольку эти отношения далеко не всегда были враждебными⁵⁶. После смерти Александра Великого его преемники отвергли политику «расового» слияния и изгнали персов и мидян со всех значительных должностей в государственных структурах. Такое

⁵⁰ См.: *Bichler R.* Op. cit. S. 11; *Walbank F. W.* [Rev.:] *Green P.* Alexander to Actium: The Historical Evolution of the Hellenistic Age. Berkeley; Los Angeles, 1990 // *Ancient History Bulletin.* 1992. Vol. 6.1. P. 45.

⁵¹ *Walbank F. W.* The Hellenistic World. P. 63; *idem.* Greek Civilization, Ancient. P. 387.

⁵² *Idem.* The Hellenistic World. P. 64.

⁵³ *Ibid.* P. 14.

⁵⁴ *Ibid.* P. 14–15.

⁵⁵ *Ibid.* P. 15. Ср.: *Климов О. Ю.* Указ. соч. С. 57.

⁵⁶ *Walbank F. W.* The Hellenistic World. P. 63. Ср.: *Шофман А. С.* Восточная политика Александра Македонского. Казань, 1976. С. 233 сл.

положение сохранялось и после образования новых эллинистических монархий: местные жители входили в правящую верхушку только постепенно и в редких случаях.

Даже в царстве Селевкидов, где произошло самое значительное взаимодействие различных культур, важнейшие должности в государстве никогда не занимало более 2,5 % местных жителей. В решении этого вопроса Ф. Уолбанк использует данные немецкого исследователя К. Хабихта⁵⁷. Следовательно, когда говорят о единстве и однородности эллинистической культуры, как полагает Ф. Уолбанк, имеют в виду именно это греко-макдонское меньшинство, которое в новых условиях стало относительно однородным⁵⁸.

Опираясь на анализ эпиграфического материала, в частности, надписей из Ай-Ханум, проведенный Луи Робером⁵⁹, английский исследователь показывает, что самоидентификация греков подчеркивалась прежде всего наличием в полисе *гимнасия*⁶⁰. Но были и другие специфически греческие институты, обслуживавшие эллинов в их частной и общественной жизни как во вновь созданных, так и в старых городах эллинистического мира, – это объединения типа *eranoi*, *thiasoi*, *Poseidoniastai*⁶¹. По его мнению, такие небольшие сообщества играли особо важную роль, поскольку, в противоположность элитарным *гимнасиям*, они связывали различные слои населения, в том числе и не эллинизированных граждан⁶².

Ф. Уолбанк рассматривает культурные контакты между различными областями эллинистического мира, которые интенсифицировались в результате деятельности наемных воинов и послов, артистов и поэтов, торговцев и философов, атлетов и врачей, ряда других категорий населения, и приходит к выводу: куда бы ни направлялись эти столь различные по своему социальному положению люди, везде «они находили подобных себе людей, говорящих на том же греческом языке, что и они, живущих в сходных системах частного права в городах, спланированных по той же системе прямоугольной застройки, что и другие полисы, и имеющим храмы, посвященные тем же самым богам»⁶³. Все это, с точки зрения историка, и придавало жизни в эллинистическом мире относительное единство и однообразие.

Однако единой и однородной культура эллинистического мира была только для «господствовавшего класса» – для греков и македонян. Каждый из многочисленных народов Египта и Азии имел свою собственную историю культуры; эти народы различались своими языками, религиями, традициями общественных отношений, системами землевладения, отношениями к царю и государству⁶⁴. Конфликт между греками и другими народами существовал во всех эллинистических монархиях, за исключением Македонии, хотя имеющийся материал источников не позволяет изучить его в равной степени хорошо во

⁵⁷ См.: *Habicht Ch.* Die herrschende Gesellschaft in den hellenistischen Monarchien // *Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. 1958. Bd. 45. S. 1–16.

⁵⁸ *Walbank F. W.* The Hellenistic World. P. 64.

⁵⁹ См.: *Robert L.* Des Delphes à l'Oxus: Inscriptions grecques nouvelles de la Bactriane // *Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres*. Paris, 1968. P. 416–457.

⁶⁰ *Walbank F. W.* The Hellenistic World. P. 60–61.

⁶¹ *Ibid.* P. 64.

⁶² См.: *Свенцицкая И. С.* Указ. соч. С. 197.

⁶³ *Walbank F. W.* The Hellenistic World. P. 73–74.

⁶⁴ *Ibid.* P. 78.

всех регионах⁶⁵. Таким образом, по мнению английского исследователя, в эпоху эллинизма не произошло стирания национальных и культурных различий между эллинами и народами Востока⁶⁶.

Значительное место в концепции Ф. Уолбанка отводится вопросу политической организации эллинистических государств, прежде всего монархической власти и ее идеологическому обоснованию. Он прослеживает постепенную эволюцию македонской монархии, изменение ее социальной опоры на Востоке и ее роль в культурной и идеологической жизни эллинистического мира.

Филипп II был не «абсолютным правителем», а «народным царем македонян»; народ же традиционно имел некоторые, пусть и ограниченные, полномочия, включая право провозглашать царя и судебные функции в случаях государственной измены⁶⁷. Исследователь справедливо отмечает, что в условиях восточного похода Александра Великого осуществлять эти права на практике было трудно, к тому же сам царь все более и более склонялся к «авторитарному правлению»⁶⁸.

Ф. Уолбанк показывает, что после смерти Александра его преемники при принятии решений старались учитывать мнение армии; когда же возникли новые царства, в управлении ими образовался вакуум, поскольку услуги персидской знати были категорически отвергнуты и новые цари не могли рассчитывать на верность македонской аристократии, к которой сами принадлежали⁶⁹. По этой причине в эллинистических монархиях постепенно создавалась система институтов управления, которые не очень отличались в различных государствах⁷⁰. Она объединяла черты, заимствованные как у македонской царской власти, требовавшей от знати личной преданности, так и у «абсолютных монархий» Персии и Египта⁷¹. Характер правления эллинистических царей был не «национальным» (за исключением собственно Македонии), а «персональным»⁷². В этом вопросе английский исследователь следует А. Эймару⁷³, но в отличие от него не ограничивает эллинистическую монархию исключительно личностью царя⁷⁴. Различные аспекты монархии и монархической идеологии в эпоху эллинизма Ф. Уолбанк обстоятельно рассмотрел в отдельной главе 2-го издания «*The Cambridge Ancient History*» (т. VII.1)⁷⁵. Однако имеются и другие концепции македонской монархии,

⁶⁵ Ibid. P. 249.

⁶⁶ См.: Климов О. Ю. Указ. соч. С. 57.

⁶⁷ Walbank F. W. The Hellenistic World. P. 74.

⁶⁸ Ср.: Шофман А. С. Восточная политика... С. 297 сл.

⁶⁹ Walbank F. W. The Hellenistic World. P. 74.

⁷⁰ Idem. Greek Civilization, Ancient. P. 386.

⁷¹ Ср. по этому вопросу мнение О. Мюллера (*Müller O. Antigonos Monophthalmos und "der Staat der Könige"*. Bonn, 1973. S. 59–77) и В. Эренберга (*Ehrenberg V. Der Staat der Griechen*. Zürich; Stuttgart, 1965).

⁷² Walbank F. W. The Hellenistic World. P. 74.

⁷³ См.: Aymard A. La monarchie hellénistique. II. L'institution monarchique // *Relazioni del X Congresso internazionale di scienze storiche*. Vol. 2: Storia dell'antiquità. Firenze, 1955. P. 215–243. Анализ взглядов А. Эймара на характер эллинистической монархии см. в кн.: Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979. С. 48–49.

⁷⁴ Walbank F. W. Greek Civilization, Ancient. P. 386.

⁷⁵ Idem. Monarchies and Monarchic Ideas // *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Cambridge, 1984. Vol. 7.1. P. 62–100; idem. Könige als Götter: Überlegungen zum Herrscherkult von Alexander bis Augustus // *Chiron*. 1987. Bd. 17. S. 365–382; cf.: Mooren L. The Nature of Hellenistic Monarchy //

представленные в последние годы в трудах Н. Дж. Л. Хаммонда⁷⁶ и Р. М. Эррингтона⁷⁷.

Обстоятельно рассмотрев несколько эллинистических процессов⁷⁸, представленных в наших источниках, английский исследователь приходит к выводу о том, что правители всех эллинистических царств активно действовали в сфере общественных отношений (*public relations*) и постоянно осуществляли пропаганду в период до и после появления Рима в Восточном Средиземноморье⁷⁹.

По мнению Ф. Уолбанка, наиболее интересной и в некотором смысле уникальной чертой эллинистической монархии является институт «друзей» (*philoï*) царя. Исследователь прослеживает генезис этого института, полагая, что первоначально, когда еще не существовало законного основания для царского правления, монархи лично выбирали себе «друзей» из числа наиболее достойных, по их мнению, людей, социальное положение, происхождение и материальное состояние которых при этом не играло существенной роли. Все основные должности в государстве занимали именно они⁸⁰. Ко II в. до н. э. в эллинистических царствах были законодательно закреплены правящие династии, и характер института *philoï* изменился: произошла дифференциация «друзей» царя в соответствии с их местом в иерархической структуре государства; с этого времени титулы зависели не от личных качеств их носителей, а от занимаемого поста в бюрократическом аппарате⁸¹. И хотя этот вывод историк обосновывает на конкретном материале Птолемеевского Египта, он, по-видимому, прав, распространяя подобную практику на все эллинистические монархии.

Английский исследователь не обходит стороной одну из важнейших проблем эпохи эллинизма – взаимоотношение греческого полиса и территориальной монархии⁸². Он полагает, что в это время большая часть эллинов жила в городах, но изменился сам город, хотя в нем и сохранились черты, роднящие его с классическим полисом⁸³.

Egypt and the Hellenistic World: Proceedings of the International Colloquium, Leuven, 24–26 may 1982 / Ed. by E. Van 't Dack, P. Van Dessel and W. Van Gucht. (Studia Hellenistica, Vol. 27). Leuven, 1983. P. 205–240.

⁷⁶ Hammond N. G. L. The Macedonian State: The Origins, Institutions and History. Oxford, 1989.

⁷⁷ Errington R. M. The Nature of the Macedonian State under the Monarchy // Chiron. 1978. Bd. 8. P. 77–133; *idem*. Geschichte Makedoniens: Von den Anfängen bis zum Untergang des Königreiches. München, 1986. S. 196–222.

⁷⁸ Walbank F. W. Two Hellenistic Processions: A Matter of Self-defenition // *idem*. Polybius, Rome and the Hellenistic World. Cambridge, 2002. P. 79–90; cf.: *idem*. [Rev.:] Rice E. E. The Grand Procession of Ptolemy Philadelphus. Oxford, 1983 // Liverpool Classical Monthly. 1984. Vol. 9. P. 50–54.

⁷⁹ Walbank F. W. Two Hellenistic Processions... P. 89.

⁸⁰ Cf.: Herman G. The 'Friends' of the Early Hellenistic Rulers: Servants or Officials? // Talanta. 1981. P. 103–149.

⁸¹ Walbank F. W. The Hellenistic World. P. 74, 250.

⁸² Ср., напр.: Маринович Л. П. Александр и полисы Малой Азии: (К постановке проблемы) // Вестник древней истории. 1980. № 2. С. 29–51; Голубцова Е. С. Полис и монархия в эпоху Селевкидов // Эллинизм: Восток и Запад. М., 1992. С. 66–75.

⁸³ Ф. Уолбанк употребляет термины *polis* и «город» (*city*) в качестве синонимов, что, конечно, не свидетельствует об отождествлении им понятий, обозначаемых этими терминами.

Взаимосвязи города и монархии были сложными⁸⁴. С одной стороны, важная роль городов как социальных носителей эллинской культуры на Востоке определялась тем, что эллинистические правители зависели от проживавшего в городах греко-македонского меньшинства, а потому обеспечивали их привилегированное положение, иными словами, использовали города для укрепления своей власти⁸⁵. С другой – монархия своим существованием ослабляла город, сильно уменьшая его самостоятельность; таким образом, политическая независимость большинства городов ограничивалась мощью находившихся по соседству царей⁸⁶. К тому же в эпоху эллинизма полисы испытывали постоянную угрозу извне, что повышало их политическую деятельность: с целью защититься от различных форм насилия они активизировали свою дипломатию, заключали между собой и с царями соглашения и договоры.

Ф. Уолбанк показывает важную роль возросшей дипломатической практики в культурной жизни эллинистического мира. На основе эпиграфического материала исследователь демонстрирует активизацию третейского суда и посреднических усилий отдельных государств в урегулировании военных конфликтов, пограничных споров и в улаживании внутривосполитических дел⁸⁷. В эллинистическом мире широко использовался институт *asylia*.

В то же время появляются новые празднества, а прежде существовавшие – постепенно меняют свой характер (*Soteria*, *Ptolemaieia*, *Nikephoria*, *Rhomaia* и другие). Нередко правители использовали их для достижения своих политических и экономических целей. Большое число людей из различных городов собиралось на празднествах, которые тем самым способствовали разрушению прежней исключительности и замкнутости отдельных полисов⁸⁸. Достижению того же результата содействовал широко распространенный в эпоху эллинизма обычай предоставлять гражданам, городам и даже целым народам гражданство в другом государстве, а также институты *proxenia*, *asylia*, *isopoliteia* и *sympoliteia*. Ф. Уолбанк показывает, что при этом зачастую инициатива предоставления гражданства исходила от самих царей⁸⁹.

Специфика взаимоотношений полиса и монархии в эпоху эллинизма, по мнению исследователя, в какой-то степени определялась развитием греческого федерализма, хотя федерации первоначально образовывались как раз там, где города-государства (полисы) были не особенно сильны⁹⁰. Именно федерация, как политическое объединение нескольких городов, которому те передавали некоторые свои полномочия, защищала их от натиска сильных монархий⁹¹. Рассмотрение институтов Ахейского и Этолийского союзов позволило историку прийти к выводу о том, что на политический вызов, брошенный эллинистическими монархиями, греки отреагировали конкретными политическими решениями в виде образования федераций, которые

⁸⁴ Walbank F. W. The Hellenistic World. P. 249.

⁸⁵ Ibid. P. 66.

⁸⁶ Ibid. P. 141; *idem*. Greek Civilization, Ancient. P. 387.

⁸⁷ *Idem*. The Hellenistic World. P. 142.

⁸⁸ Ibid. P. 145–147.

⁸⁹ Ibid. P. 148–152.

⁹⁰ См., напр.: Larsen J. A. O. Greek Federal States: Their Institutions and History. Oxford, 1968. P. XVI, 7 f.

⁹¹ Walbank F. W. The Hellenistic World. P. 153.

расширяли ограниченные рамки отдельных полисов и усиливали их. Однако римское вмешательство в эллинистический мир помешало развитию этого процесса⁹². Таким образом, взгляд английского исследователя на эллинский федерализм с точки зрения проблемы «полис–монархия» представляется весьма интересным.

Греческая экспансия, осуществлявшаяся в течение раннего эллинистического периода, под которым Ф. Уолбанк подразумевает время восточных походов Александра Великого, борьбы диадохов за власть и образования эллинистических монархий, привела к широкому распространению творческой энергии греков. Однако в силу различных причин существовало и противоположное направление, приводившее к сосредоточению деятельности в области культуры в таких значительных центрах царской власти, как Пергам и Александрия Египетская⁹³. Английский историк показывает, что покровительство монархов в сфере культуры осуществлялось и прежде; так, Сицилия в свое время привлекла великих поэтов Пиндара и Эсхила и, кроме того, выдающегося философа Платона, а Македония – Еврипида, но в эллинистическую эпоху меценаты стали еще богаче, а их деятельность – более результативной и впечатляющей⁹⁴.

Ф. Уолбанк обращает особое внимание на два центра эллинистической культуры – Пергам и Александрию Египетскую, хотя существовали, конечно, и другие центры, которые английский историк специально не рассматривает, например Антиохия в царстве Селевкидов⁹⁵. В интеллектуальной жизни эллинистического мира преобладала прежде всего Александрия, особенно во время правления первых трех Птолемеев (323–221 гг. до н. э.), это происходило, главным образом, благодаря созданию знаменитого *Мусейона* (что буквально означает «святилище Муз») и Библиотеки.

Как и во многих других случаях, Ф. Уолбанк стремится найти аналогичные институты в предшествующей истории Эллады и полагает, что таковыми были, по-видимому, *мусейон* и библиотека Лицея – аристотелевской философской школы в Афинах. Эти александрийские учреждения культуры, возможно, были созданы по инициативе Деметрия Фалерского при Птолемею I, хотя, по другой версии, образование колоссальной библиотеки приписывается Птолемею II Филадельфу⁹⁶.

Ф. Уолбанк указывает важный аспект деятельности обоих александрийских институтов: *Мусейон* функционировал в тесной связи с Библиотекой и по существу был исследовательским учреждением. Александрия поощряла систематические разработки в области филологии, то есть труды по языкознанию и литературоведению. Под руководством таких ученых, как Зенодот Эфесский, Аристофан Византийский и Аристарх Самофракийский, обстоятельно анализировались гомеровские тексты. Значительная научная проблема о существовании одного-единственного Гомера как создателя

⁹² Ibid. P. 157–158; cf.: Larsen J. A. O. Representative Government in Greek and Roman History. Berkeley; Los Angeles, 1955. P. 159.

⁹³ Walbank F. W. The Hellenistic World. P. 176.

⁹⁴ Ibidem.

⁹⁵ См., напр.: Чистяков Г. П. Эллинистический Мусейон (Александрия, Пергам, Антиохия) // Эллинизм: Восток и Запад / Отв ред. Е. С. Голубцова. М., 1992. С. 312–315.

⁹⁶ Walbank F. W. The Hellenistic World. P. 176; cf.: Lloyd G. E. R. Hellenistic Science // Cambridge Ancient History. 2nd ed. Cambridge, 1989. Vol. 7.1. P. 322.

«Илиады» и «Одиссеи» или нескольких авторов (так называемый «Гомеровский вопрос») – одна из тех, решением которых они занимались. Английский исследователь показывает, что александрийские филологи рассматривали равным образом исторический и географический аспекты гомеровских поэм. Своими комментариями, а также текстологическими и лингвистическими исследованиями эти специалисты заложили основы для филологических разысканий эпохи Возрождения и современных гуманитарных наук⁹⁷.

Ф. Уолбанк рассматривает и другую сферу деятельности Птолемея как покровителей в области культуры: они привлекали в Александрию многочисленных поэтов. Создатель пасторалей Феокрит Сиракузский находился там лишь недолгое время: то ли великой египетской столице он предпочитал свой родной город и (на какое-то время) Кос, то ли, возможно, ему не удалось получить в Александрии такого покровительства, на которое он рассчитывал. Анализируя особенности греческой литературы в эпоху эллинизма, английский исследователь рассматривает творчество Аполлония Родосского, который некоторое время заведовал Александрийской библиотекой и опубликовал эпическую поэму об аргонавтах, отличавшуюся «Еврипидовой чувствительностью» и глубиной восприятия пейзажа⁹⁸. Возможно, наиболее типичным поэтом того направления, которое принято называть «александринизмом», был Каллимах, сочетавший остроумие и эрудицию с мастерством метрического построения, с живостью языка и мифологических аллюзий, который создавал стихи, почти всецело предназначенные для «интеллектуального восприятия»⁹⁹.

Ф. Уолбанк подробно рассматривает также покровительство царей из династии Атталидов в Пергаме (особенно во II в. до н. э.)¹⁰⁰. Их библиотека была самой большой после Александрийского хранилища свитков; при их дворе развивала свою деятельность группа художников и ученых, известных нам в первую очередь благодаря творчеству Антигона из Кариста, который не только занимался ваянием и писал труды об искусстве, но и опубликовал ряд жизнеописаний, насыщенных материалами анекдотического содержания. Его критиковал Полемон Илионский, опытный собиратель сведений об искусствоведческих трудах древних авторов, некоторые из них он обнаружил во время длительных путешествий из Малой Азии на Сицилию и в Карфаген¹⁰¹.

Другой пергамской знаменитостью, по мнению английского историка, был исследователь Гомера Кратет из Маллы, который пытался объяснять трудности, возникавшие в понимании произведений великого греческого поэта, тем, что допускал аллегорическое толкование текста, и при анализе гомеровских поэм часто использовал философские понятия Древней Стои. Ф. Уолбанк отмечает роль Кратета в передаче культурных достижений

⁹⁷ Walbank F. W. The Hellenistic World. P. 176–177.

⁹⁸ Ср.: Christ W., Schmid W. Geschichte der griechischen Literatur. Tl. 2. Bd. 1: Von 320 v. Chr. bis 100 n. Chr. 6. Aufl. (Handbuch der Altertumswissenschaft; Bd. VII.2.1). München, 1920. S. 140–146.

⁹⁹ Walbank F. W. The Hellenistic World. P. 177. Cf.: Dihle A. Griechische Literaturgeschichte. 2. Aufl. München, 1991. S. 291–295.

¹⁰⁰ Ср.: Hansen E. V. The Attalids of Pergamum. 2nd ed. Ithaca, 1971. P. 144–145; Habicht C. The Seleucids and their Rivals // Cambridge Ancient History. 2nd ed. Cambridge, 1984. Vol. 8. P. 377; Климов О. Ю. Царство Пергам: Очерк социально-политической истории. Мурманск, 1998. С. 28, 41–42.

¹⁰¹ Walbank F. W. The Hellenistic World. P. 177.

эллинистической философии на Запад: во время посещения Рима в 168 г. до н. э. Кратет сломал себе ногу и, оставаясь в городе до выздоровления, читал там лекции, чем вызывал у римлян искренний и устойчивый интерес к гуманитарным наукам¹⁰².

Исследователь указывает еще один важный центр эллинистической культуры – Афины и рассматривает достижения этого города в философии и литературы, в частности в развитии так называемой «новой комедии», представленной прежде всего произведениями Менандра¹⁰³. Если произведения эллинистической литературы и не относятся многими к величайшим мировым творениям, то творчество Феокрита и Каллимаха, полагает английский историк, все же оказало значительное влияние как на Рим, так и на последующие эпохи; наряду с Геродотом, этих авторов до сих пор читают с удовольствием¹⁰⁴.

Называя пергамского ученого – историка Неанфа из Кизика, Ф. Уолбанк тем не менее полагает, что историография была таким литературным жанром, который в целом процветал вдали от крупных культурных центров, контролируемых эллинистическими царями. Правда, Иероним из Кардии поселился в столице Македонского царства Пелле, однако Тимей писал в Афинах, а Полибий – в Риме (хотя и оказался там не по своей воле) и в Мегалополе¹⁰⁵.

Вопросы эллинистической историографии занимают одно из центральных мест в творчестве Ф. Уолбанка и важны для понимания его концепции эллинистической культуры. Труды греческих историков он широко использует для изучения отдельных аспектов истории и культуры эллинистического мира¹⁰⁶, но в то же время в многочисленных статьях и нескольких книгах специально исследовал как общие закономерности эллинистической историографии¹⁰⁷, так и труды отдельных историков III и II вв. до н. э.¹⁰⁸, и прежде всего «Всеобщую историю» Полибия¹⁰⁹.

¹⁰² Ibidem. Cf.: *Christ W., Schmid W.* Op. cit. S. 269–271.

¹⁰³ *Walbank F. W.* The Hellenistic World. P. 178–181. Cp.: Goldberg S. M. The Making of Menander's Comedy. Berkeley; Los Angeles, 1980; *Dihle A.* Op. cit. S. 285–290.

¹⁰⁴ *Walbank F. W.* The Hellenistic World. P. 250.

¹⁰⁵ Ibid. P. 177–178.

¹⁰⁶ См., напр.: *idem.* Philip V of Macedon. Cambridge, 1940. P. 278–282, 284–287; *idem.* The Hellenistic World. P. 15–28; *idem.* Sources for the Period. [The Hellenistic World, 323–217 B. C.] // Cambridge Ancient History. 2nd ed. Cambridge, 1984. Vol. 7.1. P. 1–22.

¹⁰⁷ *Walbank F. W.* History and Tragedy // *Historia*. 1960. Bd. 9. P. 216–234; *idem.* Speeches in Greek Historians. (Third Myres Memorial Lecture). Oxford, [1965]; *idem.* [Rev.:] *Fornara C. W.* The Nature of History in Ancient Greece and Rome. Berkeley; Los Angeles; London, 1983 // *Journal of Hellenic Studies*. 1985. Vol. 105. P. 211; *idem.* Profit or Amusement: Some Thoughts on the motives of Hellenistic Historians // *idem.* Polybius, Rome and the Hellenistic World: Essays and Reflections. Cambridge, 2002. P. 231–241.

¹⁰⁸ *Idem.* The Historians of Greek Sicily // *Kokalos*. 1968–1969. Vol. 14–15. P. 476–498; *idem.* Timaeus' Views on the Past // *Scripta Classica Israelica*. 1989–1990. Vol. 10. P. 41–54; *idem.* 'Treason' and Roman Domination: Two Case-studies, Polybius and Josephus // *Rom und der griechische Osten: Festschrift für H. H. Schmitt zum 65. Geburtstag / Hrsg. von C. Schubert und K. Brodersen*. Stuttgart, 1995. S. 273–285; *idem.* Athenaeus and Polybius // *Athenaeus and his World / Ed. by D. Braund and J. Wilkins*. Exeter, 2000. P. 161–170.

¹⁰⁹ *Idem.* A Historical Commentary on Polybius. Vol. 1–3. Oxford, 1957–1979; *idem.* Polybius. (Sather Classical Lectures; Vol. 43). Berkeley; Los Angeles; London, 1972; *idem.* Selected Papers: Studies in Greek and Roman History and Historiography. Cambridge, 1985; *idem.* Polybius, Rome and the Hellenistic World: Essays and Reflections. Cambridge, 2002.

Проследивая основные тенденции в эволюции греческой историографии после Фукидида и Ксенофонта, Ф. Уолбанк показал, что Эфор применил повествовательный стиль «Греческой истории» Ксенофонта к жанру «всеобщей истории», а речи исторических персонажей в своем труде «использовал для риторических упражнений в духе своего учителя Исократа». Так же, как и Фукидид, Эфор сделал акцент в своем повествовании на военных действиях, и это стало обычной практикой последующих историков, в любом случае, не только у Полибия¹¹⁰. Однако переход от жанра «исторической монографии» (Фукидид) к жанру «всеобщей истории» (Эфор) разрушил единство исторического сочинения, и только Полибию, который, по его собственному признанию, следовал по стопам Эфора, удалось создать труд, который с точки зрения предмета и стиля представляет собой «органическое целое»¹¹¹ (см.: *Polyb.* I.3.4; cf.: XIV.12.15). Английский исследователь показывает, что Полибиево понятие «органического целого» восходит к трудам Платона и Аристотеля, для которых образцовое литературное сочинение должно было строиться на основе этого понятия¹¹². Аристотель фактически отрицал возможность применения понятия «органического целого» к историческому труду, но в течение последующего столетия представление о целостности произведения искусства стало привычным в эллинистической историографии. Эту идею Полибий применил при создании «всеобщей истории», для чего ему потребовалось ввести в свое повествование *Судьбу (Tyche)*. Таким образом, по мнению Ф. Уолбанка, Полибий в совершенстве владел «канонами эллинистической историографии» и хорошо знал образцы историографического жанра в греческой литературе¹¹³.

Английский исследователь подробно рассматривает достижения эллинистической эпохи в сфере теоретической и прикладной науки¹¹⁴ и констатирует поразительный прогресс в военной науке¹¹⁵. Ссылаясь на мнение профессора Дж. Э. Р. Ллойда¹¹⁶, специалиста в области античной философии и науки, он показывает, что уже в эпоху, предшествующую Аристотелю, были открыты два важных исследовательских принципа: использование математики как метода изучения природных явлений и идея эмпирического исследования для выявления истины. В эпоху эллинизма оба принципа получили дальнейшее развитие и были применены в самых различных научных сферах¹¹⁷. Так, Героним из Александрии обнаружил силу пара. Однако чтобы применить это открытие на практике, необходим был металл такой прочности, какую не знали в античном мире¹¹⁸. Следовательно, достижения в одной области исследований должны были стимулироваться открытиями в других областях¹¹⁹, что в рассматриваемый период наблюдалось далеко не всегда. Ф. Уолбанк приводит относящиеся к Архимеду слова Плутарха (*Plut. Marcel.* 17.3) о том, что

¹¹⁰ *Idem.* Polybius. P. 66.

¹¹¹ *Ibid.* P. 67.

¹¹² *Idem.* A Historical Commentary on Polybius. Oxford, 1957. Vol. 1. P. 43 (см. комментарий к пассажию *Polyb.* I.3.4).

¹¹³ *Idem.* Polybius. P. 67.

¹¹⁴ *Idem.* The Hellenistic World. P. 184–197.

¹¹⁵ *Walbank F. W.* The Hellenistic World. P. 249.

¹¹⁶ См.: *Lloyd G. E. R.* Greek Science after Aristotle. London, 1973. P. 177–178.

¹¹⁷ *Walbank F. W.* The Hellenistic World. P. 197.

¹¹⁸ *Ibid.* P. 191–192.

¹¹⁹ *Ibid.* P. 192.

будто бы греческие ученые в эту эпоху считали заботу о внедрении своих открытий в жизнь недостаточно благородной¹²⁰.

Английский исследователь полагает, что «хотя пламя рационального исследования начало поглощать вульгарные представления и можно обнаружить повышенное тяготение к мистическим религиям и восточным культам», в эту эпоху оставалось необычайно много времени, «свободного от мракобесия и цензуры, времени, когда люди легко могли передвигаться и, в случае необходимости, находить приют в любом месте»¹²¹. Как правило, они имели возможность свободно мыслить и заявлять о своих мнениях и открытиях¹²². На взгляд Ф. Уолбанка, все главные школы эллинистической мысли: стоицизм, эпикурейство, кинизм – оказались очень влиятельными в истории философии¹²³.

Интересной и важной представляется характеристика религиозных верований эпохи эллинизма, которую дает английский историк, поскольку здесь он переходит к анализу явлений массового сознания¹²⁴. Особенности религиозной жизни этого времени связаны с рядом важных факторов: знакомством с восточными культами, религиозной политикой царей, духовными потребностями отдельных индивидов в новых условиях социальной замкнутости и политической нестабильности¹²⁵. Ф. Уолбанк четко разграничивает религиозную жизнь, связанную с деятельностью властей – царей и правительств – с одной стороны, и те культы и религиозную практику, которую простые люди свободно воспринимали, поскольку это отвечало их повседневным потребностям – с другой стороны¹²⁶. Рассмотрев влияние эллинизации на иудаизм, исследователь высказывает интересную мысль о том, что как раз эллинизованное иудейство подготовило почву для возникновения христианства¹²⁷. «И хотя культы и религиозные доктрины этой эпохи исчезли, культурный континуитет эллинистического мира и пограничных с ним областей стал позднее колыбелью двух мировых религий» – христианства и ислама¹²⁸.

Ф. Уолбанк детально рассматривает военное, политическое и экономическое воздействие Рима на эллинистический мир¹²⁹, но, с другой стороны, показывает, что контакты с Грецией и эллинистическими государствами повлияли на самих римлян. Консервативно настроенные римляне видели пагубную сторону этого взаимоотношения двух миров, в результате чего разрушались традиционные римские ценности; это же отмечает греческий историк Полибий, который в данном вопросе, несомненно, вторил своему римскому патрону Сципиону Эмилиану¹³⁰.

Однако, как отмечает английский исследователь, имелась другая, более позитивная и в конечном счете более важная сторона взаимодействий

¹²⁰ Ibid. P. 193; ср.: Свенцицкая И. С. Указ. соч. С. 198; Lloyd G. E. R. Hellenistic Science. P. 321–352.

¹²¹ Walbank F. W. The Hellenistic World. P. 250.

¹²² Ibidem.

¹²³ Ibid. P. 179–181, 250–251.

¹²⁴ Ibid. P. 209–221.

¹²⁵ См.: Свенцицкая И. С. Указ. соч. С. 198.

¹²⁶ Walbank F. W. The Hellenistic World. P. 210.

¹²⁷ Ibid. P. 226. Ср.: Свенцицкая И. С. Указ. соч. С. 198.

¹²⁸ Walbank F. W. The Hellenistic World. P. 251.

¹²⁹ Idem. The Hellenistic World. P. 227–246.

¹³⁰ Ibid. P. 247.

эллинистического мира и Рима, в результате которых с III в. до н. э. изменились многие аспекты римской жизни.

В современном антиковедении детально разработаны многие аспекты влияния эллинистической культуры на различные сферы римского общества¹³¹. Рассматривая этот вопрос, Ф. Уолбанк опирается как на самостоятельный анализ источников, так и на достижения мировой науки.

«Легионеры, возвращавшиеся после восточных кампаний, греки, прибывавшие в Рим в качестве заложников, послов, военнопленных, торговцев, людей, владевших разного рода специальностями, или рабов, знакомили римлян с греческим языком и обычаями Эллады. Врачи и философы приносили в римское общество присущее эллинам профессиональное мастерство и греческий тип образования; римляне «старой закалки», подобные Катону Старшему, сопротивлялись всему этому, но нерешительно и неэффективно»¹³².

Ограбление таких городов, как Сиракузы и Коринф, в ходе римских завоеваний на Востоке способствовало появлению в Риме греческих произведений изобразительного искусства, что возбуждало еще большие аппетиты римской знати. С этого времени частные дома стали отличаться большей роскошью, и по крайней мере для состоятельных граждан Рим как город сделался более удобным для проживания; по своим удобствам Рим сравнялся с важнейшими центрами эллинистического мира¹³³.

Третий век, полагает Ф. Уолбанк, был свидетелем первых шагов римской литературы, сделанных под влиянием Эллады. Самый ранний римский поэт Ливий Андроник был греком из Тарента, преподававшим латынь и греческий язык и сделавшим поэтический перевод «Одиссеи» Гомера. Более крупная и влиятельная личность – Квинт Энний происходил из Калабрии. Там он соприкасался с греческими философскими школами Южной Италии; его «Анналы» – значительная эпическая поэма о римском прошлом. Первоначально, как считает английский исследователь, имелась необходимость представить греческому миру римскую историю (и защитить римскую политику, проводившуюся в настоящем), поэтому ранние историки Рима – Фабий Пиктор, Цинций Алиммент и Постумий Альбин – были римскими государственными деятелями и писали не на латыни, а на греческом языке¹³⁴. Ф. Уолбанк интересно интерпретирует творчество такой сложной и противоречивой личности, как Катон Старший: этот автор, чей труд «Начала» стал первым сочинением, написанным латинской прозой, и тем самым положил начало римской историографии на родном языке, испытал гораздо большее

¹³¹ См., напр.: *Rawson E.* Roman Tradition and the Greek World // Cambridge Ancient History. 2nd ed. Cambridge, 1989. Vol. 8. P. 422–476; *Petrochilos N.* Roman Attitudes to the Greeks. Athens, 1974; *Rawson E.* Intellectual Life in the Late Roman Republic. London, 1985. P. 3–18; *Штаерман Е. М.* Эллинизм в Риме // Эллинизм: Восток и Запад. М., 1992. С. 140–176.

¹³² *Walbank F. W.* The Hellenistic World. P. 247.

¹³³ Ibidem.

¹³⁴ Ibid. P. 247–248. Cf.: *Gelzer M.* Der Anfang römischer Geschichtsschreibung // *idem.* Kleine Schriften. Wiesbaden, 1964. Bd. 3. S. 93–103; *idem.* Nochmals über den Anfang der römischen Geschichtsschreibung // *ibid.* S. 104–110; *Flach D.* Einführung in die römische Geschichtsschreibung. 2. Aufl. Darmstadt, 1992. S. 61–68.

влияние греческих образцов, чем можно было бы предположить, исходя из того факта, что Катон крайне презрительно относился ко всему греческому¹³⁵.

Другой сферой «эллинизации», по мнению Ф. Уолбанка, был римский театр. Энний писал пьесы, сюжеты которых восходят к трагедиям Софокла и Троянскому циклу греческой мифологии¹³⁶. Нэвий создавал трагедии, исторические пьесы, основанные на римских проблематике, комедии, а также эпическую поэму о Пунической войне. Однако наиболее важными авторами для римской сцены как в это время, так и в истории римской литературы вообще, полагает английский исследователь, были Т. Макций Плавт и П. Теренций Афр. Современная наука располагает многочисленными сочинениями как Плавта, так и Теренция; и до недавней находки папирусов, содержащих некоторые оригинальные пьесы замечательного афинского комедиографа эллинистического времени Менандра, для того чтобы как-то понять его творчество, необходимо было основываться на произведениях Плавта и Теренция. Теперь стало легче оценить характер использования и адаптации обоими римскими драматургами эллинистических оригиналов для создания чего-то совершенно нового и типично римского¹³⁷. Ф. Уолбанк считает, что римский гений, в частности, проявился в способности не только копировать, но и преобразовывать заимствованные у других народов образцы¹³⁸.

По мнению английского исследователя, культура Греции – в лице как более древних классических авторов, так и писателей собственно эллинистического мира – давала писателям Рима образцы и стимулировала создание римской литературы. Невозможно представить римские шедевры поздней Республики и ранней Империи без эллинского элемента; творчество Цицерона, Саллюстия, Горация, Вергилия, Катуллы и Овидия является результатом воздействия традиции, восходящей к греческим источникам. Тем не менее эти авторы являются подлинно римскими¹³⁹.

На протяжении трех столетий, начиная со времени Т. Квинция Фламинина, полагает Ф. Уолбанк, наиболее образованные римляне говорили на двух языках (греческом и латинском) и, таким образом, были открыты прямому воздействию эллинистической культуры. Историк показывает, что римская философия была частью греческой философии, а римское искусство развивалось на основе греческих образцов. Гораздо раньше италийские боги и безличные божества (*numina*), господствовавшие в мире римской религии, были персонализированы и зачастую стали отождествляться с греческими богами, имевшими сходные черты. А с начала II в. до н. э. постепенно вводятся культы таких римских полководцев, как Квинций Фламинин, и таким образом подготавливалась почва для последующего обожествления римских императоров¹⁴⁰.

¹³⁵ Walbank F. W. The Hellenistic World. P. 248. Cf.: Kierdorf W. Catos "Origines" und die Anfänge der römischen Geschichtsschreibung // Chiron. 1980. Bd. 10. S. 205–224; Rawson E. Roman Tradition and the Greek World. P. 451–463; Flach D. Op. cit. S. 68–74.

¹³⁶ Cf.: Jocelyn H. D. The Tragedies of Ennius. Cambridge, 1967; Brinck C. O. Ennius and the Hellenistic Worship of Homer // American Journal of Philology. 1972. Vol. 93. P. 547–567.

¹³⁷ Cf.: Haffter H. Terenz und seine künstlerische Eigenart. Darmstadt, 1967.

¹³⁸ Walbank F. W. The Hellenistic World. P. 248.

¹³⁹ Ibidem.

¹⁴⁰ Walbank F. W. The Hellenistic World. P. 248–249.

Римляне оформили свою раннюю историю, согласовав ее с Троянским циклом греческой мифологии¹⁴¹, а сам Рим, как и многие порты Восточного Средиземноморья, был украшен портиком с изображениями божеств из Сирии и Малой Азии. С установлением императорского режима все Средиземноморье оказалось объединенным в рамках культурной целостности, в которой продолжали существовать многие явления эллинистического мира, приспособившись к системе провинциальной организации, установленной Римом. В частности, с исчезновением монархий прежние эллинистические города продолжали быть полноценными «единицами цивилизованной жизни» на всем Востоке и оставались таковыми до усиления имперской централизации; «только в III и IV вв. н. э. губительное бремя бюрократии окончательно подавило их инициативу»¹⁴².

Ф. Уолбанк полагает, что эллинистическая эпоха оставила многие проблемы нерешенными, что существовали противоречия в разных сферах жизни¹⁴³. Вероятно, эти проблемы и не могли быть решены должным образом, считает он, ибо основные достижения эллинистической эпохи, по-видимому, были сделаны в III в. до н. э., когда «правлящая каста все еще оставалась социально мобильной, а новые царства пока еще проявляли гибкость и предоставляли талантливым людям широкое поле для деятельности»¹⁴⁴. Первые эллинистические цари окружали себя людьми, свободно выбранными по их способностям из различных слоев населения. Ко II в. до н. э., когда в эллинистическом мире появились римляне, «созидательная сила была уже, вероятно, утрачена»¹⁴⁵.

Ф. Уолбанк ставит очень важную проблему, хотя и не развивает ее детально. В исследовательской литературе имеется концепция, согласно которой, в эпоху эллинизма наблюдается стагнация культуры, поскольку в это время завершается период культурного расцвета Эллады и «греческое чудо» угасает¹⁴⁶.

А. И. Зайцев показал, что с определенного момента проявляется упадок в различных сферах эллинистической культуры. В математике после Архимеда и Аполлония Пергского наблюдается иссякание творческих сил, и эту тенденцию не могла остановить даже фигура великого Диофанта; с Гиппархом в состоянии застоя приходит астрономия; планомерные физические эксперименты Стратона из Лампсака застыли на их начальной фазе; инвентарная опись в естествознании заменяет действительное познание (К. Шнайдер)¹⁴⁷; перемены в эллинистической поэзии наступают ок. середины III в. до н. э. (У. Виламовиц-Меллендорф); после IV в. до н. э. исчезают выдающиеся имена в

¹⁴¹ Ср.: *Schauenburg K.* Äneas und Rom // *Gymnasium*. 1960. Bd. 67. S. 176–191; *Weber E.* Die Trojanische Abstimmung der Römer als politisches Argument // *Wiener Studien*. 1972. Bd. 85. S. 213–225; *Petrochilos N.* Op. cit. P. 131–140; *Штаерман Е. М.* Указ. соч. С. 149.

¹⁴² *Walbank F. W.* The Hellenistic World. P. 249.

¹⁴³ *Ibid.* P. 249.

¹⁴⁴ *Ibid.* P. 75–78, 250.

¹⁴⁵ *Walbank F. W.* The Hellenistic World. P. 250.

¹⁴⁶ См.: *Zajcev A.* Das griechische Wunder: Die Entstehung der griechischen Zivilisation. Konstanz, 1993; *idem.* Das "griechische Wunder" und seine Ende im Hellenismus // *Hellenismus / Hrsrg. von B. Funck.* Tübingen, 1996. S. 693–699; *Зайцев А. И.* Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2001.

¹⁴⁷ *Его же.* «Греческое чудо» и его завершение в эпоху эллинизма // *Культурный переворот в Древней Греции...* С. 281–282; *Schneider C.* Kulturgeschichte des Hellenismus. München, 1967. Bd. 1. S. 2 ff.

изобразительном искусстве¹⁴⁸. Причину застоя эллинистической культуры российский исследователь видел в «утрате веры в человека, который с помощью собственных усилий способен достигнуть того, что в принципе для него достижимо»¹⁴⁹.

Однако Ф. Уолбанка прежде всего интересуют достижения эллинистического мира и его вклад в историю культуры последующих эпох. По его мнению, это было время учености, когда великие исследовательские учреждения Александрии перерабатывали и передавали последующим поколениям тексты классических авторов. «Это была эпоха, когда горизонты человека физически расширились благодаря путешествиями таких исследователей, как Пифей и Мегасфен, а интеллектуально – научными достижениями Эратосфена и Архимеда». Архитектура и прекрасно спланированные города эллинистического мира являются «предтечами» архитектуры и городской планировки эпохи Возрождения, а также XVIII и XIX вв. Эллинистическое искусство, «подчас бурное, а иной раз чувственное, захватывает наше воображение» и оказывает сильное влияние на развитие художественного вкуса¹⁵⁰.

Ф. Уолбанк утверждает, что в сфере политических поисков эллинистическая Греция сделала шаг вперед в развитии представлений о федеральном правлении, что не могло не иметь значения для последующих политических теорий и доказывает тот факт, что интеллектуальная жизнеспособность и созидательные силы греческого народа сохранялись. В течение трех столетий эллинистические царства и отдельные полисы создали систему дипломатического взаимодействия, которую переняли римляне и которая посредством практики, существовавшей в Римской империи, была передана последующим эпохам¹⁵¹. Исследователь показывает, что эллинистический мир имел единую правовую систему, законодательства различных государств частично совпадали, и наблюдалась тенденция к все большему их сближению, как можем судить на основе широкого использования иностранных судей¹⁵². Правовое единообразие, уже существовавшее в городах и государствах эллинистического мира, повлияло на становление римского права (эдикты *претора peregrинов* и *ius gentium*), действовавшего в провинциях¹⁵³.

Таким образом, как считает Ф. Уолбанк, Рим оказался «разрушителем и в то же время наследником этой плодотворной эпохи греческой цивилизации». Именно благодаря Риму большая часть этого наследия перешла Западной Европе, а также не менее мощно и непосредственно – Византии и православному миру Восточной Европы¹⁵⁴.

Подводя итог, следует отметить важнейшие проблемы, рассмотренные Ф. Уолбанком и составляющие основу его концепции:

- генезис эллинистической культуры;
- взаимодействие греко-македонской и местных культур народов Востока;
- разные социальные группы как носители эллинистической культуры;

¹⁴⁸ Зайцев А. И. «Греческое чудо» и его завершение... С. 282.

¹⁴⁹ Там же. С. 283.

¹⁵⁰ Walbank F. W. The Hellenistic World. P. 250.

¹⁵¹ Ibid. P. 251.

¹⁵² Ibid. P. 143–145, 251.

¹⁵³ Ibid. P. 251.

¹⁵⁴ Ibidem.

- контакты различных районов эллинистического мира и проблема однородности культуры;
- взаимосвязь политической организации общества и культуры, в том числе роль эллинистических правителей и «друзей» царя в культурном развитии;
- место международного права и дипломатии в культурной жизни эллинистического мира;
- процесс распространения эллинской культуры вширь и концентрация культурной жизни в важнейших центрах эллинистического мира (Александрия Египетская, Пергам, Афины);
- традиции классической Греции в культуре эллинистического мира;
- основные достижения эллинистической культуры в различных областях: литературе, историографии, филологии, теоретических и прикладных естественных науках, философии; особенности религиозной жизни;
- воздействие эллинистической культуры на различные сферы жизни Римской республики;
- римское общество и государство как «ретрансляторы» эллинистической культуры.

Комплексное рассмотрение этих проблем является важной заслугой Ф. Уолбанка как исследователя, который показал себя мастером обобщения и детали¹⁵⁵. В его концепции эллинизма основной акцент делается на культурных явлениях¹⁵⁶ как важнейших элементах цивилизации, в которой культура тесно взаимосвязана с такими сферами, как экономика, политика, социальные и этнические отношения.

Некоторые авторы отмечали недостатки его основного труда по истории эллинизма: например, то, что английский исследователь не дает четкой дефиниции эллинизма¹⁵⁷; «не уделяет должного внимания фактам, показывающим взаимообогащение и усложнение культур греков и местных восточных народов»¹⁵⁸; преувеличивает «степень замкнутости господствовавшего греко-македонского слоя»¹⁵⁸; оставляет вне поля зрения эллинистическую художественную культуру¹⁵⁹ и т. д.

В последние два десятилетия увидели свет несколько исследований, которые заставляют по-новому взглянуть на проблемы эллинистической культуры. В частности, в 1987 г. появился сборник научных трудов под названием «*Эллинизм на Востоке*»¹⁶⁰. Ф. Уолбанк назвал эту книгу «ревизионистской, а местами даже агрессивно ревизионистской», поскольку в ней проводится мысль, что для царства Селевкидов наследие Ассирии, Вавилонии и державы Ахеменидов имело гораздо большее значение, чем считалось прежде, и что можно лучше понять характер этого царства, если рассматривать его в контексте

¹⁵⁵ См., напр.: *Walbank F. W.* [Rev.:] *Kleines Wörterbuch des Hellenismus* / Hrsg. von H. H. Schmitt und E. Vogt. Wiesbaden, 1988 // *Gnomon*. 1990. Bd. 62. S. 128–131.

¹⁵⁶ См.: *Климов О. Ю.* Эллинизм в исторических трудах Ф. У. Уолбанка. С. 56.

¹⁵⁷ См.: Там же. С. 55–56.

¹⁵⁸ Там же. С. 56.

¹⁵⁹ См.: *Свенцицкая И. С.* Указ. соч. С. 198.

¹⁶⁰ *Kuhrt A., Sherwin-White S. (Ed.) Hellenism in the East: The Interaction of Greek and non-Greek Civilizations from Syria to Central Asia after Alexander.* London, 1987.

древневосточных цивилизаций¹⁶¹. Этот подход реализован также в новом труде С. Шеруин-Уайт и А. Курт¹⁶².

В 1996 г. были опубликованы материалы международного коллоквиума, посвященного проблемам *аккультурации* и политической организации в государствах периода эллинизма¹⁶³. В этом сборнике и других публикациях¹⁶⁴ последнего времени нашла отражения новая тенденция в изучении форм культурных контактов между обществами Востока и Запада в древнем мире; для нее характерно более пристальное отношение к источникам на древних восточных языках: египетском, еврейском, персидском, санскрите и других. В этой связи в сфере истории языка ставится, например, проблема билингвизма в эпоху эллинизма¹⁶⁵. Детально изучаются культурные контакты в отдельных регионах эллинистического мира: в Египте¹⁶⁶, Малой Азии, Северном Причерноморье и т. д.

Одна из важнейших черт Ф. Уолбанка как исследователя – твердость в отстаивании своих взглядов, хотя он с уважением относится к мнениям своих научных оппонентов¹⁶⁷. Однако он всегда прислушивался к разумным аргументам в ученой дискуссии. С учетом новейших исследовательских тенденций английский историк изменил и уточнил свои воззрения на некоторые проблемы эллинистической культуры.

В нескольких публикациях последнего времени Ф. Уолбанк резюмирует свое понимание эллинизма и культуры эллинистического мира¹⁶⁸. Он считает, что «цивилизация различных эллинистических царств и городов не была ни «смесью» (mix), ни проявлением греческого гения, все еще существовавшего и оказывавшего свое влияние на негреческие общества, но скорее являлась образцом «мультикультурного» развития сообщества с населением, различающимся в расовом отношении, открыто исповедующим различные религии и унаследовавшим различные социальные и политические традиции, с народами, живущими хотя и бок о бок, но все же отдельно друг от друга, однако вступающими в тесные взаимодействия»¹⁶⁹. Ф. Уолбанк полагает, что культурный обмен между эллинами и негреческим населением был незначительным. Но процесс *аккультурации* все же существовал: он касался не только искусства в эллинистическом мире, но и совместного проживания и

¹⁶¹ См.: *Walbank F. W.* [Rev.:] *Hellenism in the East...* // *Liverpool Classical Monthly*. 1988. Vol. 13.7. P. 108.

¹⁶² *Kuhrt A., Sherwin-White S.* *From Samarkhand to Sardis: A New Approach to the Seleucid Empire*. Berkeley; Los Angeles. 1993.

¹⁶³ *Hellenismus: Beiträge zur Erforschung von Akkulturation und politischer Ordnung in den Staaten des hellenistischen Zeitalters. Akten des Internationalen Hellenismus-Kolloquiums 9.–14. März 1994 in Berlin / Hrsg. von B. Funck.* Tübingen, 1996.

¹⁶⁴ См., напр.: *Schulz M., Hartmann U., Luther A. (Hrsg.) Grenzüberschreitungen: Formen des Kontakts zwischen Orient und Okzident im Altertum. (Oriens et Occidens; Bd. 3).* Stuttgart, 2002.

¹⁶⁵ См., напр.: *Казанский Н. Н., Крючкова Е. П.* Материалы по греко-индийскому билингвизму эллинистической эпохи // *Индоевропейское языкознание и классическая филология – VI.* СПб., 2002. С. 69–81.

¹⁶⁶ См.: *Van 't Dack E., Van Dessel P., Van Gucht W. (Ed.) Egypt and the Hellenistic World: Proceedings of the International Colloquium, Leuven, 24–26 may 1982. (Studia Hellenistica, Vol. 27).* Leuven, 1983; *Samuel A. E.* *The Shifting Sands of History: Interpretations of Ptolemaic Egypt. (Publications of the Association of Ancient Historians; Vol. 2).* Lanham; New York; London, 1989.

¹⁶⁷ *Momigliano A.* Op. cit. P. 1–2.

¹⁶⁸ *Walbank F. W.* *The Hellenistic World: New Trends and Directions // Scripta Classica Israelica.* 1991/1992. Vol. 11. P. 90–113.

¹⁶⁹ *Idem.* [Rev.:] *Green P.* *Alexander to Actium...* P. 46.

сотрудничества разных народов. Так, в Птолемеевском Египте, начиная с 200 г. до н. э., роль египетского жречества в управлении страной постоянно возрастала. «О других эллинистических государствах известно меньше, но аналогичный материал имеется, и можно надеяться, что по мере увеличения негреческих источников мы узнаем об этом процессе больше». Однако исследования в этой сфере, считает Ф. Уолбанк, вряд ли радикально изменят общую картину, хотя и должны учитываться в дальнейшем¹⁷⁰.

Несмотря на справедливость многих критических замечаний оппонентов, концепция Ф. Уолбанка выгодно отличается как от предшествующих ей (например, от «телеологической» концепции И. Г. Дройзена или от «миссионерской» интерпретации У. Тарна¹⁷¹), так и от появившихся позже (к примеру, трактовки Питера Грина¹⁷²). Концепция английского историка базируется на прочном фундаменте тщательного анализа источников и важнейших современных исследований. При всей спорности многих вопросов эллинистической культуры, стоящих сейчас в антиковедении, Ф. Уолбанк делает продуманные, взвешенные суждения. Его труды, безусловно, должны учитываться в дальнейших исследованиях эллинистической культуры.

¹⁷⁰ Ibid. P. 50.

¹⁷¹ См.: *Tarn W.W., Griffith G. T. Hellenistic Civilization. 3d ed. London, 1952; Тарн В. Эллинистическая цивилизация. М., 1949.*

¹⁷² См.: *Green P. Alexander to Actium: The Historical Evolution of the Hellenistic Age. Berkeley; Los Angeles. 1990.*

А. И. Аврус

НОВОЕ СЛОВО В ПОЛЕМИКЕ О НАЧАЛЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В последнее десятилетие XX в. трудами отечественных историков внесен серьезный вклад в изучение истории российских университетов, приоткрыты новые страницы их внутренней жизни, показано, как шел в России процесс создания университетской системы образования, какие особенности эта система имела. В то же время ряд проблем еще ждет дальнейшего исследования, особенно это касается советского периода истории университетов. Возникли и дискуссионные сюжеты, к числу их принадлежит вопрос о начале университетского образования в Петербурге, непрерывности этого процесса, генетической связи Академического университета (АУ), основанного по Указу Петра I, с Санкт-Петербургским университетом (СПУ), открытым в 1819 г. Большую роль в постановке этих проблем и попытках их решения сыграли труды Санкт-петербургских историков, и в первую очередь Ю. Д. Марголиса (к сожалению, недавно умершего) и Г. А. Тишкина, новая книга которых является предметом настоящих заметок.

Еще в начале 80-х гг. XX в. группа ленинградских исследователей, в том числе и авторы рецензируемых «Очерков», пришли к выводу, что Санкт-Петербургский университет генетически связан с АУ, что в Санкт-Петербурге университетское образование не прерывалось с 1724 г., только принимало различные организационные формы (Академический университет, Академическое всеучилище, педагогический институт, Главный педагогический институт и, наконец, Санкт-Петербургский университет), которые переходили постепенно одна в другую. Первые итоги этих исследований были подведены в

монографии Ю. Д. Марголиса и Г. А. Тишкина, выпущенной в свет в 1988 г.¹ Книга была хорошо воспринята общественностью, но вызвала и ряд закономерных вопросов, ибо некоторые аспекты исследования были недостаточно прояснены. В то же время отдельные историки, в первую очередь московские, выразили свое несогласие с выводами ленинградцев, отрицали наличие непрерывного университетского образования в Санкт-Петербурге в XVIII–XIX в., генетическую связь Академического и Петербургского университетов, даже высказывали сомнения в том, что в Петербурге было университетское образование в XVIII в., что АУ реально действовал².

Нужно сразу отметить, что Ю. Д. Марголис и Г. А. Тишкин, проделав большую поисковую работу в архивах, тщательно проанализировав опубликованные документы, мемуары и т. п., сумели в новой книге дать достаточно убедительные ответы на многие возникавшие вопросы и подтвердить свои прежние выводы. Изучив солидный корпус источников, авторы монографии представили читателю интересный и доказательный материал о том, что программы, лекции, набор учебных дисциплин, состав профессуры и учащихся свидетельствуют: несмотря на смены вывесок, в Петербурге все время (с 1724 по 1819 г.) осуществлялось университетское образование, учащиеся всех названных выше форм

¹ См.: Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII – начале XIX в. Л., 1988.

² См.: Андреев А. Ю. О начале университетского образования в Санкт-Петербурге; Левшин Б. В. Академический университет в Санкт-Петербурге: (Историческая справка) // Отечественная история. 1998. № 5.

учебных заведений фактически были студентами университета. Не случайно все эти учебные заведения существовали на одной и той же материальной базе, а в 1838 г. Петербургский университет вернулся в здание 12 коллегий, в котором начинал свою деятельность АУ. В этом отношении очень интересна 6-я глава «Очерков», в которой авторы анализируют события, приведшие к изменению датировки рождения Петербургского университета. Еще в конце 30-х–начале 40-х гг. XIX в. основание Петербургского университета связывали с именем Петра I, современники видели в СПУ преемника АУ. Об этом свидетельствовало празднование в 1838 г. переселения СПУ в здание 12 коллегий. Но в начале 40-х гг. происходили перемены во внутренней политике России, которые отозвались и на судьбах СПУ: в 1844 г. решили отмечать его 25-летие, ведя отсчет от Указа Александра I в 1819 г. Ректор СПУ П. А. Плетнев, который в 1838 г. выступал за тесную связь истории АУ и СПУ, в 1844 г. подготовил трех-часовой отчет о 25-летию СПУ, отка-завшись от своих прежних позиций. Об этом отступлении написал в своем «Дневнике» А. В. Никитенко, кото-рый в 1838 г. вместе с П. А. Плетне-вым и И. П. Шульгиным писал о преемственности СПУ и АУ. Ю. Марголис и Г. Тишкин считают, что это было сделано, исходя из двух обстоятельств: изменения отношения Нико-лая I к личности Петра I и желания министра народного просвещения С. С. Уварова войти в историю в качестве человека, сыгравшего решающую роль в основании СПУ. К сожалению, как отмечают авторы «Очерков», с тех пор более ста лет стали вести отсчет существования СПУ с февраля 1819 г., сократив тем самым почти на 100 лет историю университетского образования в Санкт-Петербурге.

Много новых фактов и интересных авторских наблюдений содержат и другие главы книги. Так, в частности, в

первой главе, показывая жизнь Академического всеучилища, Ю. Марголис и Г. Тишкин сравнивают его с будущим Царскосельским лицеем, в котором также соединялись среднее и университетское образование. Они отмечают складывавшуюся уже в конце XVIII в. традицию – появление среди студентов значительного количества детей профессоров и преподавателей, то есть шло образование профессиональных династий ученых.

Большое место уделено роли Е. Р. Дашковой в функционировании университетского образования в Петербурге. Правда, авторы книги обещают обратить внимание на ее педагогическую деятельность, которая, по их мнению, обойдена в имеющейся литературе, но и у них, по нашему мнению, это не совсем получилось. Интересно наблюдение, что женщины-вольнотруженицы появились в конце XVIII в., когда они впервые слушали публичные университетские лекции в Петербурге, организованные по инициативе Е. Р. Дашковой, а не в 1859 г., как обычно указывается в отечественной литературе.

В отдельную главу авторы выделили описание деятельности С. С. Ува-рова по восстановлению университета в 1819 г., подчеркнули его решающую роль в том, что в Петербурге открылся внеакадемический универ-ситет. По мнению Ю. Д. Марголиса и Г. А. Тишкина, С. С. Уваров – достаточно сложная личность и до 1821 г. его действия представляли собой либеральную струю в управлении российским просвещением (с. 107), он вел борьбу с реакционным направлением Голицына, в частности по вопросу об университете в Петербурге. По косвенным источникам авторы анализируют проект Устава СПУ, разработанный Уваровым, и утверждают, что в нем содержалось много прогрессивных идей, в отличие от других исследователей, определявших уваровский проект как чисто чиновничий документ. Марголис и Тишкин считают, что провал проекта устава Уварова

свидетельствовал о его поражении в борьбе с голицынским направлением и явился первым шагом к будущему погрому Петербургского университета Д. П. Руничем.

Авторы книги высказали интересную мысль об одной из особенностей российских университетов: они открывались в основном в столичных и крупнейших городах, в отличие от Европы, США, и поэтому играли особую роль в общественно-политической жизни страны. Правда, приводя записку С. О. Потоцкого, в которой доказывалось, что в Петербурге не нужен университет, ибо таковых нет и в европейских столицах, авторы не замечают, что Потоцкий при этом перечисляет и Дрезденский университет (а ведь Дрезден был тогда столицей Саксонского королевства) (С. 111).

Особое внимание уделено в рецензируемой книге известному «делу профессоров», организованному сменившим С. С. Уварова на посту попечителя Петербургского учебного округа Д. П. Руничем. Ю. Марголис и Г. Тишкин, опираясь на анализ опубликованных источников, сумели более тщательно и тонко рассмотреть все перипетии «профессорского дела», чем это делали их предшественники. Это позволило им показать, что профессура СПУ в значительной своей части сочувствовала подвергшимся преследованию, что общественное мнение осуждало деятельность Рунича, что С. С. Уваров проявил определенную смелость, написав личное письмо Александру I в защиту профессоров. Вывод авторов, что Руничу и Ко не удалось добиться ожидаемого эффекта, пришлось спускать дело на тормозах, кажется нам убедительным. В то же время вряд ли стоило столь подробно анализировать взгляды А. П. Куницына, излагать содержание его публикаций. Это все-таки выходит за пределы поставленных в книге задач. Было бы полезнее, по нашему мнению, выявить вдохновлявшее влияние деятельности

М. Л. Магницкого в Казани на позицию и действия Рунича. Следовало бы отметить реакцию на события в СПУ в других университетских городах, в частности в Москве, а также зарубежные отклики.

Можно сделать вывод, что авторы книги сумели справиться с поставленными задачами, внесли вклад в изучение истории университетского

образования в России, дополнили новыми фактами и выводами свои предшествующие труды. Вышедшая в 1999 г. «Летопись Санкт-Петербургского университета, в создании которой активно участвовал Г. А. Тишкин, содержит дополнительный материал, подтверждающий концепцию университетского образования в Петербурге, разрабатываемую авторами рецензируемой книги³.

Высоко оценивая проделанную Ю. Д. Марголисом и Г. А. Тишкиным работу, нельзя обойти некоторые ее недостатки. Во-первых, отрывочность, мозаичность приводимых сведений, особенно в 1 и 2-й главах. Возможно, это связано с отсутствием многих документов, о чем пишут и сами авторы. Во-вторых, имеют место повторения, особенно в главе 2-й. В-третьих, не избежали авторы и некоторых неточностей в тексте. Назвав книгу «Очерками», конечно, можно определять, какие аспекты будут в ней освещаться, а какие отсутствовать, но все-таки хотелось бы прочитать более подробно о внутренней жизни СПУ, о профессорах и студентах, пребывавших в его стенах в рассматриваемый период.

С интересом читая книгу Ю. Д. Марголиса и Г. А. Тишкина, мы будем ждать продолжения вторым из авторов поисков новых документов, которые сделают еще более убедительной их концепцию университетского образования в Петербурге.

³ См.: Летопись Санкт-Петербургского университета, 1724–1999. СПб., 1999.

Ю. Г. Степанов

СИЛЬВЕН БАНСИДУН: АЛЕКСАНДР III И ЕГО СОВЕТНИКИ

Исторически сложилось так, что Франция XIX столетия всегда была в поле зрения отечественных историков, тогда как интерес французских историков к Российской империи нельзя назвать постоянным и устойчивым.

В первой половине XIX века «гроза двенадцатого года» и Крымская кампания 1853–1856 гг. надолго внесли напряженность в русско-французские отношения. Эти события долгое время определяли негативные позывные исторической памяти великих народов, хотя и в этот период обаяние и притяжение французской культуры и цивилизации оставалось доминантой сознания образованной России. Политика, спровоцировавшая отчуждение двух народов, способствовала и возрождению интереса французского общества к своему Восточному союзнику в самом конце XIX и начале XX вв. К этому времени относятся первые работы французских историков, посвященные политическому режиму Александра III и его создателю. За исключением исследований Э. Флуранса¹ и фундаментального труда А. Леруа-Болье², французские историки не претендовали ни на глубину анализа, ни на широту охвата проблем. В основном это были публицистические или полупублицистические очерки о России и ее императоре с точки зрения их надежности как союзника во франко-германском противостоянии, разбросанные по различным периодическим изданиям³.

К сожалению, Первая мировая война, русская революция и грандиозные катаклизмы XX столетия почти вычеркнули из сферы интересов французских историков эпоху Александра III, казавшуюся совершенно ничтожной в сравнении, например, с наполеоновской. «Традиция» оказалась столь устойчивой, что и к исходу XX в. французская историография русской истории периода правления Александра III весьма небогата.

Тем интереснее публикации, авторы которых обратили пристальное внимание на «потерянную эпоху» и личность тринадцатого императора на троне. Французский историк Сильвен Бансидун, известный своими трудами по экономической и общественно-политической истории России конца XIX – начала XX в.⁴, написал и биографию Александра III⁵.

В отечественной историографии личность предпоследнего русского императора рассматривалась в основном в связи с его курсом контрреформ. Сам Александр III ни популярностью, ни особыми симпатиями советских историков не пользовался⁶. Лишь в

⁴ *Bensidoun S. L'agitation paysanne en Russie de 1881 à 1902. Paris, 1975;*

⁵ *Bensidoun S. Alexandre III (1881—1894). Paris, 1990.*

⁶ Негативный тон исследованиям о личности и правлении Александра III задал «первый русский марксист». См.: *Плеханов Г. В. Царствование Александра III. Соч. Т. 24. М., 1927.* Литературно-публицистическое осмысление царя как недалекого, грубого и невежественного реакционера, предложенное в книге «Императоры: Психологические портреты» (М., 1927, 1993), оказалось вполне созвучным эпохе, соответствовало идейной парадигме советской исторической школы и опубликованным источникам. В дальнейшем наиболее обстоятельно и ярко политический портрет Александра III был представлен в работе *П. А. Зайончковского* «Российское самодержавие в конце XIX столетия». (М., 1970). Статья того же автора «Александр III и его ближайшее окружение» (Вопросы истории. 1966.

¹ *Flourens E. Alexandre III et la République française. Paris, 1894.*

² *Leroy-Beaulieu A. L'Empire des Tsars et les Russes. Paris, 1882. Т. 1–2.*

³ См.: *Leroy-Beaulieu A. La France, La Russie et l'Europe // Revue de Deux Mondes. 1888. 15 février; Adam J. Lettres sur la politique extérieure // La Nouvelle Revue. Paris, 1887, 12 mars.*

последние годы оживился интерес к эпохе и личности «бегемота в эполетах» (выражение А. И. Кони). Более того, наряду с теми, кто отстаивал и отстаивает прежние позиции и оценки, появились и те, кто требуют полного пересмотра характеристик как самого царя, так и его внутренней политики (внешнеполитическая концепция и деятельность «реакционера на престоле» и ранее не подвергалась такой суровой критике, как контрреформы)⁷.

В связи с попытками переоценки ценностей в отношении идеологии и практики Александра III в современной российской исторической науке, особенно интересен взгляд на проблему со стороны, в частности глазами французского исследователя.

Предмет данной статьи – анализ взглядов С. Бансидуна на личность и политическую индивидуальность Александра III, степень его самостоятельности или зависимости от ближайшего окружения во внутренней политике.

В статье «Непризнанный царь: Александр III (1881–1894)» (фрагмент будущей книги о русском императоре) французский историк актуальность избранной темы обосновал тем, что «до

наших дней личность и царствование Александра III вызывает идеологические и политические споры»⁸. Та же идея звучит и в предисловии автора к монографии⁹. Заметим, что «личность и царствование Александра III» – вопрос, который стал дискуссионным лишь в последнее время, поскольку ранее эта тема не вызывала особых противоречий (во всяком случае, среди советских историков; что касается дореволюционной историографии, то сам же Бансидун указывал на крайнюю скудость трудов по истории тринадцатилетнего правления Александра III¹⁰). Например, апологетом императора, как уже говорилось, выступил А. Н. Боханов, на книгу которого откликнулся рецензией Н. А. Троицкий¹¹. Последний, сделав множество справедливых (хотя и резких по форме) замечаний о содержании книги, считает, что Боханов «сочиняет миф о «самом народном монархе»¹².

Таковы на сегодня два полюса отечественной исторической науки в изучении личности и политики Александра III. Естественно, что Бансидун вряд ли догадывается об этой полемике, и его позицию можно рассматривать как объективно свободную от идеологических и политических пристрастий, рожденных на российской почве.

Французский историк пытается быть объективным в отношении своего героя, отмечая его человеческие достоинства и недостатки, политические просчеты и удачи. К числу несомненных достижений царя отнесены строительство транссибирской магистрали, индустриализация, франко-русский союз и осмотрительная внешняя политика.

№ 8) полностью вошла в указанную монографию. См. также: *Полунов А. Ю.* Под властью обер-прокурора: Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996; *Твардовская В. А.* Александр III // Российские самодержцы. М., 1993; *Твардовская В. А.* Царствование Александра III // Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика. М., 2000; *Чернуха В. Г.* Александр III // Вопросы истории. 1992. № 11–12.

⁷ Последовательным и убежденным апологетом российской монархии и персонально Александра III является, например, А. Н. Боханов. (См. *Боханов А. Н.* Император Александр III. М., 1998). Часть исследователей, не меняя принципиально своих оценок Александра III как политика и человека, отказались от наиболее резких, почти памфлетных определений по его адресу. См.: *Чернуха В. Г.* Александр III // Вопросы истории. 1992. № 11–12; *Твардовская В. А.* Александр III // Российские самодержцы. М., 1993; *Ее же.* Царствование Александра III // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000; *Полунов А. Ю.* Под властью обер-прокурора: Государство и церковь в эпоху Александра III. М., 1996.

⁸ *Bensidoun S.* Un tsar méconnu: Alexandre III (1881–1894) // *Revue historique.* CCXXVIII/2. P. 429.

⁹ *Bensidoun S.* Alexandre III (1881–1894)... P. 3.

¹⁰ *Bensidoun S.* Un tsar méconnu: Alexandre III... P. 429

¹¹ *Троицкий Н. А.* «Пустопорожнее словоблудие» (о книге А. Н. Боханова «Император Александр III», и не только о ней) // Освободительное движение в России. № 18. С. 145–160.

¹² Там же. С. 151.

«Список» промахов и откровенных провалов во внутренней политике несколько обширней: ликвидация либерального курса, экономический кризис и страшный голод 1891 г., ограничение свободы прессы, рост недовольства рабочих и крестьян и, как следствие, ответственность за первую русскую революцию¹³.

Бансидун, пытаясь сохранить объективность, указывает и на отрицательные черты великого князя Александра Александровича, и на существенные пробелы в его воспитании и образовании¹⁴. Вместе с тем автор явно преувеличивает и начитанность наследника престола, и его интерес к русской литературе вообще. Так, отметив нерасположенность будущего самодержца к творчеству Льва Толстого, И. С. Тургенева, автор указывает, что великий князь предпочитал произведения П. И. Мельникова-Печерского, Н. С. Лескова и особенно Ф. М. Достоевского, с произведениями которого (в частности, романом «Бесы») его познакомил К. П. Победоносцев¹⁵. Отметим, что работами Ю. В. Готье еще в конце 20-х гг. прошлого века (Бансидун их почему-то игнорирует) доказано с каким трудом добивался Победоносцев, чтобы наследник престола прочитал хотя бы что-то¹⁶. Большинство произведений великой русской литературы так и остались им непрочитанными. О литературных достоинствах писателей, так же как и о политической их ориентации, наследник престола узнавал опосредованно через того же Победоносцева, не затрудняя себя чтением оригинала. Более того, профессора-наставника повергали в шок безграмотность и отсутствие у воспитуемого всякой тяги к знанию, к литературе. Пробелы в образовании великого князя, а затем и российского самодержца Константин Петрович

пытался преодолеть столь же настойчиво, сколь и безуспешно. Долгое время он настойчиво рекомендовал вел. кн. Александру Александровичу самую разнообразную литературу: историческую беллетристику И. И. Ла-жечникова и М. Н. Загоскина, сочинения Ф. М. Достоевского, статьи Ю. Ф. Самарина, классические труды по истории, сочинения по церковным, политическим вопросам и многое другое. Не надеясь, что подопечный самостоятельно осилит весь объем предложенной к прочтению литературы, Победоносцев пытался максимально упростить восприятие для ученика текстов. Так, настойчиво советуя вел. князю прочитать книгу Нила Попова «Россия и Сербия», Константин Петрович 28 октября 1869 г. писал: «...позволю себе обратить внимание ваше на краткое предисловие автора, на последнюю главу 2-го тома о восточной войне, и на последние страницы книги, на которых извлечены автором основные мысли и положения из всего сочинения»¹⁷. Однако все старания Победоносцева придать Александру III хотя бы некоторый интеллектуальный лоск остались безответными. Тринадцатый император до конца жизни был не в ладах с грамматикой и орфографией (очень любил «вбивать» в предложение сразу несколько восклицательных знаков там, где ему хотелось), читал мало и неохотно, к искусству, абстрактным вопросам философии, политики, церкви, права относился вполне равнодушно или даже с подозрением. Придя к власти, Александр III, человек «ниже среднего ума и ниже среднего образования» (выражение С. Ю. Витте), в решении важных политических вопросов полагался на трезвый расчет и советы практиков-профессионалов, которых умело подбирал и весьма ценил.

Трудно сказать, что явилось причиной такого существенного пробела в монографии французского историка — невнимание к фактам и

¹³ *Bensidoun S. Un tsar méconnu...* P. 429.

¹⁴ *Bensidoun S. Alexandre III...* P. 28.

¹⁵ *Ibid.* P. 29–30.

¹⁶ *Готье Ю. В. К. П. Победоносцев и наследник Александр Александрович, 1865–1881. М., 1928. Сб. II. С. 112.*

¹⁷ *Готье Ю. В. К. П. Победоносцев...* С. 112.

работам предшественников или стремление завуалировать низкий образовательный уровень Александра III, которому автор (вопреки тщательно подчеркнутой объективности) все же симпатизирует. Эти симпатии становятся очевидными, когда Бансидун характеризует Александра III как самого русского из всех монархов на русском престоле вплоть до 1917 г., сумевшего восстановить подорванный «нигилистами» и «анархистами» престиж государства¹⁸, что, вероятно, и представляется исследователю одной из важнейших заслуг самодержца. «Русскость» Александра III объясняется в первую очередь консервативно-ортодоксальным влиянием Победоносцева, что не вызывает возражений и соответствует выводам нескольких поколений советских историков (на которые автор опять же не ссылается)¹⁹. Гораздо сомнительнее вывод Бансидуна о тесных связях юного еще наследника престола «с кружками славянофилов» И. С. Аксакова, Ю. Ф. Самарина и близкой к ним фрейлиной императрицы Е. Ф. Тютчевой²⁰. Против излишнего увлечения наследника идеями славянофилов выступал все тот же Победоносцев. Этот очень важный факт биограф русского императора упустил из виду, хотя в исторической литературе он отмечался неоднократно.

Раздел о «вхождении» Александра III во власть – один из наиболее интересных в монографии французского исследователя. Бансидун отмечает, что растерянный после «трагических событий» новый самодержец вынужден был первое время «искать ценных советников»²¹, главными из которых были, по мнению историка, наставник самодержца, обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, журналист М. Н. Катков, князь В. П. Мещерский, министр внутренних дел граф Д. А. Толстой, славянофил И. С. Акса-

ков²². Они и составили ядро «архитекторов» твердого курса²³. В отношении последнего из названных Бансидун допускает явную ошибку, поскольку лидер славянофилов в число важнейших информаторов и советников Александра III никогда не входил. Ошибку, видимо, сознает и сам историк. Не случайно, что среди тех советников Александра III, которых он характеризует *персонально*, И. С. Аксакова нет²⁴.

Эту пеструю компанию объединяло, как считает Бансидун, осуждение либеральных идей, особенно распространившихся после лета 1874 г., когда неудачное «хождение в народ» имело трагическим эпилогом убийство Александра II, заплатившего жизнью за «свои прошлые ошибки» и поставившего страну на грань катастрофы²⁵. Центром притяжения для «охранителей» стала фигура монарха, «испытавшего беспокойство за свою жизнь и семью» и «растерянного после жестокой агонии отца»²⁶. Исследователь уточняет, что «они объединились ради борьбы со всеми поползновениями либерализма» и ради стремления «вернуться к идеологии православия, самодержавия и национализма»²⁷, опороченной в прежнее царствование. Верно определив общую платформу

²² Примечательно, что в предшествующей статье Бансидун определил состав ближайших советников императора как «квартет» (le «quator»): Победоносцев, Катков, Аксаков, Мещерский. *Bensidoun S. Un tsar meconnu...* P. 434. Однако в монографии преобразует «квартет» в «квинтет», добавив к перечисленным еще и Д. А. Толстого. *Bensidoun S. Alexandre III...* P. 35

²³ *Bensidoun S. Alexandre III...* P. 35.

²⁴ *Ibid.* P. 36–39

²⁵ *Ibid.* P. 35.

²⁶ *Bensidoun S. Alexandre III...* P. 35.

²⁷ *Ibid.* Бансидун неточно воспроизводит теорию официальной народности, сформулированную министром народного просвещения при Николае I С. С. Уваровым: «православие, самодержавие, народность». Последнюю составляющую знаменитой триады французский историк произвольно заменил термином «национализм» (le nationalisme), что значительно искажает смысл уваровской формулы национально-государственного бытия России.

¹⁸ *Bensidoun S. Alexandre III...* P. 7.

¹⁹ *Bensidoun S. Alexandre III...* P. 28–30

²⁰ *Ibid.* P. 29.

²¹ *Ibid.* P. 35.

«советников» Александра III, Бансидун, к сожалению, не уточняет существенных расхождений в идеологии и позиции «охранителей». Кроме того, ни один из хранителей никогда не настаивал на *полном* восстановлении дореформенных порядков.

Французский исследователь совершенно верно указал, что при Александре III не было создано теневого кабинета. Участие советников самодержца в определении приоритетов внутренней и внешней политики ограничивалось частными советами и «редактированием наиболее важных документов», притом чтобы их настойчивость «не была неприятной императору»²⁸. Бансидун вполне оправданно полагает, что среди ближайшего окружения Александра III никогда не было личности, достаточно сильной, чтобы «расстроить» планы самодержца, после того как он их обдумал и принял какое-то решение²⁹.

Причину подобной скромности интеллектуального окружения Александра III французский исследователь увидел в традициях духа византизма, имманентно присущего самодержавию. По его мнению, советники императора, чуткие к нюансам настроения своего суверена, никогда не отличались категоричностью в мнениях и в большей степени были озабочены желанием угодить ему, нежели отстаивать свою позицию³⁰. Такое положение усугублялось еще и тем, что Александр III не отличался склонностью к каким бы то ни было компромиссам и в духе византийских императоров или московских князей самодержавно осуществлял свое Богом данное право «верховного арбитража». Русский император имел абсолютную власть, выслушивал мнение своих подданных, учитывал или не учитывал рекомендации советников, но «никогда не был пленником их мнений, оставаясь свободным в своем

выборе»³¹. Самостоятельность предпоследнего русского самодержца в принятии решений, его подчеркнутое стремление быть выше партийных группировок, стремление к роли верховного судьи, стоящего на страже блага государства и общества, – факт хорошо известный и неоднократно отмеченный в отечественной историографии с дореволюционных времен³². В этом случае историк очень верно «ухватил» главную идею царствования своего героя.

С другой стороны, Сильвен Бансидун явно преувеличивает низкопоклонство советников самодержца. Своеобразной формой протеста против изменения политического курса можно считать коллективную отставку министров правительства Александра II, после того как его преемник с подачи Победоносцева издал 29 апреля 1881 г. манифест «О незыблемости самодержавия». Кроме того, сам биограф Александра III отметил настойчивость, с которой обер-прокурор пытался лоббировать важные, с его точки зрения, государственные решения³³. По-своему наступательно и активно пытался воздействовать на курс правительства и М. Н. Катков, чем и вызвал гнев царя. Относительная осторожность советников царя в подаче предложений была естественной для придворного этикета нормой, а не аномалией. Вовсе не византийский традиционализм стал причиной того, что ближайшее окружение Александра III не выработало достаточно глубокой и приемлемой для страны социально-экономической программы. Скорее, отсутствие оптимального проекта развития страны объясняется творческим бессилием охранителей, тщетно искавших варианты экономической модернизации при сохранении полуфеодальной структуры общества и архаичного политического устройства России.

²⁸ *Bensidoun S. Alexandre III...* P. 36.

²⁹ *Ibid.*

³⁰ *Ibid.*

³¹ *Bensidoun S. Alexandre III...*

³² См., напр.: Александр III (1845–1894). Его личность, интимная жизнь и правление. М., 1991.

³³ *Bensidoun S. Alexandre...* P. 32.

Следует согласиться с тем, что ни Победоносцев, ни Толстой, ни Мещерский, ни кто-либо еще не имели достаточно длительного и глубокого влияния на Александра III. Этот вывод, конечно, не является открытием французского историка. Почти все наиболее авторитетные советские исследователи — П. А. Зайончковский, Ю. Б. Соловьев, В. А. Твардовская и многие другие — признавали самостоятельность тринадцатого императора на российском престоле, хотя на вопрос о причинах такого положения отвечали по-разному. Интересную переключку со многими из положений Бансидуна имеет небольшая, но примечательная статья саратовского историка А. В. Воронихина³⁴.

Прежде всего, оба автора явно симпатизируют Александру III (так сказать, «симпатизанты», по терминологии Боханова — еще одного горячего поклонника самодержца), но если Бансидун делает это осторожно, завуалированно, то его российский коллега прямо настаивает, что Александр III «менее всех из династии Романовых повезло в известности. Его историческая миссия была мало понятна современникам и еще менее потомкам»³⁵. Анализ (точнее, попытка нового прочтения источников) приводит Воронихина к убеждению, что «ни один из них (советников императора. — Ю. С.), кроме Победоносцева, не оказывал влияния на царя», да и обер-прокурору это удавалось только до середины 1880-х гг.³⁶ И здесь, как видим, историки независимо друг от друга приходят к идентичным выводам, но исходные причины самодержавной власти Александра III по — разному. Если

французский биограф русского царя делал упор на традиции российского абсолютизма, естественным порядком восстановленные и укрепленные в конце XIX столетия, то автор статьи в «Освободительном движении» сделал акцент на личных достоинствах монарха. В первом случае первенство отдано политической ментальности и средневековому механизму русской исторической власти, во втором — субъективным и не всеми признаваемым личным качествам монарха. Оба подхода к проблеме имеют существенные недостатки.

Приведем лишь один пример. Хорошо известно и никем не оспаривается положение обер-прокурора Победоносцева как главного и, пожа-луй, единственного в первые годы правления Александра III политического консультанта царя. Не менее доказано и падение его влияния во второй половине 1880-х гг. Как объяснить факт политического банкротства человека, который в период тяжелейшего кризиса самодержавия весной 1881 г. чуть ли не в одиночку отстоял для своего воспитанника абсолютную власть? Бансидун считает, что российский самодержец, невзирая ни на какие его личные качества, органически не мог терпеть рядом с собой сильную личность, каковой и был, без сомнения, Константин Петрович³⁷. Ответ на тот же вопрос Воронихина еще более прост: отставка — следствие «беспредметного менторства» бывшего наставника цесаревича³⁸. Оба предположения имеют свои резоны и право на существование, и в обоих случаях упущено из вида то обстоятельство, что Александр III был *вынужден* делать ставку на министров-прагматиков, таких, как И. А. Вышнеградский, Н. Х. Бунге, С. Ю. Витте, Н. К. Гирс, потому что

³⁴ Воронихин А. В. Квартет, дуэт или соло?: (о ближайшем окружении императора Александра III) // Освободительное движение в России. № 18. С. 123–126.

³⁵ Воронихин А. В. Указ. соч. С. 123. К сожалению, автор утаил (вероятно, чтобы сохранить интригу), в чем же состоит означенная «историческая миссия». Надо полагать, что ответ на этот вопрос мы получим в его будущих работах.

³⁶ Там же. С. 126.

³⁷ Bensidoun S. Alexandre III... P. 35–37.

³⁸ Воронихин А. В. Указ. соч. С. 126.

именно во второй половине 1880-х гг. стало очевидным: сама практика российской жизни требовала конкретных решений и действий (а не абстрактных схем) в экономике, области социальных отношений, во внешней политике. И не так важно, кто входил или не входил в «ближайшее окружение» царя, когда и за что был отлучен от власти. Буржуазные реформы 1860–1870-х гг. XIX в. придали империи такой импульс и вектор развития, что верховная власть была *принуждена* к поиску тех, кто был способен решить хотя бы часть возникавших проблем. Увы, российская политическая элита не смогла адекватно ответить на вызов времени, что во многом и предопределило глобальные потрясения России в XX столетии.

С. Бансидун написал очень хорошую монографию об Александре III. Он тщательно избегает «сенсационных» открытий, высокопарных фраз, запелляционных утверждений; стремится понять Россию и ее монарха, не навязывая иной ментальности и культуре модной ныне западной социологической и политической терминологии. Не со всеми его утверждениями можно согласиться, но бесспорно то, что французский историк бережно относится к истории, оставляя полную возможность для работы исследовательской мысли. Это, пожалуй, главное достоинство его прекрасной книги.

Д. Ю. Бовыкин

У ИСТОКОВ «КРИТИЧЕСКОГО» НАПРАВЛЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Имя Элизабет Л. Эйзенштейн, к сожалению, известно в нашей стране лишь узкому кругу специалистов, тогда как на Западе эта американская исследовательница, почетный профессор Мичиганского университета, пользуется заслуженным авторитетом. Ее монографии: «Первый профессиональный революционер» («The first professional revolutionist: Filippo Michele Buonarroti (1761–1837), a biographical essay». Harvard University Press, 1959), «Печатный станок как движущая сила перемен» («The Printing Press as an Agent of Change». Cambridge, 1979), «Печатная революция в Европе раннего нового времени» («The printing revolution in early modern Europe». Cambridge, 1983), «Граб-стрит за границей: отдельные аспекты французской космополитической прессы восемнадцатого века» («Grub Street Abroad: Aspects of the Eighteenth Century French Cosmopolitan Press». Oxford, 1992) – неизменно вызвали интерес в среде специалистов как по истории культуры, так и по истории нового времени. Но самой, пожалуй, дискуссионной из ее работ стала статья, предлагаемая ниже читателям¹.

В то время как «классическая» интерпретация истории Французской революции² как революции цельной, буржуазной, антидворянской и антифеодальной уходила еще в XIX век, так называемое «критическое» направление в ее историографии (в отечественной литературе его чаще называют «ревизионистским») возникло относительно недавно. Традиционно в качестве его отправной точки принимается прочитанная в 1954 г. лекция широко известного английского историка Альфреда Коббена «Миф Французской революции»³, основные положения которой были развиты и переосмыслены в последующих работах того же автора – «История современной Франции»⁴ и «Социальная интерпретация Французской революции»⁵.

Коббен подверг критике (или, иначе говоря, ревизии) целый ряд тезисов, базовых для «классической» историографии. В частности, оспаривая тезис о борьбе между буржуазией, добивающейся свержения или, на худой конец, модификации Старого порядка, и реакционным феодальным дворянством, историк подчеркивал, что в начале революции, с одной стороны, «представители торговых, финансовых и промышленных кругов составляли примерно 13 процентов депутатов» Третьего сословия в Генеральных штатах, а с другой – «Третье сословие, стекавшееся в Версаль полное энтузиазма, ожидало и было готово следовать за сильной королевской властью»⁶. Иными словами, если говорить о буржуазии в современном смысле этого понятия, довольно странно считать ее «классом-гегемоном» Французской революции, которую и саму не так давно называли у нас не иначе как буржуазной⁷.

Другим аспектом несогласия с классической схемой стал для историков «критического» направления вопрос, вынесенный Э. Эйзенштейн в заглавие своей статьи: кто же именно выступил против королевской власти в 1788 г.? Если представители «классического» направления уверены, что уже в это время «класс, который готовится взять на себя руководство революцией, вполне сознает свою силу и свои права»⁸ – речь, естественно, идет о буржуазии, то Ф. Фюре и Д. Рише, ставшие провозвестниками французского «ревизионизма», в книге «Революция»⁹

¹ Eisenstein E. L. Who intervened in 1788? A Commentary on The Coming of the French Revolution // American Historical Review. 1965. October. № 71. P. 77–103.

² Подробнее см.: Собуль А. Классическая историография Французской революции // Французский ежегодник. 1976. М., 1978.

³ Cobban A. The Myth of the French Revolution. L., 1955.

⁴ Cobban A. A History of Modern France. L., 1963 (first published in 1957). Vol. 1.

⁵ Cobban A. The Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge, 1964.

⁶ Cobban A. A History of Modern France. L., 1963. Vol. 1. P. 143, 144

⁷ Подробнее на эти темы см.: Чудинов А.В. Смена вех: 200-летие Революции и российская историография // Французский ежегодник. 2000. М., 2000; Его же. Просвещенная элита: (к истории понятия) // Французский ежегодник. 2001. М., 2001.

⁸ Матьез А. Французская революция. М., Ростов н/Д., 1995. С. 60.

⁹ Furet F., Richet D. La Revolution. Vol. 1–2. P., 1965–1966.

отвечают на него совершенно по-иному. Для них против абсолютизма выступала широкая коалиция различных социальных сил, а входившие в нее люди «были, прежде всего, детьми своего века, вскормленными философией просвещения»¹⁰.

В этом же ключе решается и вопрос о том, что представляла из себя «партия патриотов», находящаяся в центре исследования Э. Эйзенштейн, поскольку именно эта группировка, по всей видимости, во многом руководила составлением наказов в Генеральные штаты во многих городах страны. Не замыкая ее рамками одного сословия или класса, Ф. Фюре и Д. Рише отмечают, что она, в определенном смысле, «действительно выражала единодушное общественное мнение», объединяя в своих рядах наряду с выходцами из Третьего сословия дворян и священников¹¹.

Однако в то же время нам кажется необходимым подчеркнуть, что новое русло, которое проложили работы Коббена и целого ряда других историков, не является, как это порой полагают, отрицанием «классического» видения Революции. Это именно критика, пересмотр. Немало доказательств этому и в статье Э. Эйзенштейн, достаточно сравнить то, что она пишет о разделении французов по принципу грамотности, со словами А. Олара: «Тогда существовало, по-видимому, две Франции: грамотная и неграмотная»¹².

Дискуссии, вызванные «ревизионистами», не утихают до сих пор¹³. И хотелось бы выразить надежду, что в них все более активно станут участвовать и отечественные исследователи, благо сегодняшняя публикация дает нам дополнительную пищу для размышлений. А если учесть, что отечественная научно-популярная и учебная литература нередко продолжает тиражировать старые и привычные клише, сегодня для нас эта статья во многом столь же актуальна, как и в те дни, когда она впервые вышла в свет.

¹⁰ Цит. по: *Furet F., Richet D. La Révolution française. P., 1973. P. 63.*

¹¹ *Ibid.*

¹² *Олар А. Политическая история Французской революции. Пг, 1918. С. 18.*

¹³ Среди тех работ, которые были опубликованы в развитие дискуссии, см., в частности: *Forster R. The Provincial Noble: A Reappraisal // American Historical Review. 1963. № 68; Taylor G. Noncapitalist Wealth and the Origins of the French Revolution // Ibid. 1967. № 72; Lucas C. Nobles, Bourgeois and the Origins of the French Revolution // Past and Present. 1973. N 60; Doyle W. Origins of the French Revolution. Oxford, 1980; Maza S. Luxury, Morality, and social Change. Why There Was No Middle-Class Consciousness in Prerevolutionary France // Journal of Modern History. 1997. June. № 69.*

Э. Л. Эйзенштейн

КТО ВЫСТУПИЛ В 1788 ГОДУ?

(комментарии к книге Ж. Лефевра «Начало Французской революции»)

Перевод с англ., коммент. Д. Ю. Бовыкина и Н. В. Корнопелевой

Настоящая статья посвящена противоречиям в интерпретации Жоржем Лефевром того момента, с которого, «строго говоря, началась Революция 1789 г.»¹, или, если еще точнее, того, как автор определяет истоки революционного движения. Любой подобный комментарий к конкретному историческому исследованию требует некоторых оговорок². Однако он представляется важным сразу по двум причинам. Во-первых, в центре дискуссии стоит едва ли не самая глобальная из всех интерпретаций Французской революции. Во-вторых, это весьма известная монография выдающегося историка, рассматриваемая как «лучшее введение в изучение Французской революции»³ и ставшая широко доступной после перевода, сделанного в 1947 г. Р.Р. Палмером. Не будучи усложненной научным аппаратом, относительно небольшого объема, к тому же написанная хорошим языком, английская версия была принята всеми кругами читающей публики. Широко используемая как учебное пособие, она также оказала влияние на высокопрофессиональные исследования в области общественных наук, социологии и истории. Наконец, основные идеи этой работы сам автор использовал в капитальном труде «Французская революция»⁴, тем самым еще раз закрепив свои основные постулаты в умах исследователей Французской революции. В результате парадоксы, проистекающие из основных положений концепции Лефевра, до сих пор повторяются во множестве других исследований.

Для краткости изложения Лефевр представляет канун Революции как драму в четырех актах, в каждом из которых поочередно выходят на сцену аристократия, буржуазия, городской пролетариат и крестьянство. Каждый акт предваряется анализом социальной структуры и психологии той или иной группы, за которым следует изложение основных событий, где она сыграла главную роль.

¹ *Lefebvre G. The Coming of the French Revolution. Princeton; N. J., 1947* (перевод Р.Р. Палмера с издания: *Quatre-Vingt-Neuf. P., 1939*). P. 37. (Далее ссылки на страницы данной книги приводятся в круглых скобках, сразу после цитат.)

² Дополнительные оговорки требуются при текстуальном анализе официального, но не проверенного автором перевода. Эта процедура казалась желательной с самого начала. Она таковой остается даже теперь, после того как я проверила все цитаты по французскому оригиналу, чтобы предвосхитить возможную критику. Незначительные несоответствия, что неизбежно, встречаются на большинстве страниц, однако тонкие смысловые оттенки оказались утеряны и в ряде ключевых фраз. Так, например, «*du jour au lendemain*» оказалось переведено как «между вечером и утром», «*ce ne fut qu'une clameur*» – как «поднялись крики протеста», 20 из 50 дижонских гильдий превратились в 21 из 50 и т.д. Ни одно из этих несоответствий не затрагивает существенных вопросов (следует отдать за это должное тщательности переводчика). Там, где это могло в некоторой степени повлиять на мой анализ, я не встретила ни единого случая, когда бы цитирование французского оригинала или мой собственный перевод ослабили бы мою систему доказательств (разве что в некоторых ситуациях слегка подкрепили ее). Таким образом, нет причин отказываться от наиболее удобного способа основываться на единственном английском переводе, ссылки на страницы которого легко проверяемы. Еще одна веская причина не отсылать читателя к французскому изданию – его редкостная недоступность (см. об этом предисловие Палмера, VI).

³ Цитата из отзыва Крэйна Бринтона с задней обложки издания 1957 г. (N.Y., 1957).

⁴ См.: *Lefebvre G. La Révolution Française. Rev. ed. P., 1951. P. 107–146.*

Используя для упорядочения взаимопереплетающихся и накладывающихся друг на друга событий жесткую схему, в основу которой положено социальное деление французского общества XVIII в., автор сумел поместить безграничное количество материала в рамки сжатого и на удивление ясного рассказа. Простота этой схемы и повлияла как на популярность работы, так и на непреходящую силу ее воздействия на самых разных читателей.

В предисловии к американскому изданию переводчик прокомментировал это влияние следующим образом:

«На спорный вопрос о том, кто начал Революцию, [...] он [Лефевр] ответил, что все классы, так или иначе, несут за это ответственность, что аристократия, буржуазия, городские массы и крестьянство, каждый по собственным причинам и независимо от других, стал инициатором революционных действий» (XIII–XIV).

Однако предположение о том, что городские массы и крестьянство были инициаторами «революционных действий», в некотором роде выводит термин «революционный» за пределы его собственных границ. В конце концов, мы не можем приравнивать к революциям восстания, волнения и мятежи. Подход же Лефевра открывает в результате возможность для несколько иной интерпретации, не содержащейся в заглавии соответствующего раздела его книги, но тем не менее вполне вытекающей из его анализа.

Эта несколько иная интерпретация также сформулирована переводчиком в предисловии:

«Г-н Лефевр показывает, как все классы объединились под руководством аристократии, чтобы сбросить абсолютистский режим Бурбонов. [...] Впоследствии же произошло размежевание, поскольку аристократы, оставшиеся всего лишь людьми, не хотели лишиться своих привилегий. Буржуазия вышла на передний план, воспользовавшись народными выступлениями в городе и деревне. Но установленный буржуазией режим не был орудием классового доминирования, ему было что предложить каждому, и он на самом деле провозгласил, что таких понятий, как классы, не существует» (XV–XVI).

Таким образом, получается два отчасти противоречивых тезиса. С одной стороны, каждый класс в отдельности и независимо от других явился инициатором революционных действий, с другой – аристократия возглавила общее движение против королевского абсолютизма, а затем, парализовав королевскую власть, в свою очередь оказалась парализована независимым от нее движением, инициированным буржуазией. Однако буржуазия не была таким же образом парализована городскими и сельскими волнениями. Напротив, два последних акта драмы сливаются со вторым, и все три класса, под руководством буржуазии, объединяют свои усилия, чтобы похоронить аристократию «под руинами Старого порядка»(3). Такой подход, уже успевший укорениться в многочисленных исторических работах, предполагает, что разделы, посвященные «народной» и «крестьянской» революциям, даже взятые вместе, не заслуживают того, чтобы считаться равноправными и отдельными актами драмы. На самом деле, действие, инициированное «буржуазной революцией», выводит автора за пределы его собственной схемы, и в результате он отходит от нее ближе к концу книги, где глава, озаглавленная «Права Человека и Гражданина», включает в себя уже куда с меньшей резкостью сфокусированный рассказ о политических событиях от взятия Бастилии до октябрьских дней.

В наибольшей степени оба сюжета согласованы в первых главах книги, где они используются, чтобы подчеркнуть для читателя важность действий буржуазии, когда она «громко потребовала всеобщего равенства перед законом» (37), выступив вопреки парижскому парламенту. Здесь нас беспокоит то, что приводимые автором доказательства не обосновывают его вывод о том, что это

действие действительно было инициировано буржуазией (при всей неоспоримой сложности в определении этой части общества). В данном случае порядок, в котором он располагает свой материал, и сообщаемые им факты противоречат друг другу.

Судя по предложенной автором схеме, дискуссия начинается, когда 23 сентября 1788 г. парижский парламент принимает решение о том, что состав Генеральных штатов должен соответствовать структуре 1614 г. Вплоть до этого момента «аристократическая революция» проходила без вмешательства других социальных групп и, как казалось, имела успех в достижении своих целей. Монархия Бурбонов была вынуждена допустить конституционные ограничения королевской власти и, пострадав от банкротства, пошла на уступки, восстановив в правах парижский парламент и согласившись на созыв Генеральных штатов для определения налоговой политики. На протяжении десятилетий, со времен Фронды, политические прерогативы социальных групп, претендовавших на посредничество между королем и народом, были ослаблены, а прерогативы короны – расширены. Обращение вспять этой столь долго существовавшей тенденции действительно можно оценить как «революцию». В неписаную конституцию были внесены важные изменения. Однако необходимо отметить, что революция подобного рода имела свои прецеденты в прошлом. И немалый опыт, как французский, так и зарубежный, мог бы прояснить действия политических противников. Как отмечает сам автор, именно эти «первые шаги Революции» можно расценивать одновременно и как «последнюю атаку аристократии». Они представляли собой «едва ли не завершающее усилие» этого класса, кульминацию той борьбы, которая велась со времен первого Капетинга (16). Подобным же образом ранее в «смутные времена» имело место не только оскудение королевской казны и дворянские мятежи, но и массовые выступления горожан, крестьянские бунты и даже неповиновение местных властей.

Если мы соглашаемся с Лефевром в том, что, «строго говоря», Революция 1789 г. началась скоординированным движением протеста, вызванного вопросом о представительстве в Генеральных штатах, то лишь потому, что это та первая крупномасштабная реакция на затяжной политический и финансовый кризис, которая отличается от предыдущих «смутных времен». Подобного движения протеста уже нельзя было предвидеть, поскольку оно не имело прецедентов в анналах французского государства. Его эффективность в борьбе с государственным аппаратом во многом была обусловлена тем, что оно исходило не из традиционных антиправительственных центров, в частности не от формальных социальных групп, а от многочисленных аморфных объединений, казавшихся несвязанными друг с другом. Как отмечает автор, к «лету 1788 г. еще не было оснований предполагать, что буржуазия от имени всего третьего сословия вмешается в конфликт между королевской властью и аристократией» (51). Констатация этого непредвиденного вмешательства от имени всего третьего сословия осенью 1788 г. и служит, по мнению автора, ответом на вопрос: «Кто начал Французскую революцию?»

Кто инициировал подобное вмешательство? Те немногочисленные доказательства, которые приводит автор, анализируя социальный состав осуществивших вмешательство групп, не подтверждают его тезис о том, что инициатива переходила от одного класса к другому. Это похоже на правду, как бы свободно и широко ни определяли понятие «буржуазия» или еще менее объяснимую категорию – «третье сословие». Его система доказательств, напротив, предполагает, что широкая коалиция представителей всех трех сословий дала первоначальный импульс движению протеста и направляла его, пока не была достигнута «первая победа буржуазии». Как показывает автор,

вмешательство обеспечивали так и не определенные члены «патриотической партии», возглавляемой «Комитетом тридцати», лишь девять членов которого называются по именам, при этом ни один из них не может считаться «буржуа» или представителем третьего сословия⁵. Когда же упоминаются другие лидеры, не принадлежавшие к упомянутому комитету, значительная их часть также оказывается принадлежавшей к первым двум сословиям. Каждый абзац, повествующий о тех или иных политических событиях, непременно включает в себя имена конкретных людей, бывших их инициаторами (во французском издании даже имеются иллюстрации с портретами некоторых из них⁶). Однако обезличенность образ буржуазии постоянно ретушируется констатацией важности ее действий и другими обобщениями.

Вот как, к примеру, представляются первые движения протеста против постановления парламента: «Объединяясь против привилегированных классов, буржуазия приняла имя, до того принадлежавшее всем, кто противостоял правительству. Она-то и сформировала ядро «национальной» или «патриотической» партии» (курсив мой. – Э.Э.) (52). Но кто же в реальности сформировал эту, якобы значительно более ориентированную на конкретный класс партию?

«...Крупные дворяне, герцог де Ларошфуко-Лианкур, маркиз де Лафайет, маркиз Кондорсе и некоторые члены парламента, Адриан Дюпор, Эро де Сешель, Ле Пелетье де Сен-Фаржо. Объединившись с такими банкирами, как Лаборд⁷, адвокатами вроде Тарже⁸, юристами и журналистами, как Бергасс и Лакретель, Серван и Вольней, эти люди возглавили движение. Эта партия была нацелена на совместную пропаганду. Как и у членов парламента и бретонской знати до них, каждый активно использовал свои личные связи. Таким же образом поступали и их корреспонденты в глубинке. ... Местом собраний основного контингента новой партии стал ряд салонов, таких, как салон мадам де Тессе, ставшей вскоре наперсницей Мунье. Журналисты же произносили свои речи в кафе...» (52–53).

Словосочетание «возглавили движение» сбивает с толку. Летом 1788 г. не было никакого «буржуазного» движения, организованного банкирами, членами академий, юристами и писателями, к которому могли бы присоединиться или которое могли бы возглавить крупные дворяне. Не было партии, имевшей какую-либо конкретную цель. Никого из так называемых «лидеров» нельзя считать «попутчиком», на ходу запрыгивающим в уже едущий фургон. Все они еще только собирались протрубить сбор и развернуть знамена, чтобы привлечь к себе сторонников (как они и поступили к концу зимы). Хотя в результате своих рассуждений автор приходит к выводу, что «буржуазия с самого начала продемонстрировала острое политическое чутье» (55), на самом деле он описал, как небуржуазные лидеры делали первые шаги, использовали тонкую политическую

⁵ См. их имена ниже, в цитате, посвященной данному комитету.

⁶ См. портрет Мирабо в полный рост (кисти Боза) и меньшие по размеру портреты Лафайета, Байи, Мунье, Сийеса, Ноайля в кн.: *Lefebvre G. Quatre-Vingt-Neuf*. P. 64, 112.

⁷ Более раннее описание аристократии указывает (13), что дочь банкира Лаборда стала графиней де Ноайль, тем самым связав род Лаборда с семейным окружением Лафайетов. Браки такого рода (между высшим дворянством и *haute bourgeoisie*) указывают на ошибочность разделения революционных лидеров на аристократические и буржуазные элементы. Следует заметить, что финансовые отношения, связывающие обе группы, не настолько значительны и не обязательно коррелируются с социальными, семейными или личными близкими отношениями. Так, деловые связи между аристократами, предпочитающими общество членов своего собственного класса, можно, вплоть до наших дней, практически не принимать во внимание. То, что д'Артуа вкладывал деньги в предприятия Жавеля (13), ничего не говорит нам о его политической или социальной ориентации.

⁸ По поводу важной и постоянной роли, которую сыграл этот академик, см. множество ссылок на Тарже в именном указателе.

тактику, широкие личные связи и извели немало чернил на то, чтобы организовать движение в поддержку требования о двойном представительстве третьего сословия.

Вопрос в том, существовал ли единый центр, управлявший этим движением протеста.

«...Руководящая роль, по-видимому, могла принадлежать лишь Комитету тридцати, о котором мы, к сожалению, знаем очень немного. Он собирался преимущественно в доме Адриана Дюпора, и говорят, что в него входили герцог де Ларошфуко-Лианкур, Лафайет, Кондорсе, герцог д'Эгийон⁹... Сийес... и Талейран... Мирабо также посещал эти встречи. Комитет вдохновлял памфлеты, разрабатывал образцы наказов, продвигал своих кандидатов, а также отправлял своих людей в провинции. ... Однако влияние Комитета Тридцати... было бы сильно преувеличено, если бы мы считали, что любое событие в любом городе происходило лишь во исполнение его директив. Средства связи того времени не позволяли осуществить никакого жесткого контроля. Если движение и ширилось, то лишь благодаря деятельности местной буржуазии...» (53–54).

Возможно, местная буржуазия и в самом деле активно действовала в провинциях, хотя информация об этих корреспондентах весьма туманна. Но, без сомнений, в Париже инициатива принадлежала отнюдь не местной буржуазии, а, скорее, группе нотаблей и никому не известных лиц из всех трех сословий, гетерогенной социально, но гомогенной идеологически. Единственное, что, судя по всему, объединяло парижских лидеров, – это их принадлежность к одним и тем же кругам общества или личные связи, а также их «предельная восприимчивость к новым идеям» (52). И дело совсем не в том, что все и повсюду происходило на основе распоряжений Комитета тридцати. А в том, и автор это показывает, что все, что *позволяли* государственные средства связи того времени, исходило от этой группы. На основе того, что происходило в Париже, и ряда других свидетельств кажется весьма вероятным, что в тех случаях, когда инициатива принадлежала местным слоям общества, она происходила от столь же гетерогенных провинциальных групп.

Рано сформировавшийся единый фронт против королевской власти характеризовался размытостью классовых границ. Дворянство не монополизировало провинциальное недоверие ко двору и великому городу Парижу. Враждебность централизованным устремлениям Бурбонов и их администрации, защита местной автономии провинциальных штатов объединили представителей различных классов. «Партикуляризм более, нежели привилегии», как мы узнаем позже, стал той силой, которая наиболее упорно сопротивлялась попыткам ликвидировать институты Старого порядка (165). И, напротив, классовые противоречия разделяли круги духовенства и правоведов. Разнообразные градации и различия, многочисленные виды неравенства и привилегий, которые приводили к смешению классовых группировок во Франции Старого порядка, не могли, если говорить коротко, послужить основой для ярко выраженного противоречия между любыми двумя большими классами. И это подтверждается при анализе различных мнений о представительстве в Генеральных штатах. Существенные разногласия по этому вопросу разделили представителей второго сословия. Собрание нотаблей, которое возглавлял граф Прованский, незначительным большинством голосов высказалось за удвоение представителей от третьего сословия (59). Да и само третье сословие ни коим образом не было едино по вопросу о привилегиях. Значительно ниже в монографии (и спустя год по хронологии) мы увидим, что «поскольку провинции и

⁹ Герцог д'Эгийон, сыгравший ведущую роль, совместно с Тарже, Лафайетом, а также зятем последнего, виконтом де Ноайлем, в ночь 4 августа 1789 г., описывается позднее, как «один из крупнейших землевладельцев Франции» (161).

города также обладали привилегиями, были люди внутри самого третьего сословия, которые тайно поддерживали аристократию» (157). «Будучи собственниками маноров и феодалов», «управляющими, посредниками или юристами на службе у лордов маноров», многие буржуа, как это выясняется позже, обеспечили аристократов «негласной поддержкой» (161). Так называемое «либеральное» дворянство и большинство приходских священников обеспечивали постоянную поддержку «патриотической партии». Таким образом, за неимением доказательств, нет оснований полагать, что протест против постановления парламента исходил на местах исключительно от представителей какого-либо одного класса или сословия. Приводимые свидетельства указывают как раз на обратное.

Ранее нам говорили, что в первом акте драмы: «класс аристократов создал организацию для политических акций, обмена корреспонденцией и рассылки инструкций по различным городам. Комитет Тридцати, которому вскоре предстояло принять на себя руководство третьим сословием, судя по всему, возник в качестве центра парламентского сопротивления» (33)¹⁰.

Если парижские лидеры третьего сословия возникли из организации, созданной «классом аристократов» (точнее, гетерогенной группой «нотаблей»), почему бы и местной инициативе не происходить из того же источника? И действительно, основные аргументы в пользу «удвоения третьего сословия» черпались в прецедентах, созданных королевскими министрами Неккером и Бриенном, экспериментировавшими с недавно созданными провинциальными собраниями (24, 32), и в ходе «аристократической революции» в защиту старых провинциальных штатов. В этой связи дважды упоминается (51, 55) пример с ассамблеей Визиля, когда «аристократия Дофине вышла из повиновения» (32) и, открыто бросив вызов королевскому министру, признала необходимость «удвоенного представительства третьего сословия, индивидуального голосования депутатов и равенства при налогообложении» (51)¹¹.

Кроме того, автор рассказывает нам и о том, как проводилась в жизнь программа, направленная на реализацию принципа удвоенного представительства:

¹⁰ Автор не учитывает очевидное противоречие, заключающееся в том, что центр парламентского сопротивления становится центром сопротивления власти парламента. Это только один из многих парадоксов, не очевидных благодаря стройности авторской схемы. Поскольку одна половина парадокса относится к первому акту, а другая – ко второму, читатель, как и автор, может забыть, что обе части все же взаимосвязаны. Так, бретонское третье сословие на страницах 18–19 представлено дворянами и привилегированными лицами. На страницах же 60–61 та же самая группа привилегированных лиц противостоит дворянству и духовенству до тех пор, пока не добивается равного налогообложения, которого она давно уже требовала. В этом случае парадокс, созданный усиленным подчеркиванием единого фронта привилегированных групп в первом акте, разрешается, если учесть, что муниципальная олигархия имела отнюдь не те же самые интересы, что и наследственное дворянство. Что же касается первого парадокса, для него мне так и не удалось найти столь же простого решения.

¹¹ Нигде анализ не оказывается столь запутанным, как в случае с этим поступком (32) аристократии Дофине. «Все еще... недовольная, поскольку Бриенн... даровал двойное представительство» (курсив мой. – Э.Э.) и индивидуальное голосование новым провинциальным ассамблеям, эта аристократия требовала возвращения старых штатов. Она открыто не повиновалась его отказу удовлетворить это требование, «получила поддержку буржуазии», а позже, в Визиле, создала ровно ту самую форму представительства, которая, как нам было сказано, и вызвала ее сопротивление. Если же рассматривать эту ситуацию скорее как противостояние Версаля и провинций, нежели аристократов и простолюдинов, она окажется куда менее загадочной. Региональное соперничество, превалировавшее над социальными противоречиями, оказалось за рамками данной монографии, однако оно не менее важно для понимания тех форм, в которые выливался предшествовавший Революции конфликт.

«План состоял в том, чтобы затопить правительство потоком петиций, за которые осенью 1788 г. должны были взять на себя ответственность муниципалитеты, хотели они того или нет. Так, например, в Дижоне некие двадцать «нотаблей»¹² собрались и решили вынести вопрос об удвоении третьего сословия и индивидуальном голосовании на рассмотрение их гильдий и корпораций» (56).

За этим последовал положительный ответ двадцати из пятидесяти гильдий¹³, сопротивление муниципальных властей, преодоленное путем захвата ратуши, и петиция Королю, составленная от имени третьего сословия Дижона. Сходные события произошли и в других городах Бургундии. Кто разработал эту «схему», кто подсказал вначале двадцати «нотаблям» Дижона, потом по всей Бургундии и, вероятно, по многим другим провинциям обширного французского королевства, чтобы они завоевывали на свою сторону гильдии и напрямую заставляли муниципалитеты подписывать аналогичные петиции? «Руководящая роль может, по всей видимости, быть приписана лишь Комитету тридцати» (53). Основываясь только на одном приведенном примере, мы можем констатировать отсутствие единодушия по данной проблеме среди жителей Дижона. Около тридцати гильдий не ответили на призыв. Потребовалось даже насилие для того, чтобы заставить городских олигархов подписать и отослать петиции.

Для того, чтобы представить разброс мнений по этому поводу внутри третьего сословия, потребуется анализ данных по всем бесчисленным аналогичным городам, разбросанным по всем провинциям Франции. Хорошо бы также было узнать, почему в приведенном примере некоторые горожане и члены гильдий (в особенности члены гильдии адвокатов) дали положительный ответ, в то время как другие – отрицательный. Однако, несмотря на очевидные противоречия, солидарность среди буржуазии фактически принимается на веру. На самом деле, в соответствии с авторской схемой, буржуазия выходит на авансцену, как только парижский парламент выносит свой вердикт.

«...При известии о том, что будут созваны Генеральные штаты, среди буржуазии прошла волна оживления. Впервые с 1614 г. король позволил ей говорить. Первоначально не предполагалось никакой борьбы... Признав удвоенное представительство третьего сословия, ассамблея Визилья произвела сильное впечатление... Казалось, что соглашение было совершенно невозможно¹⁴.

Но все внезапно переменялось, когда парижский парламент... постановил, что Генеральные штаты будет иметь тот же состав, что и в 1614 г. Поднялся ропот от одного конца королевства до другого. За один день популярность парламента исчезла» (51).

¹² Как всегда, когда в повествовании приводятся конкретные примеры, безликая буржуазия исчезает. Когда речь заходит о революционной инициативе, расплывчатая социальная терминология оказывается более подходящей, чем точные определения. Чем ближе мы к рассмотрению реальных людей, тем более далеки от четкой полярности классовых различий. Следует заметить, что даже ремесленники в некоторых случаях «считались нотаблями» (44) наряду с городскими олигархами, членами академий, магистратами и аристократами.

¹³ Во французском издании – двадцать, в версии Палмера – двадцать одна. (См. сноску 15.)

¹⁴ Предположение о возможности соглашения по вопросу представительства до издания постановления парламента, свидетельствовало бы о том, что проблемой стали заниматься раньше, нежели она возникла. Вопросы, по которым можно было бы наблюдать согласие или несогласие, были все еще незаметны на протяжении двух с половиной месяцев с 5 июля до 23 сентября 1788 г., когда волна возбуждения прокатилась по образованной части общества. Кажется вероятным, что никто, будь то буржуа или нет, толком не знал, чего ожидать после того, как стало известно о созыве Генеральных штатов; что скорее поощрялись все возможные надежды и планы, нежели существовали какие-то особенные ожидания того, как будут представлены сословия.

Средства связи, которые в свое время не позволили парижской организации проникнуть в провинции, оставленные на откуп местным инициаторам, очевидно были более эффективны в распространении новости о постановлении парламента. Однако вопрос о том, кто распространял эти новости и каким образом они распространялись, остается в стороне. Также не обсуждается, что значит «за один день» (*«du jour au lendemain»*). Что же касается того, как данная новость была воспринята, нам предлагают несколько недатированных замечаний Вебера и Бриссо, отмечавших, что мадам Ролан и Рабо-Сент-Этьен «отныне принимают активное участие в общественных делах». Автор приводит также слова Малле дю Пана: «Характер полемики совершенно изменился. Король, деспотизм и конституция – теперь уже вопросы второстепенные. Война разгорелась между третьим сословием и двумя другими» (52)¹⁵. Фраза Малле датирована. Она относится к январю 1789 г., более чем через три месяца после начала обсуждения вопроса об удвоении третьего сословия.

Судя по всему, именно это обсуждение, сопровождаемое «поразившим современников» числом памфлетов (54), повлияло на то, что зимой 1788–1789 годов общество стало принимать близко к сердцу темы, к которым до того времени оставалось равнодушным. Однако разочарование постановлением парламента и последовавшие за ним действия, направленные на то, чтобы его изменить, проистекали прежде всего от тех же группировок, которые уже проявляли активность в первом акте драмы. Однако автор замалчивает и изымает из общего движения протеста негодование, открытое неповиновение и эффективное противодействие этих группировок.

«Как того и следовало ожидать, некоторые представители привилегированных слоев проявили склонность дать определенное удовлетворение уязвленной гордости третьего сословия. 5 декабря 1788 года сторонники «национальной» партии в Парижском парламенте добились официального постановления о том, что парламент не намеревался выносить суждение о количестве депутатов в Генеральных Штатах, которое не установлено законом» (58–59).

«В частном порядке, – пишет также автор, – некоторые из привилегированных открыто высказывались в пользу третьего сословия» (59). Предположительно, публичное высказывание подобного отношения не приличествовало аристократии. Однако в цитируемом автором письме, написанном одним аристократом другому, прослеживается нечто большее, чем прохладная склонность дать простолюдинам «определенное удовлетворение»:

«Некоторые полагают, будто непривилегированным, которые в действительности являются основой и столпом Государства, не стоит иметь достаточного количества представителей в Собрании, коему суждено решать их судьбы. Это, и в самом деле, слишком оскорбительно и не приведет к нужному результату. В любом случае предмет достаточно прозрачен. Следовало бы быть более осторожными в том, что делается. ...Однако я чувствую, мой дорогой граф, что говорю вам то, что вы и так знаете, и наши мысли схожи» (59).

Приведенное письмо, конечно же, носит частный характер. Однако содержащиеся в нем суждения рождены определенным общественным настроением, происходящим из того же самого привилегированного социального слоя и воплотившимся не только в изменение парламентом его же собственного постановления, но и в официальный декрет от 27 декабря, даровавший третьему сословию двойное представительство.

¹⁵ Журналисты XVIII в., независимо от их способностей, были менее информированы, нежели их современные коллеги, но в равной мере недобросовестны. На самом деле, конфликт между третьим сословием и двумя другими расколол духовенство по этому вопросу.

Подобные действия вызывали значительную оппозицию в рядах многих аристократов, сопротивление которых, как рассказывает автор, заставило «многих буржуа стать еще более радикальными в своих идеях» (61). Наряду с последующим поведением бретонских депутатов и изменением взглядов Рабо-Сент-Этьена, нам предлагаются две иллюстрации подобного изменения отношения буржуазии. Одна из них – известный памфлет аббата Сийеса «Что такое третье сословие?» Другая – известная опубликованная речь графа Мирабо, восхваляющая Мария за уничтожение знати (61-62). Представляется сложным дать характеристику общественной позиции обоих указанных авторов в рамках привычного понятийного аппарата общественных наук. Мирабо был «дезертиром из дворянства», «чьим средством к существованию стало его перо, поставленное на службу Калонну и врагам Калонна» (71). Сийес был разочарованным членом второго сословия, не получившим епархии как простолудин; его «памфлеты сделали из него оракула» (69). В ходе своего служения Комитету тридцати оба они, «конечно же, состояли в контакте с герцогом Орлеанским» (54). Как публицисты, вышедшие из рядов первых двух сословий и в конечном счете избранные, чтобы представлять третье, они служат плохой иллюстрацией изменения отношения какого-либо одного общественного класса. Они куда более подходят для характеристики той аморфной социальной прослойки, к которым принадлежали все литераторы (группа, осуществлявшая мощное давление). Именно из этой прослойки в первую очередь исходили нападки на деспотизм, привилегии и все традиционные правящие элиты.

Согласно приведенным далее фактам, обида на постановление, которое воспринималось как оскорбление всех непривилегированных, не ограничивалась рамками буржуазии. Та не стояла ни у истоков, ни у руля движения по обсуждению постановления, распространению памфлетов и петиций за его отмену. Все, что предпринималось для того, чтобы заставить парламент отменить свое постановление, исходило не от буржуазии. Однако все эти меры истолковываются как единый план, реализованный осенью 1788 г.:

«Всеми этими средствами буржуазия привела «нацию» в движение. Именно ее интриги осудили тогда и продолжают осуждать до сих пор. Однако, незадолго до этого, аристократия действовала в том же ключе. Каждое политическое движение естественным образом имеет своих подстрекателей и своих лидеров¹⁶. Никто даже не осмеливался утверждать, что *третье сословие*, приглашенное принять участие в Генеральных штатах, посчитает естественным оставить за аристократией руководство собранием. Таким образом, то, в чем *обвиняли лидеров патриотической партии*, – это лишь пробуждение нации, стряхнувшей с себя оцепенение и организовавшей для защиты своих интересов» (курсив мой. – Э. Э.) (56)¹⁷.

При этом необходимо учесть, что под «оцепенением» имеется в виду политическая пассивность молчаливых подданных, привыкших за сотни лет предоставлять другим право решения государственных дел. В противном случае можно не заметить необходимость объяснения того, как это оцепенение было сброшено. К тому же тогда еще не было «нации», способной прийти в движение или, что еще более проблематично, пробудиться и организовать. Поскольку не

¹⁶ Тем самым предполагается, что движение само порождает подстрекателей и лидеров. Некоторых – да, но, на мой взгляд, в данном случае происходило обратное.

¹⁷ Использование курсива объясняется необходимостью показать двусмысленность авторских суждений о группе, чья деятельность здесь обсуждается, о том, кто кого привел в движение и кто защищал чье дело. Автор использует как минимум четыре, а возможно, пять или шесть собирательных образов буржуазия, лидеры патриотической партии, третье сословие, «нация», подстрекатели и лидеры.

приводится никаких доказательств «интриг» безликой буржуазии – разрозненные и неорганизованные простолюдины были не в состоянии вести такие интриги, – остается только недоумевать по поводу тех средств, коими «нация» оказалась приведена в движение.

Как уже было отмечено, интриги лидеров патриотической партии проанализировать можно. И не удивительно, что они аналогичны предпринимавшимся «аристократией незадолго до этого». Поскольку большинство этих лидеров – те же самые люди, чью тактику автор «незадолго до этого» описывал (в связи с политической организацией аристократов), прежде чем заставил их «встать» на ту же сторону, что и буржуазия. На самом же деле, он показывает, как они меняют свою позицию, определяя тему дебатов и направляя общественное мнение еще до того, как появился реальный водораздел. Как они могли встать на сторону людей, о которых еще никто ничего не знал?

Задавая этот вопрос, мы вполне обращаем внимание на тот факт, что политика, проводимая указанными лидерами, не была бы успешной, если бы вскоре не получила поддержки со стороны тех людей, о которых еще никто ничего не знал. Безусловно, подобная мощная поддержка со стороны образованных простолюдинов требовалась для того, чтобы последующие события разворачивались так, как они разворачивались. Однако нас более интересует вопрос о том, кто выступал, нежели все непредвиденные последствия этого выступления. Вопрос ставится таким образом, чтобы обозначить необходимость различать, как современники группировались до самого события и как историки перегруппируют их после него. Если это различие не проводится, появляется тенденция изображать лидеров патриотов как «приспособленцев», которые вначале блокировались с одной группой, а затем (во многих случаях, «дезертировав из своего класса») примкнули к другой. Факты же, напротив, свидетельствуют о том, что они играли решающую роль именно потому, что не вели себя как «приспособленцы», не меняя своей позиции, проявляя постоянную волю и упорство на пути к намеченной цели.

«Никто даже не осмеливался предполагать, что третье сословие посчитает естественным оставить за аристократией руководство Собранием». Сам автор показывает, что, не будь сословия разделены, многие из представителей третьего сословия голосовали бы за то, чтобы быть представленными аристократами (55). То, что казалось «естественным» людям накануне Французской революции, необходимо отличать от того, что представляется «естественным» позднейшим историкам. Без сомнения, немногие традиции Старого порядка казались естественными людям, воспринявшим идеи Просвещения. Но большинство из них, вероятно, казалось естественным тем, кто их не воспринял. И обе группы противостояли по вопросу о том, что казалось «неестественной» неопределенностью в отношении числа представителей при более ранних созывах Генеральных штатов. Ибо, как выяснилось на основании сохранившихся источников, хотя третье сословие должно было отправить по одному своему представителю на каждого представителя двух других сословий, в реальности оно было представлено куда большим количеством делегатов, которые превосходили в числе и дворянство, и духовенство, взятые по отдельности. При этом точное количество делегатов изменялось от созыва к созыву¹⁸, что, впрочем, не имело особого значения благодаря неестественной договоренности из раза в раз голосовать раздельно по сословиям¹⁹.

¹⁸ У Лефевра эти проблемы не обсуждаются; приведенные сведения взяты из кн.: *Thompson J. M. The French Revolution. N. Y., 1945. P. 4.*

¹⁹ Лефевр отмечает всю хитроумность борьбы за удвоение представительства третьего сословия притом, что вопрос о индивидуальном голосовании оставался открытым (55, 59–60).

В этом плане невозможно было в точности следовать прецеденту 1614 г. Когда оказалось нужным возродить Генеральные штаты спустя более чем полтора века с момента их исчезновения, подобная неопределенность в отношении числа представителей уже не казалась естественной ни одной заинтересованной партии. Тот факт, что некоторые провинциальные штаты восемнадцатого века уже удвоили представительство третьего сословия и перешли на индивидуальное голосование предполагает, что Франция пострадала от того, что допустила атрофирование Генеральных штатов в течение семнадцатого и восемнадцатого веков. На месте относительно гибкого института, способного приспособливаться к изменениям в обществе, французы получили лишь хрупкий прецедент, который надо было либо искусственно возродить, либо намеренно разрушить. Другого выбора не было. Задуматься об этом и ясно высказаться о том, как должен быть построен этот политический организм, пришлось каждому нотаблю. И возникшее в итоге разделение мнений имело в своей основе противостоящие одна другой концепции правильной организации общества, несовместимые представления о том, как им должно управлять, и соперничающие честолюбия по вопросу о том, кто им должен управлять.

Совпадало ли подобное разделение с разделением между первыми двумя и третьим сословиями? Не прошло ли оно, в первую очередь, через те слои, которые только-только вышли победителями из своей долгой борьбы с короной и рассчитывали в полной мере воспользоваться ее плодами? Не следует ли нам обратить свои взгляды к «либеральной» аристократии прежде, чем к буржуазии, чтобы увидеть «полное осознание своей исторической миссии», обрисованной «мыслителями восемнадцатого столетия» (50)? По меньшей мере, те люди, которые считали неестественным оставлять за аристократией руководство Собранием, которые всеми силами стремились привлечь к проблеме внимание соотечественников, оказались (во всяком случае, многие из них) маркизами, графами, епископами, аббатами – иными словами, представителями первых двух сословий.

Почему именно *они* считали неестественным последовать, насколько это было возможно, прецеденту 1614 года? На данную проблему можно посмотреть по-разному. Но почему вообще лидерам патриотической партии понадобилось поднимать этот вопрос? Требуется объяснить, почему он, скажем так, сам собой возник перед этими лидерами именно в такой форме, и почему им потребовалось искать поддержки у единомышленников из своих соотечественников. Парижский парламент решил этот вопрос иначе. Недавнее исследование дворянства мантии восемнадцатого столетия показывает, почему для него было «естественным» так поступить²⁰. Но и Комитет тридцати, судя по всему, вышел из тех же кругов дворянства мантии. Члены Парижского парламента: Адриан Дюпор, Эро де Сешель, Лепелетье де Сен-Фаржо, а также безымянные сторонники «национальной» партии, добившиеся постановления от 5 декабря 1788 г., упорно и успешно трудились, чтобы вызвать протест против постановления того самого института, к которому сами же и принадлежали. Это именно тот вид целенаправленной деятельности активного меньшинства, как внутри, так и вовне

Косвенным образом он показывает, насколько политически необходимо для патриотов было отложить этот вопрос. Однако он ни разу не поясняет, что, когда пропагандисты оговаривали необходимость «индивидуального голосования» или когда, как это было в случае с Дижоном, муниципальные власти препятствовали этому (56), раздельное посословное голосование в ходе выборов в Генеральные штаты принималось всеми и безоговорочно. Индивидуальное голосование относится только к той процедуре, которой станут следовать в Версале, после того как туда прибудет удвоенное третье сословие.

²⁰ Ford F. Robe and sword' the Regrouping of the French Aristocracy after Louis XIV. Cambridge, 1953.

должным образом конституированных институтов, который можно недвусмысленно назвать «революционным». Поскольку современники не могли его предвидеть, власти оказались не в силах его предвосхитить. Поскольку он не укладывался в привычные рамки многолетнего опыта политических убийств и подрывной деятельности, характерных для предшествующих «смутных времен», поскольку его нельзя было приписать ни одному двору или кабинету, ни одному иностранному агенту, ни одному классу, группе или региону, для его объяснения возникнут новые мифы о заговорах (включая те, в которых будут действовать безымянные агенты, направляемые невидимой рукой).

Вместо того чтобы отдельно изучить поведение этого меньшинства, состоявшего из единомышленников от всех трех сословий, в монографии «Начало Французской революции» оно показано как маргинальное и несущественное. Относящиеся к нему факты постоянно подчиняются ясной схеме, согласно которой каждый большой класс действует независимо от других в своих собственных интересах. Таким образом, когда, например, революционная инициатива исходит от определенных аристократов, автор отвлекает от нее внимание и переводит его на сопротивление других аристократов. Те, чья активность провоцировала первоначальный конфликт, либо показаны безучастными наблюдателями, либо им отводится роль массовки во втором акте. На тех же, кто вел себя как и полагается типичным аристократам, возложена ответственность за то, что они не присоединились к воле «большинства», которую видят историки из сегодняшнего дня, но которая была совершенно неочевидна современникам. По словам автора, причиной развития конфликта было то, что большинство аристократов действовало так, как они привыкли, и ожидало того же от других. И если бы они повели себя иначе, согласие было бы достигнуто. Таким образом, тем, кто на самом деле *не* являлся движущей силой на начальном этапе революции, приписывается даже более определяющая роль в активизации конфликта, чем тем, кто являлся.

«Правда и то, что ряд дворян не отличался узостью взглядов. Этим людям в Генеральных штатах предстояло стать союзниками третьего сословия, взять на себя инициативу отмены привилегий ночью 4 августа и проголосовать за Декларацию прав человека и гражданина. Не то чтобы они оставили надежду сохранить в обновленном государстве свою ведущую роль. Скорее, они просто рассчитывали на престиж собственных имен, влияние своих богатств и востребованность своих способностей. ...Самое главное заключается в том, что они согласились²¹ быть, с точки зрения закона, лишь гражданами Франции. Но они составляли *явное меньшинство*, в противном случае революция произошла бы по взаимному согласию.

Следовало ли третьему сословию покорно и почтительно согласиться с тем, что собиралось ему предложить подавляющее большинство аристократии? В любом случае оно так не думало и во всеуслышание добивалось равенства перед законом. Строго говоря, с этого самого момента и началась революция 1789 года» (курсив мой. - Э. Э.) (36–37).

Здесь опускается занавес после первого акта драмы. Анализ социальной структуры буржуазии готовит декорации для второго. И этот анализ кажется неуместным рядом с риторическим вопросом о том, что следовало делать третьему сословию. В равной мере он почти ничего нам не дает, когда мы пытаемся понять, как начиналась Революция. Поскольку на самом деле

²¹ По словам автора, они не только согласились; они активно стремились к этому результату. Они не просто голосовали за декларацию; именно они были первыми, кто ее предложил (Лафайет, 11 июля 1789 года) (89). Совместно с другими членами Комитета тридцати они также играли важную роль в разработке этой декларации.

следовало бы спросить, что сделали бы эти разнородные, разрозненные и не объединенные политически члены третьего сословия, если бы им не предложили крайне привлекательную и очень ясную альтернативу почтительной покорности. На наш взгляд, что бы они ни думали и ни делали и как бы широко ни распространилось латентное возмущение привилегиями аристократов, если бы им не предлагалось для подписания такое количество одинаковых петиций и для прочтения такое количество схожих памфлетов, все вылилось бы в кратковременный слабый резонанс на местном уровне. Даже сегодня существует множество разнообразных способов потребовать равенства перед законом. Их было куда больше в обширном французском королевстве времен Старого порядка, где правосудие осуществлялось по-разному в зависимости от региона и социальной группы, где не было единого закона, перед которым можно было бы потребовать какого бы то ни было равенства.

Если зимой 1788 г. одно из требований и прозвучало «во всеуслышанье», то лишь потому, что через множество разрозненных муниципалитетов по всему королевству проводилось достаточное количество схожих петиций, направленных против постановления парламента и против лишь одного из аспектов этого постановления, касающегося состава, выборов, созыва и процедурных вопросов в будущих Генеральных штатах – удвоенного представительства третьего сословия. Поскольку для проведения этих петиций требовалось проявление инициативы на местах и поскольку она проявлялась во многих не связанных друг с другом регионах, можно подумать, что, грубо говоря, значительное число простолюдинов по всей стране было не готово покорно и почтительно согласиться с тем, что предлагала им законная власть. Однако если вспомнить восстания и подрывную деятельность, имевшие место ранее, становится очевидно, что отказ подчиниться законным властям – это не то, что отличало движение протеста образца 1788 г. от иных «смутных времен». До тех пор бывало, что подобное неподчинение продолжалось на протяжении значительно большего времени и выливалось в «спорадические» эпизоды, либо, когда оно было сконцентрировано во времени, то разделялось на столь территориально разрозненные требования и события, что даже сейчас историки встречаются со значительными трудностями, пытаясь их систематизировать и упорядочить²². Зимой же 1788 года движение протеста имело место в крайне небольшом временном интервале и выглядело на редкость единообразно. Для согласованности этих акций, очевидно, необходима значительная центральная организация. И единообразный характер протеста во многом объясняется беспрецедентным использованием тиражированных печатных материалов.

Этот ропот, поднявшийся от одного конца страны до другого, приписывался третьему сословию и, как казалось, именно от него и исходил. В некоторых регионах, указывает автор, «крестьяне и рабочие заполняли залы, все третье сословие подписывало (или штамповало?) петиции» (56). Хотя они и составляли большинство непривилегированных, «основу и столп общества», и хотя к тому времени было решительно не ясно, каким образом окажется представлено третье сословие²³, участие в этих акциях крестьян и рабочих обычно не воспринимается как проявление революционной активности. В то же время аналогичное участие небольшого числа образованных простолюдинов, которые не занимались ручным

²² О дискуссии, касающейся противопоставления «вертикальных» группировок «горизонтальным» фронтам, касающейся «щекотливого вопроса» об участии различных социальных групп в антиправительственной деятельности семнадцатого столетия, см.: *Bernard L. French Society and Popular Uprisings under Louis XIV // French Historical Studies*. 1964. III. P. 454–474.

²³ В наказах предлагалось и предполагалось, чтобы правительство создало отдельное сословие из крестьян или обеспечило отдельные выборы городских и сельских депутатов (65).

трудом и по различным критериям определялись как «буржуазия», именно так и воспринимается. Однако эти люди, разбросанные по всем провинциям Франции и находившиеся в «совершенно различных условиях» (46), вряд ли более, чем их неграмотные соотечественники, подходят для объяснения того единства и одновременности, которые позволили требованиям третьего сословия прозвучать во всеуслышание. Им еще только предстояло встретиться, найти некую основу для взаимного соглашения или понять различие своих интересов²⁴.

С другой стороны, лидеры сопротивления короне уже участвовали в Собрании нотаблей и уже выявили различие своих интересов. Действия Комитета тридцати были бы непонятны, если бы мы считали, как, по всей видимости, и делает автор, что «аристократическая революция» совершалась людьми, которые боролись с королевским деспотизмом лишь при помощи старых феодальных лозунгов или, более новой, «*these nobiliaire*». Приводимые в монографии факты показывают, что в движении принимали участие и те, кто имел более «либеральные» взгляды на управление государством; кто заботился не только об общем благе, но и об удовлетворении собственных притязаний. Из этих фактов мы также можем сделать вывод о том, что эти либеральные нотабли вращались в кругах, включавших в себя талантливых простолюдинов, предпочитали их общество, уважали их суждения и компетентность порой более чем у выходцев из их собственного социального слоя. Такие люди в конечном счете составляли меньшинство аристократии. Но это отнюдь не значило, что они были парализованы, предавались молчанию или бездействовали. Речь идет о значительном и могущественном меньшинстве, которое уже успело объединиться с не столь уж незначительным меньшинством талантливых простолюдинов, умевших особенно искусно обращаться с пером. Они уже создали организацию для политических действий и переписки со всеми провинциями, уже заложили основу для расплывчатой «национальной» или «патриотической» партии. Встретив противодействие, они не потеряли инициативу. Напротив, они стали действовать как лидеры независимой коалиционной партии.

«Объединяясь против привилегированных классов, буржуазия приняла имя всех тех, кто до сих пор выступал против королевской власти. Она сформировала «национальную» или «патриотическую» партию. Те из привилегированных групп, кто сумел воспринять новые идеи, примкнули к ней... Партия организовывалась ради пропаганды» (курсив мой. – Э. Э.) (52).

Мы можем возразить, что «партия» организовывалась не в большей степени, нежели «буржуазия» объединялась, принимала имя и формировала партию. Пока люди объединялись, партия принимала имя, формировала и организовывалась ради пропаганды, отдельные нотабли, «не отличавшиеся узостью взгляды» и составлявшие «явное меньшинство», играли лидирующую роль. Нам будет довольно сложно говорить о причине начала Революции 1789 г. без той преемственности руководства, которую они обеспечивали. «Взаимное согласие» не оставляет места для революционной деятельности. Исключения в виде нетипичных меньшинств можно опустить, поскольку они только лишний раз доказывают правило, а не опровергают его. Но их необходимо рассматривать при изучении исключительных событий. В этом случае необходимо, скорее, определить, как правила нарушались, нежели как они доказывались.

Завершая свой рассказ о «первой победе», достигнутой в ходе «буржуазной революции», автор утверждает, как всегда косвенно, что в ходе предвыборной кампании, последовавшей за успешным движением протеста, инициатива оставалась в тех же руках. Успех патриотической партии на выборах создает

²⁴ Делегаты третьего сословия, прибывшие в Версаль в мае 1789 г., «были неизвестны друг другу, и было невозможно предсказать, как далеко они пойдут» (78).

разительный контраст с провалом попыток Неккера и других королевских министров составить список кандидатов, преданных программе желаемых реформ. Контраст наблюдается также и с неуклюжими и нескоординированными попытками председателей ассамблей бальяжей оказать личное влияние на ход выборов (66). «Начиная с 1789 г. существовали политические партии с организацией даже более сильной, чем имели в то время патриоты, однако ни одна из них не встретила столь малое сопротивление со стороны правительства» (67). Однако до 1789 г. правительство пыталось мобилизовать свои силы против бунтующих элит: парламентов, провинциальных ассамблей, муниципальных корпораций (не говоря уже о разнообразных религиозных орденах, длинных руках Рима, и иностранных дворах). Однако у него не было опыта борьбы с независимой оппозиционной партией внутри страны, возглавляемой широкой коалицией аристократов, духовенства, писателей и лиц свободных профессий, которая мобилизовывала общественное мнение против этих элит и использовала для этой цели всевластную печать, ранее обращенную против короны парламентами, а теперь, впервые во Франции, освобожденную из подпольных каналов, в которые она была загнана²⁵.

Что воистину удивительно, так это то, что за год до созыва Штатов могла быть организована хотя бы рудиментарная политическая партия, составлены списки кандидатов, предложены основы реформы, а не то, что последующие партии будут лучше организованы, и не то, что правительство не могло предвидеть этой конкретной партии. По этому поводу автор говорит, что «Комитет тридцати... принял на себя руководство, размах которого невозможно определить» (66–67). С другой стороны, у него не вызывает сомнений, что «предприимчивые буржуа повсюду согласовывали свои действия²⁶, чтобы управлять ассамблеями городов и бальяжей, а также, возможно, многими приходскими ассамблеями, предлагая кандидатов и распространяя образцы наказов. Эти образцы либо присылались из Парижа, либо, что чаще, создавались на местах» (67).

Эти «предприимчивые буржуа», предлагавшие кандидатов и составлявшие на местах образцы наказов независимо от образцов, высланных из Парижа, естественно, оказываются безымянными. Автор выделяет две социальные группы, игравшие определяющую роль: юристы, «бывшие весьма влиятельными», и сельские священники, «немало им помогавшие». Данный пример не единственный, но наиболее показательный, когда оказывается незамеченной очевидная разница между образованными людьми (которыми, несомненно, являлись сельские священники) и «предприимчивыми буржуа» (которые, очевидно, таковыми не являлись²⁷).

²⁵ Когда король, обещая 5 июля 1788 г. созвать Генеральные штаты, призвал своих подданных в своем традиционном приглашении выражать свои взгляды, он «тем самым не подразумевал даровать свободу печати», однако небывалое распространение памфлетов нарушило его замысел, высвободив поток, который «поразил современников» (54).

²⁶ Какими бы предприимчивыми они ни были, эти люди, расположенные «повсюду», физически не могли «согласовывать свои действия», чтобы убедить электорат голосовать за определенный список кандидатов. Требуется одна группа людей, собранная в одном месте, чтобы присматривать за тем, чтобы все остальные не «направились» в разные стороны.

²⁷ Многие буржуазные семьи направляли одного сына на духовное поприще, в то время как другого – на юридическое. Но для первых существовала большая вероятность того, что они будут приписаны к городским церковным кафедрам, нежели к деревенским приходам. Они оказывались наименее предприимчивыми среди потомков буржуазии. И наконец, применять термин «буржуа» и по отношению к сельским священникам, и по отношению к «верхушке дворянства, чьи условия жизни приближали их к буржуазии» (14), означает вывести толкование этого и так неточного термина далеко за пределы его и без того оспариваемых рамок. Есть что-то невероятно неправильное в структурной модели, которая причисляет высшее дворянство и низшее духовенство к среднему слою «среднего класса».

Это различие представляется настолько существенным для всех теорий, касающихся происхождения Французской революции или «прихода буржуазии к политической власти», что на нем следует остановиться подробнее. Поскольку в избирательных ассамблеях происходили также и обсуждения, нам сообщают, что «в прениях [доминировали] наиболее влиятельные буржуа или те, кто был лучше осведомлен в общественных делах и привык к публичным выступлениям, в частности, юристы... На ассамблеях бальяжей крестьяне, которым не хватало образования и умения выражать свои мысли, покорно позволяли собой руководить. Результатом стало то, что третье сословие оказалось представлено только буржуа» (65).

В свете упомянутого существенного различия, мы можем возразить, что третье сословие было представлено практически преимущественно (за исключением трех священников и дюжины дворян [67]) непривилегированными образованными мирянами. Наличие образования, независимо от его источника и эпохи, начиная с XVI в. было единственным, что определяло социальный состав третьего сословия. Если рассматривать образованных простолюдинов как группу, у них не было никакой социальной структуры или номенклатуры – средневековые институты не были предназначены для того, чтобы принимать их в расчет. Однако в бесчисленных деревнях и даже в некоторых небольших городах они составляли тем не менее весьма обособленную группу. Сельский учитель оказывался столь же вездесущ, как и приходской священник. Последние не имели шансов стать депутатами третьего сословия. Юристы же, «проживавшие в деревнях или часто их посещавшие для участия в судах маноров» (67), в ряде случаев представляли единственную возможную альтернативу.

Одна из причин столь разнообразного определения «буржуазии» заключается в невозможности соотнести эту группу (по статусу, роду занятий, экономической роли, образу жизни и т.д.) с гораздо более аморфным сообществом людей, которое, еще со времен изобретения печатного станка, выделилось из рядов неграмотного населения, овладев печатным словом. К кому еще, если не к таким людям, могло обратиться это население, если традиционные образованные элиты – учителя, проповедники, служащие, чиновники – вышли из игры? Можно только гадать, насколько большее число священников, аристократов или высших чиновников могло бы быть избрано вместо юристов и других образованных простолюдинов, не будь они исключены из выборов.

Приводимые факты свидетельствуют о том, что лидеры патриотической партии опасались того, что такое число могло быть значительно больше:

«Явно опасаясь, как бы престиж представителей привилегированных сословий не позволил им убедить простолюдинов выдвинуть себя для представления интересов последних, патриотическая партия нередко требовала и продолжала требовать, чтобы каждое сословие избирало делегатов из своих собственных рядов» (55).

Однако данная мысль высказывается автором не для того, чтобы показать, что выборы были не совсем честными, благодаря жесткому требованию разделения сословий, а скорее как свидетельство «умеренности третьего сословия», вопреки нетипично «резкому тону» памфлета Сийеса. «Патриотическая партия, на самом деле, отнюдь не требовала, чтобы выборы в Генеральные Штаты производились без учета трех существующих сословий» (55). Конечно, она к этому не стремилась. Для того, чтобы получить подавляющее большинство, состоящее из удвоенного числа представителей третьего сословия, приходские священники и либеральные дворяне под руководством патриотической партии должны были держать электорат разделенным вплоть до окончания выборов. Внезапное восхождение к власти третьего сословия во многом обуславливалось тем, как

были сформулированы и на каких этапах преподносились требования «равенства перед законом». Неожиданное появление решающего большинства, составленного из доселе политически пассивных, безвестных образованных простолюдинов (что часто описывается как появление на политической арене «революционной буржуазии»), парадоксальным образом зависело как от сохранения средневековой традиции разделения и качественных различий между сословиями, так и от проведения в жизнь идеи об удвоении третьего сословия, тогда как требование слияния сословий и личного голосования оставалось в резерве до тех пор, пока действие не было перенесено из провинций в столицу.

Это большинство стало своеобразным результатом использования в течение одного года двух полностью несовместимых, абсолютно средневековой и абсолютно современной, концепций политического организма; иерархической, гетерогенной и качественной; эгалитарной, гомогенной и количественной²⁸. Это требовало намеренного разделения того, что по всей стране могло бы слиться воедино, если бы процедуры были последовательно основаны на современных юридических фикциях: сельского, провинциального электората и его традиционных правителей и лидеров. Помимо этого, в общую массу единого непривилегированного сословия оказались смешаны группы, которые на самом деле были разделены – не только традиционными границами регионов и социальными градациями, но и зияющей пропастью неграмотности. Лишь небольшое меньшинство, стоящее на одном краю этой пропасти, принадлежавшее к читающей публике, обслуживаемой просветителями и представлявшее собой наименее типичную часть третьего сословия, было таким образом избрано, посредством весьма неестественного отбора или исторической «случайности», чтобы представлять в Версале всю нацию. Это результат соединения атрофии французских представительских институтов, поощряемой короной, с неравномерным влиянием грамотности, которое тогда не осознавалось и никем не контролировалось. Их свели вместе исторические обстоятельства, а не потворство политиков, ни один из которых, скорее всего, даже ясно не представлял себе, что, собственно, произошло. Но лидеры патриотов, по крайней мере, полностью воспользовались всеми преимуществами предоставленной им возможности воскресить давным-давно забальзамированную электоральную практику пятнадцатого столетия в интересах недавно разработанных юридических фикций столетия восемнадцатого, и тем самым подавляющим большинством превзойти старые элиты. Лефевр настолько абсолютно упускает это из виду, что позже в своих рассуждениях он объясняет невозможность сразу объединить сословия еще в провинции социополитическим отставанием, которое препятствовало повсеместной ликвидации Старого порядка.

«Три сословия, хотя они и были объединены в Собрании, не исчезли из социальной структуры нации. Представителям третьего сословия даже не пришлось в

²⁸ Конфликт, проистекавший из противопоставления этих двух концепций (одна принадлежит эпохе рукописной культуры, другая – печатного станка) был тщательно проработан в ходе парламентских дебатов во время кризиса, предшествующего принятию английского Билля о реформе 1832 г. И он ни разу не становился объектом специального обсуждения во Франции XVIII в. (где уровень грамотности был, возможно, ниже, чем в Англии семнадцатого, хотя у сельского населения было избирательное право, которое в Англии появится лишь в 1885 г.), поскольку те, кто мог бы отстаивать старые порядки (значительно более убедительно, чем сторонники гнилых местечек), были сведены к бессильному меньшинству еще до появления Национального собрания. «Делегация дворянства включала в себя нескольких талантливых людей, однако обстоятельства воспрепятствовали тому, чтобы их участие могло быть почувствовано» (67). Французская аристократия могла быть менее гибкой, чем английская, но она столкнулась с более неприятным решением, которое ей пришлось проглотить, причем ее заставили сделать это в течение одного года, а не столетий.

голову настаивать на выборах нового Собрания – и тем самым дворянство и духовенство сохранили свои места, хотя и представляли незначительное меньшинство французов. ...Таким образом, нельзя утверждать, что третье сословие предполагало установить классовое правление» (89–90).

Дворянство и духовенство, которые сохранили свои места, действительно могли представлять незначительное меньшинство населения. Но и образованные простолюдины представляли не намного большую его часть. Если судить по более ранним опасениям патриотов, если бы выборы в новое Собрание происходили сразу после объединения сословий, в Версале заседали бы скорее больше, нежели меньше дворян и священников.

«Разделите человечество на 20 частей, и 19 из них составят те, кто зарабатывают на жизнь своим трудом и которые никогда не узнают о том, что жил на свете Локк, да и много ли в двадцатой, оставшейся, людей, которые умеют читать? А среди тех, кто читает, двадцать читает романы и лишь один – труды ученых. Количество мыслящих людей чрезвычайно мало, и они даже не помышляют о том, чтобы побеспокоить этот мир»²⁹.

Если мы заменим в приведенном высказывании Вольтера «человечество» на французское общество восемнадцатого столетия, то обнаружим, что оно, хотя, возможно, и иронично, тем не менее весьма обоснованно. Чрезвычайно небольшое количество французов восемнадцатого века умели читать, слышали о Локке, предпочитали науку романам и умели «мыслить», но большинство из них, конечно, и не помышляло о том, чтобы побеспокоить этот мир. Они никогда не участвовали в дворянских заговорах или народных мятежах – ни до эпохи Вольтера, ни в течение десятилетия после его смерти. Их внутреннее спокойствие наверняка нарушали безмолвные диалоги с любимыми авторами, труды которых избегали внутренней цензуры – так же как посредством подпольных каналов избегали и внешней. Но о чем бы они ни мечтали (а никто не может проникнуть в мысли читателей), они оставались политически пассивными, возможно единственными добропорядочными подданными в периодически ввергаемом в хаос королевстве. Погруженные, в целом успешно, в различные виды торговли, в свои занятия и профессиональную деятельность, они, на самом деле, имели что терять, и мало могли приобрести от нарушения внутреннего мира. Даже после того, как делегаты, набранные среди этого «незначительного меньшинства» грамотных горожан, которые «по большей части были зрелыми людьми, ведущими комфортное существование... образованными... специалистами в своих профессиях» (68), прибыли в Версаль, целых шестьсот человек, лидеры патриотической партии имели все основания рассчитывать если не на крестьянскую покорность, то, по крайней мере, на прочную поддержку этих политических неизвестных. И у них не было никаких оснований ожидать, что их собственную роль историки будущего станут рассматривать как подчиненную по отношению к тем, над кем они доминировали. По крайней мере, пройдет еще один год, прежде чем их ожидания окажутся необоснованными.

Как замечает автор, говоря о Национальном собрании, «характерно также, что, по крайней мере поначалу, наиболее заметные лидеры были представителями привилегированных классов» (69). И предлагает читателю сделать из этого наблюдения вывод о том, «какое место сохранила бы аристократия в государстве, пойдя она на компромисс» (69), тогда как мы сделали бы вывод о том, какую роль привилегированные нотабли сыграли в начале Французской революции именно

²⁹ *Voltaire F. Lettres Philosophiques: XIII – sur M. Locke.* Цит. по: *Randall J.H. The Making of the Modern Mind: a Survey of the Intellectual Background of the Present Age.* Cambridge, Mass., 1926. P. 363. См. также другой, более полный перевод в: *The Career of Philosophy, From the Middle Ages to the Enlightenment.* New York, 1962. P. 870.

потому, что они не пошли на компромисс. И какую роль бывшие члены Комитета тридцати и их друзья продолжали играть в Национальном собрании. Поскольку в числе игравших видную роль в событиях и реформах 1790 года называются не только Сийес, Мирабо и Тарже, избранные от третьего сословия, и Талейран, представлявший первое, но также такие члены второго сословия, как Лафайет, Лалли-Толендаль, Клермон Тоннер, виконт де Ноайль, герцог Эгийон, Матье де Монморанси, Адриан Дюпор, Шарль и Александр де Ламеты (68)³⁰.

Таким образом, факты, приводимые автором по «дискуссионному вопросу о том, кто же «начал Революцию», приводят к выводу, что с первого Собрания нотаблей, созванного Каленном в 1786 г., на протяжении всего 1789 года, да и после него, инициатива исходила от расплывчатой коалиции единомышленников, принадлежавших ко всем трем сословиям. Никакая устоявшаяся терминология из общественных наук не кажется применимой к этой группе, чей коллективный портрет еще предстоит написать. Судя по частоте, с которой в связи с Комитетом тридцати и лидерами патриотической партии называются одни и те же имена, эта группа была невелика – примерно то же количество людей, которое мы видим на коллективном портрете наших «отцов-основателей». И хотя бы какая-то коллективная биография этих людей кажется необходимой для того, чтобы понять, как же начиналась Революция 1789 года. Это не представляет столь серьезной проблемы, как попытка проанализировать социальную структуру Франции XVIII в. Однако по контрасту с тем, как необычайно ловко Лефевр обращается с последней, практически непреодолимой проблемой, он на редкость небрежно обходится с первой, более легкой и куда более уместной.

В силу этого только три из его наиболее «выдающихся лидеров» удостоены в книге хотя бы схематичных набросков. Маркиз де Лафайет любопытным образом оказывается «воплощением буржуазной революции». Его «романтические иллюзии и юношеское тщеславие» доминируют над «политическим опытом и чувством реальности». Он послужил скорее «символом, нежели лидером» (69). Аббат Сийес, «теоретик» и «движущая сила юридической революции», был «известен лишь буржуазии» (несмотря на его служение Комитету тридцати и контакты с герцогом Орлеанским?). Хотя он не был «ни оратором, ни человеком действия», он «в первые недели более, чем кто-либо другой, казался лидером третьего сословия» (69). Графу Мирабо «так и не удалось преодолеть недоверия к себе, справедливо вызванного его авантюрным прошлым и продажным характером». «Все, кто его знал, были уверены», что он продается двору или Неккеру. И из-за этого, «хотя он и сослужил третьему сословию большую службу, ему никогда не удавалось его контролировать» (70–71).

Очевидно, аристократ, ставший воплощением буржуазной революции и бывший ее символом, а не лидером, теоретик, не способный ни говорить, ни действовать, и продажный искатель приключений должны были появиться, как фигуры маргинальные. Предлагаются три литературных стереотипа, и подводится итог: «Одним словом, никто из этих людей не был способен доминировать на сцене до такой степени, чтобы стать олицетворением Революции 1789 г., которая оставалась коллективным достижением третьего сословия» (71).

Однако все, что было описано, было коллективным достижением более чем одного маркиза, одного аббата и одного графа – коллективным достижением Сийеса, Мирабо, Лафайета, а также Талейрана, Кондорсе, Адриана Дюпора, Эро де Сешеля, Ле Пелетье де Сен-Фаржо, герцога д'Эгийона, Ларошфуко-Лианкура, Лаборда, Тарже, Вольнея, Мунье и так далее. В той мере, в какой такая

³⁰ Ларошфуко-Лианкур также называется в качестве самого влиятельного оратора по коммерческим проблемам (68).

революция, как Революция 1789 г., могла быть воплощена или олицетворена, эти люди для этого подходят. В той мере, в которой имело место согласованное коллективное действие, эти люди его направляли³¹. В качестве бессменных лидеров патриотической партии, организовавших движение протеста в 1788 г. и избирательную кампанию в 1789 г., проталкивавших превращение Генеральных штатов в Национальное собрание, предложивших и разработавших Декларацию прав человека и гражданина, отменивших все привилегии ночью 4 августа, они обеспечивали фундамент для того единства или той преемственности, которая чувствовалась на ранних этапах Французской революции. Хотя все у Лefевра подводит нас к этому выводу, его читатели, как свидетельствует следующая далее цитата, не склонны его делать:

«...Жорж Лefевр различает четыре накладывающиеся друг на друга революции... не заходя при этом далее 1789 г. Тем не менее, в основных изменениях на ранних этапах Революции просматривается некоторое единство. Это сложное единство при последующем анализе, возможно, лучше всего укладывается в знаменитый лозунг: Свобода, Равенство, Братство.

Одной из основ этого единства, несомненно, было доминирование французской буржуазии в событиях и реформах эпохи Революции. В этом отношении прослеживается преемственность со Старым порядком. Буржуазия (это заметил, по крайней мере, уже Гизо) весь восемнадцатый век приобретала силу и самосознание; Революция быстро увеличила политическую власть этого класса. Как скажет Маркс, «феодальная» классовая система рушилась, и из ее праха возникла «капиталистическая» классовая система. Маркс также скажет, что буржуазия была главной движущей силой и основным классом, выигравшим от Революции»³².

Как полагает автор цитаты, все это «несложные и банальные обобщения». Однако даже если сделать их более глубокими и менее очевидными, это не поможет прояснить необходимое различие между теми группами, которые инициировали определенную последовательность событий, и теми, которые в конечном счете могли получить от них наибольшую выгоду. В настоящее время для установления причинно-следственной связи в ходе Революции слишком часто пытаются охарактеризовать тех, кто действовал, изучая тех, кто получил выгоду; перечисляя все мотивы, которые могли бы руководить вторыми, тогда как инициаторами реально выступали первые. Кроме того, выяснять, какие группы предположительно получили бы выгоду от Революции (что само по себе постоянно обсуждаемый вопрос)³³, вряд ли представляет верный путь к тому, чтобы выявить, кто начал Революцию или как она началась. Когда факты противоречат теории, следует пересмотреть теорию, но не пренебрегать фактами. В данном случае факты свидетельствуют о том, что определенные

³¹ Чтобы избежать недопонимания, стоит особо подчеркнуть словосочетание «в той мере». Существует множество аспектов Революции 1789 г., которые затрагивает Лefевр, а моя дискуссия с ним обходит. На всем протяжении статьи я старалась выделить вопрос о том, как определить, от кого исходила революционная инициатива, анализируя, кто выступил в 1788–1789 гг. Прежде чем предпринимать крупномасштабный анализ других проблем, необходима ясность и четкость в этом вопросе.

³² *Tilly Ch. The Vendee. Cambridge, Mass., 1964. P. 160.*

³³ Что, собственно, служит предметом дискуссии, показано Альфредом Коббеном в кн: *Cobben A. The Social Interpretation of the French Revolution. Cambridge, 1964.* Коббен предлагает различать «буржуа»-землевладельцев, рантье, чиновников, людей различных профессий и «буржуа»-капиталистов, промышленников, финансистов. Его утверждение, что Французская революция была совершена против капитализма «революционной буржуазией», посягает на признанные авторитеты. Но хотя Коббен выступает против Лefевра и историков-марксистов, он остается в равной мере убежденным, что можно выявить действующие лица революции путем изучения получивших от нее выгоду.

индивидуумы действовали определенным образом. Они говорят о том, что «французская буржуазия» не являлась инициатором движения протеста в 1788 г. и не играла решающую роль в событиях и реформах 1789 г.

Анализ того, что было общего между лидерами, игравшими ведущую роль, в какой мере они смогли (или не смогли) достичь целей, к которым стремились (как показали последующие события, их цели были едины), выводит нас далеко за пределы данной статьи. Достаточно сказать, что нежелательные последствия очень часто проистекают из того, что те или иные действия не имеют прецедента в прошлом и не основываются на реальном опыте. И по крайней мере, то, начало чему было положено в 1788 г., не стало исключением. Таким образом, вряд ли Лафайет мог предвидеть, что когда-нибудь будет ехать бок о бок с процессией голодных и злых женщин, идущих на Версаль, руководить «убийством» на Марсовом поле или томиться в австрийской тюрьме; едва ли Ле Пелетье предполагал, что станет, совместно с Маратом, якобинским мучеником; едва ли Эро мечтал о том, чтобы работать с Робеспьером в Комитете общественного спасения, Кондорсе – что умрет, находясь под арестом в качестве жирондиста, Сийес – что будет консулом при Бонапарте, а Талейран (и вновь Лафайет!) – что более чем четыре десятилетия спустя помогут свергнуть графа д'Артуа и возвести на французский престол сына герцога Орлеанского, – а ведь мы перечислили лишь несколько последующих ролей, которые играли немногие предложенные нам персонажи.

Никто из лидеров патриотической партии не мог предвидеть те роли, которые им предстояло сыграть в этой драме. И тем не менее они, используя значительную власть и влияние, которые были в их распоряжении, помогли определить условия, при которых эта драма будет сыграна. Одно дело – осознанные действия, направленные на достижение желаемой цели, и совсем другое – непредвиденные последствия, проистекающие из этих действий. Необходимо подчеркнуть эту разницу, чтобы не тратить время на пустые и бесконечные споры о том, была ли Революция «спонтанной» или «запланированной», стала ли она результатом «обстоятельств» или «заговора». Эти споры пусты, поскольку ведутся вокруг широкого полотна, включавшего в себя все следствия тех событий, которые только начинались в 1789 г. И это полотно видно лишь на расстоянии. Его не мог предвидеть никто из современников. Соответственно, оно не могло быть предначертано или задумано никем из них.

Эти споры бесконечны, поскольку эта последовательность событий не имеет конца. Она все еще продолжает разворачиваться и всегда будет по-иному завершаться для каждого последующего поколения. И невелика разница: те, кто плетет легенды о заговоре или использует «these de complots» столь же склонны не обращать внимание на реальных людей, которые организовали патриотическую партию и ею руководили, как и те, кто настаивает на спонтанных действиях масс или классов. В обоих случаях попытки понять гигантское полотно выливаются в непрерывную череду неудовлетворительных ответов на более узкий круг вопросов, которые задает любой интересующийся началом Французской революции. Кто вмешался в конфликт между короной и дворянством в 1788–1789 гг.? Как они это сделали и почему? И если мы выясним, что многие лидеры патриотической партии были масонами или что их корреспонденты в провинции принадлежали к «читательским обществам», это не слишком нам поможет. Более того, подобные изыскания могут завести нас так далеко, что за свободной политической коалицией, основанной на неформальных связях между дворянами-единомышленниками, мы начнем видеть тайную организацию, контролируруемую невидимой рукой (герцога Орлеанского?), или направляемую

протестантами, иностранцами, аристократами-либертинами или лицемерными королями-философами.

С другой стороны, нам не слишком поможет и утверждение о том, что эти лидеры должны были если и не принадлежать к буржуазии, то быть ее агентами, символами или воплощением. Равно как для понимания их поведения бесполезен анализ социальной структуры этого набирающего силу класса. Или, в противном случае, мы зайдем слишком далеко в поисках капиталистического предпринимательства, промышленного развития, образцового владения землей. В любом случае нам тогда скорее придется смотреть вокруг или в сторону, чем на тех различных индивидуумов, чьими совместными действиями мы интересуемся. В предшествующей дискуссии мы попытались предположить, что факты, относящиеся к этим коллективным действиям, предпринимаемым известными индивидуумами, использующими известные средства для того, чтобы достичь известной цели, уже содержатся в «Начале Французской революции». Однако жесткие рамки структурного анализа не способны включить в себя этот вид динамичных коллективных действий. Вместо этого они разделяют, социально стратифицируют ту группу людей, которые испытывали взаимное притяжение, благодаря политическим целям, которые казались им достижимыми. Искусственно сегментируя это совместное коллективное действие, произвольно приписывая революционную инициативу сначала классово ориентированной аристократии, а затем буржуазии, автор практически душит собственную систему доказательств. Эту критику лучше всего завершить кратким воздаянием должного вызвавшей ее книге. Лефевр предоставляет своим читателям на редкость сжатый рассказ о чрезвычайно запутанной последовательности эпизодов. Он использует предельно ясную схему, чтобы распутать эти эпизоды и успешно выделить из них наиболее сложные. На наш взгляд, в выявлении «момента, с которого, строго говоря, началась Революция 1789 г.», он добился большего успеха, нежели в выявлении группы людей, сыгравших в тот момент определяющую роль. Однако его неудача не была бы, в этом ракурсе, сколько-нибудь заметной, если бы он менее ясную схему. Не была бы она столь ощутимой и если бы он в этой короткой и, в общем-то, популярной книге не проиллюстрировал свои общие положения конкретными примерами – называя имена и цитируя источники, не обращая внимания на то, в какой мере они соответствуют его схеме, но зато тщательно отслеживая их связь с обсуждаемыми темами. Мало кто из историков обладает одновременно и смелостью, и осторожностью, необходимыми для того, чтобы обнажить все возможные противоречия в своей работе. И мало кто столь виртуозно владеет своим нелегким ремеслом.

Ю. Л. Епанчин

ПРОБЛЕМА ПУШКИНСКОГО ИСТОРИЗМА В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Пушкинисты почти единодушно склоняются к тому, что именно историзм являлся базовым принципом и мировоззрения поэта, и его эстетической системы. «Историзм Пушкина отличает необычная масштабность, поистине глобальность», – подчеркивает Н. Н. Скатов¹.

Дар историзма, умение видеть события и явления в их развитии присущ поэту на разных стадиях его творчества. Вырастая из узких внутрилитературных рамок, он стремится охватить все пласты действительности, озвучить даже самое немое и бессловесное. Уже создавая свою первую «литературную сказку», поэт предвосхитил могучий поток «Евгения Онегина», потому что «в «Руслане и Людмиле» Пушкин представил еще не «энциклопедию жизни», а «энциклопедию» тех культурных аллюзий, которые определяли русскую жизнь его времени»².

По мере приобщения к идеологическим и общественно-политическим движениям своего времени расширяются представления поэта о сущности литературных задач, кристаллизуются четкие мировоззренческие формулы³. Жадно впитывая либеральные и революционные идеи, Пушкин, однако, вскоре приходит к пониманию, что жизнь не ограничивается политикой и идеологией, так же как она не ограничивалась литературой. Как отметил Н. Я. Эйдельман, «в некоторых существенных отношениях Пушкин проникнул глубже, шире, дальше декабристов. Можно сказать, что от восторженного отношения к революционным потрясениям он переходил к вдохновенному проникновению в смысл истории»⁴.

Структура исторических взглядов Пушкина, соотношение их компонентов, гармоническая сущность историософии поэта до сих пор не были предметом комплексного рассмотрения. В высказываниях пушкинистов преобладают односторонние трактовки, подчас исключая друг друга. Для О. О. Миловановой несомненно, что «уважительное отношение Пушкина к традициям русского и западного просветительства было неизменным и касалось не только частных, но и мировоззренческих принципов»⁵. Е. Л. Рудницкая менее категорична и предлагает достаточно обтекаемую формулу: «Историзм Пушкина был отмечен как стремлением выйти за пределы просветительства, найти общие законы, управляющие жизнью людей, так и отрицанием исторического фатализма, вытекающего из прямого восприятия идеи закономерности. Из принципа историзма, факта крепости исторических корней самодержавия проистекало убеждение Пушкина в возможности

¹ Скатов Н. Н. «Историческая моя совесть...» // Пушкин А. С. Исторические заметки. Л., 1984. С. 521.

² Кошелев В. А. Первая книга Пушкина. Томск, 1997. С. 222.

³ См.: Пугачев В. В. Эволюция общественно-политических взглядов Пушкина. Горький, 1967.

⁴ Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М., 1979. С. 404–405.

⁵ Милованова О. О. Проблемы художественного историзма в русской критике пушкинской эпохи (1825–1830). Саратов, 1976. С. 18.

просвещенного прогресса в России... Вместе с тем исторический патриотизм Пушкина, запечатленный в письме к Чаадаеву, к концу его жизни претерпевал несомненный кризис»⁶. Эта формулировка напоминает более откровенные трактовки прежней эпохи. Например: «Идеалом Пушкина был феодальный режим, смягченный просвещением»⁷. Или: «Содержание конфликта Пушкина с дворянской идеологией нам известно: это конфликт прогрессивного буржуазного мировоззрения, пронизанного искренней иллюзией, что оно выражает интересы всего народа, с реакционными взглядами и практикой помещиков-крепостников. Пушкин в этом конфликте еще не порвал окончательно с классом, которому принадлежал по рождению и воспитанию, но конфликт этот настолько бросается в глаза, что привел многих к взгляду, что Пушкин стал поэтическим выразителем уже других социальных тенденций – не дворянских, а буржуазно-капиталистических»⁸. Правда, влюбленный в Пушкина В. Я. Кирпотин чувствовал, что взгляды поэта не укладываются в прокрустово ложе исповедуемой им марксистской методологии, что они алгебраичны, а не арифметичны, что «если б Пушкин дал на волновавшую его проблему слишком конкретный, арифметический ответ, то значение его исчерпывалось бы своим днем, Пушкин не шел бы с нами, не воодушевлял бы нас, не помогал бы нам сегодня, не лечил бы от утопических мечтаний, от скептицизма, от отчаяния, не учил бы, наконец, радоваться жизни»⁹.

Профессиональные историки в рамках формально-дисциплинарного подхода уделяли гораздо меньше внимания системе пушкинских исторических взглядов. По большей части они игнорировали само наличие вполне оригинальной методологии постижения исторического процесса. Иногда использовали отдельные пушкинские высказывания в качестве иллюстративного материала. Случалось, что из отрывочных фраз конструировали «за Пушкина» его концепцию, а потом ее же и критиковали. На этом поприще подвизался казанский профессор Н. Н. Фирсов, заслуживший едкую отповедь со стороны В. Я. Брюсова: «Мы, однако, склонны думать, что, во-первых, Пушкин не так уже виноват в том, что не слушал лекций по истории в Казанском университете в начале XX века, и, во-вторых, что Пушкин, если бы, по некоей случайности, и попал на эти лекции, может быть, своего взгляда на историю и на «героев» не изменил бы»¹⁰. Характерным моментом является то, что чем крупнее и талантливее является историк, тем с большим доверием и уважением он относится к пушкинским суждениям. Л. В. Черепнин видел в поэте с полным основанием своего коллегу, подчеркивал, что «труд историка Пушкин рассматривал как большое и ответственное дело, как долг перед своим отечеством. Неутомимый труженик в науке, Пушкин обогатил ее новыми архивными материалами, для розыска которых не жалел усилий. Теоретически обосновав необходимость перехода от истории летописного типа к истории критической, Пушкин уделил в своих трудах большое место критике источников и фактов. Очищенные от недостоверных напластований факты он стремился

⁶ Рудницкая Е. Л. Поиск пути: Русская мысль после 14 декабря 1825 года. М., 1999. С. 81, 175.

⁷ Покровский М. Н. Пушкин – историк // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. М.; Л., 1933. Т. 5, кн.1. С. 20.

⁸ Кирпотин В. Я. Вершины. М., 1970. С. 120–121.

⁹ Кирпотин В. Я. Избранные работы. М., 1978. Т. 1. С. 26.

¹⁰ Брюсов В. Я. Мой Пушкин. М.; Л., 1929. С. 177.

озарить светом философии. А считая, что история принадлежит поэту, он сделал историческую тематику одним из главных элементов своего художественного творчества, облекши в поэтические формы прошлые эпохи, их деятелей, борьбу социально-политических сил и человеческих страстей»¹¹. Одним из величайших русских историков считал Пушкина Е. В. Тарле¹².

Всеобъемлющий характер пушкинского историзма признавал Б. В. Томашевский, связывая его со становлением реалистического метода поэта: «В его реалистических произведениях действительность рассматривается как результат действия исторических сил, и это отражается не только в таких произведениях, как «Медный всадник» или «Капитанская дочка», в которых изображаются явления прошлого или события, связанные с историческим прошлым, но и в произведениях, посвященных явлениям современным, как, например, «Пиковая дама», где самая судьба героев определяется действием исторических сил, направляющих судьбы страны»¹³. Вместе с тем Томашевский находился в плену прямолинейной позитивистской историографии и уподоблял принципы пушкинского историзма привычной усредненной методологии профессиональных историков. Своеобразие пушкинского понимания исторического процесса оставалось *terra incognita*. Томашевский ограничивал художественный историзм Пушкина методологическими разработками объективистской исторической науки.

Таким же основополагающим принципом считал принцип историзма в пушкинском творчестве С. М. Петров¹⁴. А. В. Предтеченский на примере стихотворения «Памятник» отметил, что «в нем Пушкин не только определил свое место в истории, но и показал, какое место история занимает в его мировоззрении. Это стихотворение не о поэте Пушкине, а об исторических судьбах поэтического творчества. В нем Пушкин самого себя рассматривает как бы сквозь историческую призму»¹⁵.

Но, как указал М. В. Строганов, «само понятие историзма постепенно теряет свои конкретные исторические очертания. Историзм становится оценочной категорией, наличие которой воспринимается как медаль, данная тому или иному писателю. Между тем становление историзма осуществлялось в формах, подчас очень трудно уловимых и мало узнаваемых», в связи с чем исследователь выделяет те «стороны поэтики Пушкина, связанные с его историзмом как новым этапом исторической поэтики, этапом, синтезирующим в себе циклический и линейный хронотопы. Именно это открытие Пушкина создавало предпосылки для дальнейшего освоения сложных взаимоотношений человека и общества, их взаимопритяжений и взаимоотталкиваний. Именно в этом смысле следует понимать ключевое место Пушкина в истории русской литературы»¹⁶.

Требование конкретизации историко-философской системы русского поэта выдвигал и Б. М. Энгельгардт. «Исторические взгляды Пушкина, – отмечал он, – изучались по преимуществу с социально-исторической точки зрения: лишь

¹¹ Черепнин Л. В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968. С. 56.

¹² См.: Тарле Е. В. Пушкин как историк // Новый мир. 1963. № 9.

¹³ Томашевский Б. В. Пушкин. Работы разных лет. М., 1990. С. 130.

¹⁴ См.: Петров С. М. Проблема историзма в мировоззрении и творчестве Пушкина // А. С. Пушкин, 1799–1949: Материалы юбилейных торжеств. М.; Л., 1951. С. 188–204.

¹⁵ Предтеченский А. В. Вопросы истории в произведениях Пушкина // Там же. С. 241.

¹⁶ Строганов М. В. Человек в художественном мире Пушкина. Тверь, 1990. С. 83.

постольку, поскольку они влияли на его общественную программу и тактику, определяли принадлежность поэта к тому или иному политическому лагерю. Такое отношение к вопросу не только создавало тенденциозное, публицистическое настроение, неуместное в научном исследовании, но и значительно сужало самую проблему: развитию всеобъемлющего исторического воззрения на мир и соответствующего исторического переживания жизни почти не уделялось внимания – все сводилось к оценке прогрессивного или реакционного элемента в исторических воззрениях поэта». Энгельгардт стремился выделить гуманистическую доминанту в историко-философских воззрениях поэта, обращал внимание, что «Пушкин не принадлежал к числу тех людей, которым особенно близки и понятны созерцания, так сказать, космического и тесно с ним связанного религиозного порядка. Бог и Вселенная, взятые сами по себе, вне всякого отношения к человеку, как самодовлеющие, абсолютные начала, не занимали сколько-нибудь видного места в его духовной жизни». В то же время исторические взгляды поэта «сыграли крупную роль в образовании того глубокого, объективно приемлющего мир, отрешенного от личной заинтересованности воззрения на жизнь, к которому Пушкин подошел в расцвете своего реалистического творчества»¹⁷.

Ю. М. Лотман представлял историко-философскую систему Пушкина в следующем виде. По его мнению, «мысли Пушкина об историческом процессе отлились в 1830-е годы в трехчленную парадигму... Первым членом этой парадигмы могло быть все, что в сознании поэта в тот или иной момент могло ассоциироваться со стихийным катастрофическим взрывом. Вторая позиция отличается от первой признаками «сделанности», принадлежности к миру цивилизации. От первого члена парадигмы она отделяется как сознательное от бессознательного. Третья позиция, в отличие от первой, выделяет признак личного (в антитезе безличному) и, в отличие от второй, содержит противопоставление живого – неживому, человека – статуе. Остальные признаки могут разными способами перераспределяться внутри трехчленной структуры в зависимости от конкретной исторической и сюжетной ее интерпретации»¹⁸.

Попытку монографического осмысления проблемы пушкинского историзма предпринял Н. Я. Эйдельман¹⁹. Но в целом решения поставленной задачи историку добиться не удалось. Эйдельман практически отказался от аналитического разбора пушкинской художественной методологии, ограничившись поверхностным комментированием высказываний поэта и его современников. Следы поспешности и сумбурности в толковании пушкинских текстов присутствуют на всем протяжении авторской работы. Самого стремления проникнуть в глубины пушкинской методологии постижения исторического процесса обнаружить не удалось.

В целом своеобразная историческая методология А. С. Пушкина еще ждет углубленного рассмотрения. Пока можно говорить об отдельных попытках вычленить воззрения поэта из сложного переплетения научных и идейных

¹⁷ Энгельгардт Б. М. Избранные труды. СПб., 1995. С. 116.

¹⁸ Лотман Ю. М. Пушкин. СПб., 1995. С. 295.

¹⁹ См.: Эйдельман Н. Я. Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984.

доктрин пушкинской эпохи²⁰. В многочисленных частных работах разбросаны отдельные ценные замечания и суждения, уточняющие многие аспекты пушкинского историзма, но их компиляция и осмысление уже выходят за рамки настоящей статьи.

В заключение хочется привести некоторые суждения, конкретизирующие отдельные аспекты рассматриваемой проблемы. М. В. Нечкина причисляла художественную литературу к одному из важных факторов исторического процесса и выдвигала задачу изучения функционирования в общественном сознании литературных образов наряду с социально-экономическими и политическими факторами, видя здесь «целую уйму будущих исследований, методику которых еще предстоит разработать»²¹.

Ю. Б. Борев пытался сформулировать непреложный закон социального функционирования произведений искусства, обращаясь к примеру пушкинского творчества: «Все, что воспринималось как актуальная социальная значимость в современной поэту исторической обстановке, в новую эпоху выступает как нравственная и эстетическая ценность. Ценностный фокус произведения перемещается, меняется вся его аксиологическая структура, и анализ в новую эпоху уже должен идти по несколько другим линиям»²². Однако в случае с Пушкиным подобного линейного процесса не наблюдается. Вспышки интереса к его творчеству сменяются почти полным забвением и даже призывами «сбросить с корабля современности». Ныне эти настроения принимают форму оплакивания «потерянной пушкинской традиции». Ю. В. Бондарев стелает: «Пушкин не мог предполагать, что бездуховность станет черной тенью современного цинического практицизма. История прошла по душам людей невыносимой тяжестью войн, голода, раздавливающей лжи, разочарований, экологических несчастий и катастроф, подготовленных технологической цивилизацией. Он не мог знать и того, что в планетарном искусстве наступает опасная эра злого, хитроумного, коварного, зыбкого, будто трясины, бесплодно развращающего и, в сущности, эстрадно-пошлого господства Булгариных и Геккернов»²³. Думается, что писатель сгустил краски. Настоящее приобщение к Пушкину еще впереди. Именно наше переломное время требует пушкинского универсализма, глубинного и в то же время легкого и подвижного постижения хода времени.

²⁰ См.: *Тойбин И. М.* Пушкин: Творчество 1830-х годов и вопросы историзма. Воронеж, 1976; *Его же.* Пушкин и философско-историческая мысль в России на рубеже 1820-х и 1830-х годов. Воронеж, 1980; *Иванникова В. В., Макаровская Г. В.* Пушкин – критик «Истории русского народа» Н. Полевого // *Историографический сборник.* Саратов, 1987. Вып. 13. С. 29–39; *Агранович С. З., Рассовская Л. П.* Историзм Пушкина и поэтика фольклора. Куйбышев, 1989; *Агранович С. З., Рассовская Л. П.* Миф, фольклор, история в трагедии «Борис Годунов» и в прозе А. С. Пушкина. Самара, 1992.

²¹ *Нечкина М. В.* Функция художественного образа в историческом процессе. М., 1982. С. 5.

²² *Борев Ю. Б.* Искусство интерпретации и оценки. М., 1981. С. 198.

²³ *Бондарев Ю. В.* Прекрасный континент надежды // *Пушкинист.* М., 1989. Вып. 1. С. 78.

Е. Н. Дмитриева

**А. Н. АФАНАСЬЕВ
КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКИХ ЗАГОВОРОВ**

Александр Николаевич Афанасьев (1826–1871) принадлежит к числу тех исследователей русской народной культуры, чье творчество надолго определило пути развития многих отраслей гуманитарного знания в России XIX в. Выходец из разночинской среды, питомец Московского университета, он вошел в науку как издатель «Народных русских сказок» и как автор труда «Поэтические воззрения славян на природу», не имеющего себе равных в русской литературе по богатству привлеченного им фактического материала. И по сей день его трехтомник является незаменимым справочным пособием при изучении мировоззрения русского народа, своеобразной энциклопедией народных взглядов, оценок, характеристик.

Творчество А. Н. Афанасьева давно уже стало предметом тщательного изучения. Многократно были переизданы «Народные русские сказки», создавшие своему составителю славу «русского Гримма» и открывшие в русской науке серию капитальных фольклорных сказочных сборников. И хотя теоретические построения и схемы мифологической школы представляют для нас лишь исторический и источниковедческий интерес, можно уверенно присоединиться к оценке Ф. И. Буслаева, писавшего, что «Поэтические воззрения» А. Н. Афанасьева «надолго останется справочной книгой для всякого, занимающегося русской народностью»¹.

Больше и основательнее всего исследована деятельность А. Н. Афанасьева как сказковеда. Но он был не только фольклорист. Ученый много сделал для анализа русской народной культуры на ранних этапах ее развития. А. Н. Афанасьев одним из первых исследователей обратил внимание на важность и необходимость изучения народного мировоззрения на том его этапе, когда оно не утратило еще своих языческих корней. Заслугой ученого в этой области было и то, что он обратил особое внимание на важность привлечения заговоров в качестве незаменимого источника для изучения взглядов наших предков, на особое значение слова: «Слово человеческое, по мнению наших предков, наделено было властительной чародейною и творческою силою, и предки были правы, признавая за ним такое могущество, хотя и не понимали, в чем именно проявляется эта сила»². Раскрытию вклада А. Н. Афанасьева в исследование заговорной силы слова и посвящено настоящее сообщение, имеющее целью заполнить лакуну в характеристике взглядов ученого по этому вопросу³.

¹ Буслаев Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии // Русский вестник. 1873. № 4. С. 578.

² Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1869. Т. 3. С. 775.

³ Общую историографическую оценку творчества А. П. Афанасьева см.: Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1891. Т. 2. С. 350–374; Соколов Ю. М. Жизнь и научная деятельность

Из всех источников для изучения русской народной культуры заговоры занимают особое место в силу своей архаичности и неоднозначности. До сего времени они остаются наименее изученным элементом русской традиционной культуры. За всю историю изучения заговоров можно назвать лишь нескольких исследователей, чей вклад в изучение этого жанра оказался наиболее значительным и определил дальнейшие направления и подходы. Среди исследователей XIX в. – это А. Н. Афанасьев.

В просвещенных кругах российского общества интерес к народному творчеству начал проявляться уже с конца XVIII–начала XIX в.⁴ Однако особое внимание к русской народной культуре, в частности, к заговорам, возникло лишь во второй трети XIX в. В этот период, как известно, вообще наблюдалось возрастание интереса к русскому быту, обычаям, фольклору, народной культуре в целом. Однако интерес выражался большей частью в увлечении патриархальной стариной в народном быте. В 30-е гг. XIX в., когда после разгрома движения декабристов русское общество начало склоняться к консервативно-реакционным толкованиям русской культуры, ее изучение включалось в известную триаду «православие, самодержавие, народность» и ограничивалось анализом внешних проявлений, попытками сравнения с европейской и восточной культурами и мифологиями. Разумеется, подобные веяния наложили некоторый отпечаток и на исследования А. Н. Афанасьева.

Начальным толчком для первых исследований язычества послужили труды собирателей и хранителей языческой мифологии, народных верований и обрядов, заговоров, песен, суеверий и т. д.: И. М. Снегирева, М. И. Касторского, И. П. Сахарова, Н. И. Костомарова, Д. О. Шеппинга⁵. Уже тогда Д. О. Шеппингом были сделаны интересные наблюдения относительно славянских заговоров, положившие начало дальнейшим исследованиям и обозначившие основные направления и идеи, которые в последствии были поддержаны и развиты А. Н. Афанасьевым: «Заговор – не что иное, как молитва; суеверные же гадания и обряды выгонения или обмывания болезней и злых наваждений, совершаемые донныне нашими знахарями, – осколки искупительных жертвоприношений и очищений посредством священных стихий воды и огня, точно так же как многие из наших обрядных песен еще остатки древних богослужебных гимнов»⁶.

В 40-х гг. XIX в. были опубликованы и первые попытки исследований, посвященных славянской мифологии и фольклору⁷. Подлинно же научное изучение заговоров началось в России со второй половины XIX в. Основными вопросами для исследователей этого периода стали проблемы генезиса и сущности заговорных текстов. Каков был исторический и психологический процесс происхождения заговорных формул? Какие функции несли заговоры, какую роль играли они в духовной культуре древних славян – вот круг основных вопросов, поставленных первыми исследователями заговоров.

Их изучение во второй половине XIX в. шло с учетом трех различных подходов к проблеме изучения народной культуры в рамках так называемых «школ»:

Александра Николаевича Афанасьева // Афанасьев А. Н. Народные русские сказки. М., 1936. Т. 1. С. 3–27; Азадовский М. И. История русской фольклористики. М., 1963. Т. 2. С. 73–84.

⁴ Чулков М. Д. Абевага русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шаманства и проч. М., 1786; Глинка Г. А. Древняя религия славян. Митава, 1804; Кайсаров А. С. Славянская и российская мифология. М., 1810; Строев П. Краткое обозрение мифологии славян российских. М., 1815.

⁵ См.: Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М., 1837–1839. Вып. 1–4; Касторский М. И. Начертание славянской мифологии. СПб., 1841; Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1841; Костомаров Н. И. Славянская мифология. Киев, 1847; Шеппинг Д. О. Мифы славянского язычества. М., 1849.

⁶ Шеппинг Д. О. Мифы славянского язычества. М., 1997. С. 110.

⁷ См.: Срезневский И. Об обожании солнца у древних славян // Журнал Министерства народного просвещения. 1846. №7; Терещенко А. Б. Быт русского народа. СПб., 1848.

мифологической, психологической и историко-сравнительной. Наиболее ранней из них была мифологическая школа, которая изначально возникла в Европе как направление в научной мифологии (она же стала и первым подобным широким направлением). Эта школа заявила о себе в Германии в конце XVIII–начале XIX в. и опиралась там на идеалистическую философию Ф. Шеллинга и братьев А. и Ф. Шлегелей. Исследователи этой европейской школы занимались изучением мифов и видели в них источник и основу национальных культур, объясняли с помощью мифов происхождение и смысл устной народной поэзии. Школа эта, возникшая в период романтизма, оказала воздействие и на русскую этнографокультурную науку. Этому направлению в науке присущ особый метод, заключающийся в усматривании в происхождении народно-поэтических образов зависимости от древнейших мифов и сведению смысла произведений фольклора к выражению ограниченного набора понятий и представлений, порожденных обожествлением природы. Основными объектами обожествления ученые этого направления полагали солнце («солярная» теория) или грозу («метеорологическая» теория).

Приверженцами мифологической школы в России можно считать Ф. И. Буслаева, О. Ф. Миллера, к ней также можно отнести ранние работы А. Н. Веселовского. Впоследствии все они подвергли критике концепции мифологической школы. Самым ярким и значительным представителем этого направления принято считать А. Н. Афанасьева⁸.

Среди работ, посвященных мифологии и фольклору, наиболее полно взгляды А. Н. Афанасьева отражены в труде «Поэтические воззрения славян на природу». Труд, подобного «Поэтическим воззрениям», до Афанасьева не знала не только отечественная, но и зарубежная наука. Это – одна из классических работ и русской мифологической школы XIX в., и мировой науки о фольклоре вообще. Особое значение труда А. Н. Афанасьева заключено в богатстве огромного собранного им материала, в установлении живых связей языка и предания в их совместном историческом развитии. Этот не имеющий цены материал впитал в себя данные из истории, этнографии, мифологии и словотворчества многих европейских народов.

А. Н. Афанасьев, как и другие сторонники мифологической школы, к решению вопроса о сущности и происхождении заговоров подходил, рассматривая заговоры как остатки, «обломки» древнейшей языческой мифологии, справедливо отмечая их связь с языческой традицией. По его мнению, заговоры – это один из древнейших видов сакрального фольклора, возникновение которого относится к так называемому «эпическому периоду», когда мифотворчество праславян достигало своего расцвета. Ф. И. Буслаев и А. Н. Афанасьев считали, что первоначальные заговоры – это древнейшие «молитвы-мифы», обращенные к языческим богам и запечатлевшие в себе сакральные представления славян⁹. «В наших заклинаниях (заговорах), несмотря на искажения, каким они должны были подвергаться в течение столь долгих веков, еще теперь можно различить те любопытные черты, которые свидетельствуют, что первоначально это были молитвы, обращенные к

⁸ См.: Буслаев Ф. И. Дополнения и прибавления ко 2-му тому Сказаний русского народа, собранных И. Сахаровым // Калачев Н. В. Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1850. Кн. 1, отд. IV; Его же. О сродстве одного русского заклятия с немецким, относящимся к эпохе языческой // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1–2. СПб., 1861; Его же. Народная поэзия // Буслаев Ф. И. Исторические очерки. СПб., 1887; Миллер О. Ф. Очерки русской народной словесности. М., 1897–1924. Т. 1–3; Афанасьев А. Н. Колдовство на Руси в старину // Современник. 1842. Т. 26; Его же. Народные заговоры. М., 1862; Его же. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1865–1869. Т. 1–3.

⁹ «Заклинания идут непосредственно от периода языческого..., стоят в теснейшей связи с первобытной эпической поэзией, входят в древнейший эпический миф как отдельные эпизоды» (Буслаев Ф. И. О сродстве одного русского заклятия с немецким... С. 251.)

стихийным божествам», – писал Афанасьев в «Поэтических воззрениях»¹⁰. Первым исследователем, обоснованно определившим языческое происхождение славянских заговоров, стал Ф. И. Буслаев, а А. Н. Афанасьев развивал и конкретизировал его идеи, в частности о том, что заговоры в своем первоначальном виде были «величаниями» богов, молитвенными обращениями к ним. «Заговоры – суть обломки древних языческих молитв и заклинаний и потому представляют одни из наиболее важных и интересных материалов для исследователя доисторической старины»¹¹.

Более того, А. Н. Афанасьевым была начата разработка вопроса о происхождении заговоров, как общего элемента индоевропейской культуры, их связь с древнейшей традицией. «Кто приступит к изучению заговоров сравнительно с ведическими гимнами, того непременно поразит замечательное согласие в представлениях, допускаемых теми и другими. Различие только в том, что в гимнах Вед представления эти не утратили еще ни своей ясности, ни взаимной связи; а в заговорах смысл их уже окончательно затерян для народа»¹². Исследователь, считая заговоры реликтовыми остатками языческой древнеславянской религии, полагал, что основное содержание древнеязыческих молитв-заговоров – это миф об устройстве Вселенной, мира, о его стихиях, содержащий в себе также и обращение к божествам этих стихий. «С течением времени священные гимны мало-помалу теряют первоначальные черты мантры и не столько прославляют и молят богов, сколько требуют от них (=заклинают) исполнить желанное человеку»¹³.

Классическая формулировка взглядов мифологической школы на заговоры как на остатки древних языческих молитв и заклинаний повторилась в дальнейшем А. А. Потебней, П. С. Ефименко и другими.

Большой интерес «Поэтические воззрения» представляют еще и потому, что являются первой в истории исследования заговоров работой, где была сделана весьма успешная попытка охарактеризовать некоторые художественные образы славянских заговорных текстов, выявить их мифологическое и сакральное значение. Образы святых и нечистой силы, воплощения недугов и девицы Заризаряницы, острова Буяна, камня Алатыря и т. д. нашли свое толкование в исследовании А. Н. Афанасьева. Все они, по мнению автора, имеют языческое происхождение, были элементами древней славянской мифологии; и даже, казалось бы, абсолютно христианские персонажи, упоминаемые в заговорах, получали языческую окраску. «В эпоху христианскую эти древнейшие воззвания к стихийным божествам подновляются подстановкою имен Спасителя, Богородицы, апостолов и разных угодников; в народные заговоры проникает примесь воззрений, принадлежащих новому вероучению, и сливается воедино с языческими представлениями о могучих силах природы: Христос – «праведное солнце» отождествляется с божеством дневного света, Пречистая дева – с красною Зорею, Илья-пророк, Николай-угодник и Георгий-победоносец заступают место Перуна»¹⁴.

Нельзя согласиться абсолютно со всеми толкованиями А. Н. Афанасьева художественных образов заговоров, но и невозможно отказать ему в широте поэтических ассоциаций. Часто в исследователе брал верх поэт, а орудием исследования становилась интуиция; ученые научные толкования перемежались с художественными представлениями. Отдаленность усматриваемого сходства не смущала ученого, который осознавал во многом внешний характер своих сравнений и не раз писал в оправдание подобного метода изучения фольклора, что понятия «совершенно различные» сближаются между собой «ради сходства только

¹⁰ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1995. Т. 1. С. 210.

¹¹ Там же. С. 23.

¹² Там же. С. 23–24.

¹³ Там же. С. 210.

¹⁴ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. С. 212.

некоторых признаков»¹⁵. Уже современники отмечали недостатки методологии А. Н. Афанасьева: многие мифы исследователь толковал в отрыве от их жизненной, бытовой основы, чересчур увлекался в работе «метеорологической» теорией, рассматривая через призму природных, погодных явлений древние славянские языческие мифы. Это – один из серьезных минусов работы, повод для споров и дальнейших размышлений в этой области.

Современная наука ушла далеко вперед от взглядов А. Н. Афанасьева и его достаточно оригинальной концепции. Но, не принимая теоретических толкований и оценок мифологической школы, нельзя не признать бесспорную верность многих выводов А. Н. Афанасьева о сущности заговорных текстов, его ценных научных наблюдений и оценок.

¹⁵ Там же. С. 215.

С. А. Кочуков

РУССКАЯ АРМИЯ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX в. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Русскую армию последней четверти XIX в. историки стали изучать уже в начале XX столетия. Но в историографии насчитывается небольшое количество работ, посвященных данной исследовательской проблематике. Основная причина этого кроется, по всей видимости, в том, что исследователи рассматривали в основном русскую армию времени Александра II. Милютинские армейские реформы оставили неизгладимый след в вооруженных силах России, к тому же смена Д. А. Милютина на П. С. Ванновского явно не импонировала историкам. Действительно, последнего относили к категории ярых консерваторов, которые не могли принести армии ничего положительного. Само время Александра III было отнесено к эпохе контрреформ, что не могло не отразиться на изучение российских вооруженных сил этого периода, которое сочли малоперспективным, а если и исследовали, то применяли стандартные клише.

Наиболее серьезной работой дореволюционного периода является книга А. Ф. Редигера «Комплектование и устройство вооруженной силы»¹, в которой рассматривается русская армия в сравнении с европейскими вооруженными силами: австро-венгерскими, французскими, итальянскими, германскими. Редигер использовал очень много статистических материалов. Тем не менее считать это издание полноценным исследованием можно только с натяжкой, так как автор основывал свои выводы исключительно на «Всепоподданнейших отчетах» Военного министерства. Редигер не ставил перед собой задачи выявить проблемные вопросы и добраться до истины, но, однако, он старался дать оценку русской армии. В частности, характеризуя николаевское время, автор доказывал, что оно пагубно сказывалось на военно-учебных заведениях, «которых было явно не достаточно»². Предостерегал Редигер Военное министерство от кардинальных нововведений, приводя отрицательный пример Франции с ее республиканским строем³. Слабой стороной этой работы является рассмотрение военных вопросов вне связи с политическим и экономическим положением страны.

¹ Редигер А. Ф. Комплектование и устройство вооруженной силы. СПб., 1900. Редигер Александр Федорович (1853–1920), военный министр России 1905–1909 гг., участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., профессор Николаевской академии Генерального штаба.

² Редигер А. Ф. Указ. соч. С. 234.

³ См.: Там же. С. 28.

Своеобразным дополнением книги Редигера можно считать многотомное издание «Столетие Военного министерства»⁴ под общей редакцией генерала Д. А. Скалона, выходявшее с 1902 по 1914 г. По структуре и содержанию эта книга близка редигеровской попытке оценить состояние дел в военном ведомстве. В данном издании нет и намек на критику. Все тексты написаны с верноподданнических позиций. Особенно интересные материалы содержатся в очерке П. А. Данилова «Развитие военного управления в России»⁵ и в очерках об управлении Военного министерства. Достоинством книги является детальное описание военных контрреформ, которые проводились в России в последней четверти XIX в., обилие фактических сведений, изложение военных программ, представление состава Военного министерства.

В 1911 г. вышла в свет «История русской армии и флота»⁶ в 15 томах. Для обозначенной темы наиболее важен том 13, именно в нем рассматриваются вооруженные силы России в правление Александра III и Николая II. Авторы издания были далеки от того, чтобы давать характеристику военным министрам, указывая лишь, что П. С. Ванновский⁷ был прямым последователем гр. Д. А. Милютина⁸. По своей структуре «История русской армии» близка к книге Редигера и «Столетию Военного министерства» с той лишь разницей, что авторы для ее написания в качестве важнейшего источника использовали «Обзор деятельности Военного министерства в царствование имп. Александра III», который вышел в свет в 1903 г. По существу этот «Обзор» – сборник статистических сведений, основанный на всеподданнейших докладах и отчетах, которые составлял военный министр. Это придало «Истории...» официальный характер. Хотя этой работе присуща полнейшая идеализация контрреформ Александра III, все-таки она представляет значительный интерес, так как в данном труде собраны сведения о составе армии, комплектовании по родам войск.

Октябрьские события 1917 г., безусловно, повлияли на точку зрения историков, делая основной темой их разработок советскую деятельность революционных организаций в русской армии.

Примером такого подхода может служить статья М. Ахуна и Д. Зиневича «К истории борьбы самодержавия с революционным движением в армии в 80-х гг. XIX в.»⁹, опубликованная в журнале «Красный архив». Авторы статьи пытались выявить основные этапы борьбы царизма с революционной пропагандой в русской армии. Началом этой борьбы они считали 1862 г., когда правительство издало секретный циркуляр, в котором предписывалось «очистить армию от

⁴ Столетие Военного министерства: В 13 т. СПб., 1902–1914.

⁵ Данилов Н. А. Развитие военного управления в России // Столетие Военного министерства. СПб., 1902. Т. 10.

⁶ История русской армии и флота: В 15 т. СПб., 1911–1914.

⁷ Ванновский Петр Семенович (1822–1904), участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., генерал-лейтенант от инфантерии (1883), военный министр (1881–1898), в 1901–1902 гг. министр народного просвещения, член Государственного Совета, с 1902 г. в отставке.

⁸ Милютин Дмитрий Алексеевич (1816–1912), генерал-фельдмаршал (1898), граф (1878). В 1839–1845 гг. служил на Кавказской линии, в 1843 г. генерал-квартирмейстер Кавказского корпуса, в 1845–1856 гг. – профессор Военной академии, в 1856–1859 гг. начальник штаба Кавказской армии, генерал-лейтенант, в 1861–1881 гг. генерал от инфантерии, военный министр, член Государственного Совета. С 1881 г. в отставке.

⁹ Ахун М., Зиневич Д. К истории борьбы самодержавия с революционным движением в армии в 80-х гг. XIX в. // Красный архив. 1934. № 2 (63). С. 132–135.

всех неблагоприятных в политическом отношении юнкеров, офицеров и вольноопределяющихся»¹⁰. Второй этап исследователи датировали, начиная с 1879 г., когда министр юстиции гр. К. И. Пален заявил, что необходимо оградить армию от «всех видов такого влияния, которое может поселять мысли или устремления направленные к колебанию и ниспровержению государственного строя»¹¹. Но наибольшее внимание заслуживала программа, предложенная военным министром Ванновским. Авторы статьи привели текст письма министра начальнику военно-судного управления А. К. Имеретинскому в качестве доказательства. Видя в революции лишь зло, министр тем не менее считал, что основная причина проникновения революционных идей в армию – плохое материальное положение офицерства¹². Фактически статья Ахуна и Зиневича была первым опытом характеристики генерала Ванновского в советской историографии.

В 1972 г. вышла работа Л. Т. Сенчаковой «Революционное движение в русской армии и флоте в конце XIX–начале XX в.»¹³ В полном согласии с общепринятой концепцией исследовательница рассматривала рост революционных настроений в армейской среде. С другой стороны, она заявляла: «Царизм с 80-х годов стремился всячески ослабить проведение реформ и не только сохранить, но и усилить феодальные пережитки в армии»¹⁴. Практически во всем исследовании Сенчакова стремилась противопоставить русскую армию времени Александра II армии Александра III и Николая II. Это прослеживается буквально во всем, и в частности в сравнении либерального Милютина с консервативным Ванновским. Если Сенчакова не скрывала своих симпатий к Милютину, называя его реформы «прогрессивным явлением»¹⁵, в ходе которых министру «пришлось упорно преодолевать консерватизм большинства генералитета, преклонявшегося перед парадными учениями, колоннами и залповым огнем»¹⁶, то к сменившему Милютина Ванновскому она относилась более чем предвзято, сразу награждая его нелестной характеристикой: «... ничем не примечательная личность, человек ограниченных способностей, консерватор, не пользовавшийся популярностью в армии»¹⁷. Но многие источники указывают, что военный министр Александра III и Николая II был личностью сложной и противоречивой.

В отечественной историографии русская армия эпохи Александра III и Николая II долгое время не была предметом специального исследования. Лишь в 1973 г. вышли в свет монографии Л. Г. Бескровного и П. А. Зайончковского, которые заполнили пробел в советской историографии.

Книга Бескровного «Русская армия и флот в XIX веке»¹⁸ – первое в отечественной исторической науке исследование, в котором автор использовал в качестве источника «Всепогоднейшие доклады и отчеты». Несмотря на то,

¹⁰ Там же. С. 132.

¹¹ Там же.

¹² См.: Там же. С. 132.

¹³ *Сенчакова Л. Т.* Революционное движение в русской армии и флоте в конце XIX–начале XX в. М., 1972.

¹⁴ Там же. С. 22.

¹⁵ Там же. С. 17.

¹⁶ Там же. С. 16.

¹⁷ Там же. С. 22.

¹⁸ *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX веке: Военно-экономический потенциал России. М., 1973.

что исследователь в основном изучал военно-экономический потенциал страны, не потерялись на страницах книги личности. Бескровный показывает в основном их профессиональные качества. Например, военный министр Ванновский представлен борцом за усиленное финансирование русской армии. Генерал в 1887 г. писал: «Европа переживает ныне тревожное время, все главнейшие государства увеличивают свои военные средства... нигде также не останавливаются перед расходами, как бы велики они ни были... во всех государствах эти бюджеты были усилены чрезвычайными кредитами, отпущенными главным образом на пополнение военно-материальной части и на крепостные работы»¹⁹. Стремления Военного министерства на протяжении царствования двух последних императоров практически всегда натыкались на непонимание со стороны финансистов.

Автор дает развернутую картину перевооружения армии в конце XIX в. В исследовании были освещены, с одной стороны, статистические показатели, с другой – показана тесная связь между техническим переворотом и эволюцией в процессе производства новых образцов вооружения. Принятые на вооружение русской армии новые образцы оружия дали возможность констатировать Ванновскому: «Все армии снабжены ныне ружьями далеко не совершенной системы. Русская система была самая дальнобойная и, главное, простая и надежная в обращении»²⁰.

К недостаткам монографии можно отнести стремление автора изучать экономический потенциал армии лишь с марксистских позиций и попытка подогнать военных министров России к категории «*плохих и хороших*», обвиняя в, частности, Ванновского и Куропаткина в неудачах на фронтах русско-японской войны 1904–1905 гг.

Фундаментальная монография Зайончковского «Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий»²¹ также вышла в свет в 1973 г. Профессор Зайончковский использовал широкий спектр источников – фонды Военного министерства (РГВИА), Государственного совета, Совета министров (ГАРФ), а также большое количество личных фондов (ОР РГБ, РГВИА, ГАРФ).

В своей книге Зайончковский осветил наиболее важные вопросы развития русской армии последней четверти XIX в.: комплектование войск, боевую подготовку вооруженных сил, перевооружение, перестройку военно-учебных заведений. Монография представляет несомненный интерес не только в плане освещения процессов, происходивших в русской армии, но и для характеристики Александра III, Николая II, П. С. Ванновского, А. Н. Куропаткина²². Зайончковский в исследовании сделал вывод, что период правления Александра III и Николая II был отмечен глубочайшим кризисом в армии. Главными виновниками бед, постигших вооруженные силы, автор считал

¹⁹ Цит. по: Бескровный Л. Г. Указ. соч. С. 484.

²⁰ Там же. С. 314.

²¹ Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903. М., 1973.

²² Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925), генерал от инфантерии (1901), генерал-адъютант (1902), служил в Туркестане в 1877–1878 гг. начальник штаба 16-й пехотной дивизии, в 1878–1879 гг. заведовал Азиатской частью Главного штаба, в 1879–1883 гг. командовал Туркестанской стрелковой бригадой, в 1890–1898 гг. начальник Закаспийской области, в 1898–1904 гг. военный министр, в 1904–1905 гг. командующий войсками на Дальнем Востоке. С 1905 г. член Государственного Совета, в 1915 г. командующий Гренадерским корпусом 5-й армии, в 1916 г. – войсками Северного фронта. В 1916–1917 гг. генерал-губернатор Туркестана.

Ванновского и Куропаткина, но при исследовании этих личностей Зайончковский далек от того, чтобы награждать военных министров нелестными эпитетами. К тому же Петр Андреевич видел причину упадка армии еще и в «жесткой реакции, росте коррупции и произволе»²³. Так же пагубно сказывалось вмешательство в армейские дела великих князей и министра И. И. Воронцова-Дашкова, который был сторонником прусской организации армии²⁴. В результате все стремления Ванновского наталкивались на непонимание со стороны правящей элиты. Таким образом, контрреформы, проводимые в конце XIX в., дали свой отрицательный результат. В армии отсутствовали крепко слаженные воинские соединения, а западная граница государства фактически была обнажена²⁵. Все это не замедлило сказаться в русско-японскую и Первую мировую войну.

Процесс перевооружения армии новым скорострельным вооружением сделал предмет своего исследования В. Н. Ашурков в статье «Оружейное производство в России и военные заказы за границей в XIX в.»²⁶. Русское Военное министерство с тревогой следило за ростом вооружений в Западной Европе, в результате была принята к производству винтовка Мосина образца 1891 г. Для того, чтобы воспользоваться прекрасными ее качествами, необходимо было новое оружие запустить в серию. Российские заводы, как считает автор, с этим заданием не справились²⁷. Поэтому военный министр Ванновский предполагал заказать во Франции 1 млн винтовок²⁸. Используя архивные материалы Комиссии по перевооружению, Ашурков делает вывод, что к концу XIX в. русская армия получила новую отвечающую всем требованиям, скорострельную винтовку.

В современной российской историографии бесспорный интерес представляет монография О. Р. Айрапетова «Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904)»²⁹. По существу, это первая попытка в историографии дать оценку Н. Н. Обручеву как военному деятелю. Айрапетов развенчал легенду о принадлежности Обручева к революционной среде, автор указывает: «Обручев не был революционером, но в молодости, судя по всему увлекался либеральными идеями, как, впрочем и многие его сверстники. Подобно большинству представителей своего поколения, он отошел от этих идей, однако ничто в жизни не проходит бесследно...»³⁰. Наряду с описанием личности Обручева и его действий как начальника Главного штаба (Обручев занимал эту должность с 1881 по 1898 гг. – С. К.). Айрапетов дает характеристику состоянию дел в русской армии и, главным образом, в Военном министерстве. Используя большое количество архивных и опубликованных источников, исследователь фактически пришел к тому же выводу, что и Зайончковский, считая, что «Русская военная наука

²³ Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 63.

²⁴ См.: Там же. С. 63–64.

²⁵ См.: Там же. С. 345.

²⁶ Ашурков В. Н. Оружейное производство в России и военные заказы за границей // Царизм и развитие капитализма в пореформенной России. М., 1984. С. 44–63.

²⁷ См.: Там же. С. 56–57.

²⁸ См.: Там же. С. 54.

²⁹ Айрапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольтке»: Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998.

³⁰ Там же. С. 300–301.

только формировалась во второй половине XIX в., многие специфические ее отрасли только-только появились...»³¹. И не могли еще дать желаемых результатов ни в русско-японскую, ни в Первую мировую войну.

В последнее десятилетие XX в. появилось определенное количество исследований, посвященных русской военной школе XIX в.³². Однако, несмотря на их внушительное количество, большинство из них страдает узкой источниковой базой. Исключение составляют исследования А. А. Михайлова и А. М. Лушников. В монографии Михайлова использовано большое количество архивных материалов, в том числе из фонда Главного управления военно-учебных заведений. В работе показаны взаимоотношения военного министра Ванновского с начальниками Главного учебного управления Исаковым и Махотиным, анализируется политика Военного министерства в отношении подготовки кадров. В заключении автор приходит к выводу, что «новые кадетские корпуса действительно испытывали трудности»³³. Однако исследователь не склонен рассматривать изменения в русской военной школе как что-то реакционное. Наоборот, Михайлов приходит к мысли, что военно-учебные заведения нуждались после «милютинской эпохи» в реорганизации, кроме того, нововведения Ванновского «диктовались собственно педагогическим, а не политическим резонансом»³⁴.

Близок к Михайлову в оценке военной школы Лушников. В ряде моментов он отмечает неизбежность в реформе военной школы и даже некоторые ее положительные черты. В частности, опровергает мнение, что не вся военная школа переживала упадок и в доказательство приводит ситуацию с Военно-юридической академией, где в 80-е гг. XIX столетия преподавали Н. А. Коркунов, Ф. Н. Ногов, «учитель Права и Правды» – К. Д. Кавелин. Лушников так же не согласен с большинством отечественных исследователей, что военная школа после реформ Ванновского стала копией «николаевских» военно-учебных заведений. В заключении своей работы автор пишет: «...выглядит искусственно распространенное в литературе мнение о том, что николаевская военная школа дала поражение в Крымской войне, а «милютинская» военная школа – победу в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В той же войне с турками большая часть генералов и старших офицеров были «николаевскими». Сваливая поражение в русско-японской войне 1904–1905 гг. на недочеты военной школы Ванновского, надо полагать, что опять же большинство генералов и старших офицеров принадлежали к «милютинской» военной школе»³⁵.

³¹ Там же. С. 301.

³² См.: *Галушко Ю. А., Колесников А. А.* Школа Российского офицерства. М., 1993; *Каменев А. И.* История подготовки офицерских кадров в России. М., 1990; *Его же.* Военная школа России. М., 1999; *Задорожный В. Б.* История подготовки офицерских кадров в России. Новосибирск, 1990; *Скоробогатый В. А.* Военная школа России: страницы истории. М., 1990; *Крылов В. М.* Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998; *Лушников А. М.* Армия, государство и общество: система военного образования в социально-политической истории России. Ярославль, 1996; *Машкин Н. А.* Высшая военная школа Российской империи XIX – нач. XX века. М., 1997; *Михайлов А. А.* Руководство военным образованием в России во второй половине XIX – нач. XX века. Псков, 1999.

³³ *Михайлов А. А.* Указ. соч. С. 257.

³⁴ Там же. С. 257.

³⁵ *Лушников А. М.* Указ. соч. С. 116.

Эмигрантская историческая наука представлена исследованием А. А. Керсновского «История русской армии»³⁶. Вооруженным силам России конца XIX в. посвящен третий том. Для написания книги Керсновский использовал, как правило, опубликованные материалы. Период правления Александра III назван в исследовании «Застоем», даны нелицеприятные характеристики военному министру Ванновскому: «Человек в высшей степени грубый и придиричивый, он деспотически обращался с подчиненными. Служить с ним было очень тяжело, и редко кто выносил его сколько-нибудь продолжительное время»³⁷. Тем не менее автор не смог отказаться от стремления приукрасить истинное положение дел в армии. Генерал Б. Штейфон в своей заметке «История русской армии» называет Керсновского «человеком не прошедшим военную школу и не имевшим возможности усвоить военно-боевой опыт»³⁸, к тому же «Керсновский – пламенный монархист»³⁹. Вероятно, поэтому исследование выглядит однобоко и явно стремление автора к «сглаживанию углов» и идеализации монархов. Кроме того, великие князья, те самые, которые принесли русской армии наибольший вред, представлены лишь с наилучшей стороны: «...плодотворно трудился над артиллерией великий князь Сергей Михайлович, брат которого великий князь Алексей Михайлович – вопреки всеобщему противостоянию создал русский воздушный флот. Великий князь Николай Николаевич – младший переродил конницу, а главный начальник военно-учебных заведений – великий князь Константин Константинович – оставил по себе светлую память в десятках тысяч юных сердец»⁴⁰. Военные же профессионалы, с точки зрения Керсновского, отличались «отсутствием интуиции и парадоксальностью»⁴¹, как, например, начальник Киевского военного округа генерал М. И. Драгомиров⁴².

В зарубежной исторической литературе изучению русской армии последней четверти XIX в. посвящено исследование американского ученого У. Фуллера «Конфликт между гражданскими и военными в имперской России 1881–1914»⁴³. Автор первый в мировой историографии исследовал такую проблему, как противоречия между гражданскими министрами и руководителями военного ведомства. В основе конфликта, по мнению Фуллера, было не что иное, как «неспособность правительства согласовать гражданские и военные интересы... что было одним из тяжелейших недугов царизма»⁴⁴.

³⁶ Керсновский А. А. История русской армии: В 4 т. М., 1993.

³⁷ Керсновский А. А. История русской армии. Т. 3. С. 14.

³⁸ Штейфон Б. Об авторе «Истории русской армии» // Керсновский А. А. История русской армии. М., 1993. Т. 4. С. 334.

³⁹ Там же. С. 335.

⁴⁰ Там же. Т. 3. С. 30.

⁴¹ Керсновский А. А. Указ. соч. С. 22–23.

⁴² Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905), профессор Николаевской академии в 1863–1869 гг., с 1869 г. начальник штаба Киевского военного округа, с 1873 г. начальник 14-й пехотной дивизии, с 1878 г. начальник академии, с 1889 г. командующий Киевским военным округом, генерал-губернатор киевский, подольский и волынский, с 1891 г. генерал от инфантерии.

⁴³ Fuller W. C. Civil-Military conflict in Imperial Russia 1881–1914. Princeton, 1985.

⁴⁴ Fuller W. C. Civil-Military conflict... Р. XXIII; Лапин В. В. Армия дореволюционной России в современной западной историографии // Государственные институты и общественные отношения в России XVIII–XX вв. в зарубежной историографии. СПб., 1994. С. 16.

Наибольший интерес в исследовании вызывает вторая глава («Финансирование русской армии 1881–1903 г.»), которая отличается новизной и посвящена раскрытию вопроса, поставленного в начале монографии: «В чем причины противоречий министерств?» Анализируя причины «недоразумений» между военными министрами и Министерством финансов, Фуллер высказывает предположение, что в этих спорах правда была на стороне силового ведомства, так как «великий индустриальный бум 90-х годов был отмечен ценой пренебрежения технологическими и материальными нуждами армии»⁴⁵. Автор стремился быть непредвзятым, признавая, с одной стороны, бесхозяйственность Военного министерства, с другой – «... некомпетентность минфина», которые причинили значительный ущерб русской армии⁴⁶, что, разумеется, не могло не сказаться на боевой подготовке войск. Последнее стало особенно заметно в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг.

Военные, конечно, не могли спокойно наблюдать за стремлением финансистов экономить на армии в пользу строительства промышленных предприятий и неоднократно ставили вопрос об «армейских ассигнованиях». Военный министр Ванновский в докладе Александру III указывал: «Несомненно, что без особых, решительных мер, энергически направленных к приведению в порядок нашей военной готовности, существовавшее переходное положение, обратившееся уже в хронический наш недуг, продлится неопределенное время»⁴⁷.

В заключении автор высказывает суждение, что конфликт между гражданскими и военными чинами был не надуман, а отражал действительность: «... возникнув в начале царствования Александра III, он усилился в 90-е гг. и в определенных пропорциях продолжался в конституционный период... Сердцевиной конфликта было расхождение взглядов царя, гражданских министров и главы военного ведомства Ванновского на назначение армии»⁴⁸. В дополнение ко всему и Александр III, а тем более Николай II были военными лишь «по чувству долга». В это же самое время, по мнению Фуллера, «завязывается еще один узел конфликта между военными и царской фамилией»⁴⁹, когда великие князья по всякому поводу, а чаще без него, вмешивались в деятельность Военного министерства и его руководителей.

В 1992 г. вышла книга Б. У. Меннинга «Штыки прежде чем пули: Императорская российская армия, 1861–1914»⁵⁰. Брюс Меннинг использовал не только отечественные архивы, но и архивы русской эмиграции. Считая, что «судьба императорской армии между 1881–1904 г. зависела от личностей и их отношений с царем»⁵¹, Меннинг рассматривает историю русской армии именно через биографии и деятельность военных руководителей России: Д. А. Милютин, П. С. Ванновского, М. И. Драгомирова, А. Н. Куропаткина.

⁴⁵ Fuller W. C. Op. cit. P. 72.

⁴⁶ Ibid. P. 74.

⁴⁷ Всеподданнейший доклад по Военному министерству за 1882 г. // ГАРФ. 677. Оп. 1. Д. 397. Л. 94 об.

⁴⁸ Fuller W. C. Op. cit. P. 259.

⁴⁹ Fuller W. C. Op. cit. P. 230–233.

⁵⁰ *Manning B. W. Bayonets before Bullets. The imperial Russian Army, 1861–1914.* Bloomington and Indianapolis, 1992.

⁵¹ Ibid. P. 87.

В противовес Фуллеру, Меннинг считает, что в конце XIX в. в русской армии решающим было столкновение личностей (например, Ванновского с Бунге, Вышнеградским и Витте. – С. К.) Это прослеживается во всей монографии.

Подробно Меннинг рассматривает причины неудач в управлении армией. Главными среди них американский исследователь считает «отрядоманию и парадоманию», а также отсутствие взаимодействия сухопутных сил и военно-морского флота. Что касается «парадомании», то она была наследственной в российских вооруженных силах. Достигнув в царствование Николая I и Александра II наивысшего расцвета, во время руководства страной Александром III она не уменьшилась, а лишь видоизменилась, приспособившись к новым условиям царствования тринадцатого императора. «Отрядомания» приводила к снижению боеспособности. Командиры соединений просто не могли вести боевые действия при взаимодействии с другими частями. Это в полной мере проявилось в русско-японской войне 1904–1905 гг.

Русская армия последней четверти XIX в. по-разному оценивалась в исторической науке, как отечественной, так и зарубежной. Различными были и подходы к исследованию ее истории. Но в одном исследователи были единодушны – российские вооруженные силы переживали период кризиса. Он стал одной из составляющих политической трагедии России в начале XX столетия.

В. П. Тотфалушин

САРАТОВ В ЖИЗНИ К. А. ВОЕНСКОГО

Жизненный и творческий путь известного русского историка, библиографа и переводчика К. А. Военского лишь недавно привлек внимание исследователей¹. Однако в их трудах сведения о саратовском периоде жизни Военского либо отсутствуют (Н. А. Троицкий), либо представлены неполно (А. А. Кононов, В. П. Тотфалушин), а в краеведческой литературе его имя практически не упоминается.

Между тем с саратовской землей Константина Адамовича связывало и прошлое семьи, и жившие там родственники. Его мать – Ольга Парменовна (урожденная Владыкина) приходилась внучкой известному саратовскому губернатору А. Д. Панчулидзеву². Отец – отставной подпоручик Адам Иосифович Военский – в конце 1848 г. переехал в Саратов и попросил причислить его к саратовскому дворянству³. Очевидно, здесь и произошло знакомство будущих родителей историка.

Местом рождения Константина Адамовича С. А. Венгеров также считал Саратовскую губернию⁴, однако А. А. Кононов предположил, что это «лишь неточная интерпретация фразы: «из дворян саратовской губернии», встречающейся в Curriculum vitae»⁵.

Между тем в фондах ОР РНБ мне удалось обнаружить три разновременных автографа Военского на французском языке, в которых он прямо указывает на Саратов как место своего рождения («né à Saratoff en 1860»). Правда, в самом раннем документе слово «Saratoff» зачеркнуто и поверх него написано «St.

Автор выражает свою признательность А. А. Кононову за ценные консультации.

¹ См.: Троицкий Н. А. Отечественная война 1812 года: История темы. Саратов, 1991; Кононов А. А. К. А. Военский – историк Отечественной войны 1812 года // Памяти Ю. Д. Марголиса: Письма, документы, научные работы, воспоминания. СПб., 2000; Его же. Историк К. А. Военский (1860–1928): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000; Тотфалушин В. П. Материалы к биографии К. А. Военского // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы IV научной конференции, Москва, 26 апреля 2001 г. М., 2001.

² См.: Родословная роспись дворян Панчулидзевых // Приложение к журналу «Русский архив». 1893. Кн. 1. С. 75; Саратовский листок. 1894. 2 дек.; Новое время. 1894. 14 (26) дек.; Автограф К. А. Военского на кн.: Руа И. Французы в России. Воспоминания о кампании 1812 года и о двух годах плена в России. СПб., 1912. С. 106 (РНБ. шифр 37.37.9.8).

³ См. об этом подробнее: Тотфалушин В. П. Указ. соч. С. 5.

⁴ См.: Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых: (от начала русской образованности до наших дней). 2-е перераб. изд. Пг., 1915. Т. 1. С. 140.

⁵ Кононов А. А. Историк К. А. Военский... С. 21; Curriculum vitae [после 1912 г.] // РО ИРЛИ. Ф. 377. Оп. 7. Д. 906. Л 1.

Pétersbourg»⁶. Окончательно решить этот вопрос пока не удалось, так как просмотр метрических книг не дал положительных результатов⁷.

В более позднее время связующим звеном между Военским-лицеистом и нашим городом стали рассказы, наверняка слышанные им на костюмаровских «вторниках» от Е. А. Белова, Н. И. Костомарова и Д. Л. Мордовцева («многолетнего, стародавнего» друга матери Константина Адамовича), в жизни которых Саратов сыграл значительную роль⁸.

Наконец, в зрелые годы судьба вновь приводит Военского в Поволжье. 24 марта 1893 г. по приглашению бывшего саратовского губернатора М. Н. Галкина-Врасского Военский был «перемещен» на должность помощника саратовского губернского тюремного инспектора, а в декабре того же года назначен цензором саратовских повременных изданий («Саратовского листка», «Саратовского дневника» и всех изданий Саратовского губернского земства)⁹.

Его супруга Ольга Романовна (в первом браке – Ган) стала одной из директрис дамского отделения Губернского попечительного о тюрьмах комитета. Какое-то время Военские жили недалеко от Волги в доме Аносова на улице Московской, 17 (дом сохранился)¹⁰. Но, вероятно, позднее они переехали на другую квартиру, так как в письме С. Н. Шубинскому из Саратова от 11 мая 1896 г. указан иной адрес: улица Часовенная (ныне Челюскинцев), дом 57¹¹.

С нашим городом связаны серьезные изменения в их семейной жизни: здесь сначала, очевидно под влиянием Константина Адамовича, принял православие под именем Иван его пасынок Арвид, а 9 октября 1896 г. у Военских родился сын Сергей¹². Запись о его рождении внесена в метрическую книгу Николаевской (Никольской) церкви¹³. Так в народе называли церковь Рождества Пресвятыя Богородицы, один из трех пределов которой был освящен во имя Св. Николая Чудотворца. Она располагалась на улице Большой Сергиевской (ныне имени Н. Г. Чернышевского), неподалеку от первой квартиры Военских. Ныне на этом месте стоит жилой дом и магазин «Юбилейный»¹⁴.

В Саратове Константин Адамович прослужил до 7 ноября 1896 г., неоднократно исполняя обязанности тюремного инспектора¹⁵. Кроме того, он издал два выпуска «Тюремного календаря»¹⁶, экземпляры которого послал, в частности, Галкину-Врасскому и принцессе Евгении Максимилиановне Ольденбургской, известной своей деятельностью в сфере тюремной

⁶ См.: Curriculum vitae [после 1895 г.] // ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 3. Д. 1. Л. 1; Memorandum [после 1907 г.] // Там же. Л. 2; Отрывок автобиографии (начало) на французском языке [после 1896 г.] // Там же. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

⁷ См.: *Тотфалушин В. П.* Указ. соч. С. 5.

⁸ См.: *Кононов А. А.* Историк К. А. Военский... С. 24–25, 35.

⁹ См.: Там же. С. 34; *Тотфалушин В. П.* Указ. соч. С. 7.

¹⁰ См.: Адрес-календарь Саратовской губернии на 1895 год. Саратов, 1895. С. 217; Приложение. С. 17.

¹¹ См.: ОР РНБ. Ф. 874. Оп. 1. Д. 64. Л. 88 об.

¹² См.: ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 2182. Л. 2, 12; ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 3. Д. 2. Л. 2.

¹³ См.: РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. Д. 3173. Л. 43.

¹⁴ См.: Справочная книга Саратовской епархии. Саратов, 1912. С. 3–4; *Валеев В. Х.* Из истории саратовских церквей: Краткий иллюстрированный справочник. Саратов, 1990. С. 64–67.

¹⁵ См.: *Кононов А. А.* Историк К. А. Военский... С. 35; *Тотфалушин В. П.* Указ. соч. С. 7.

¹⁶ Тюремный календарь, 1894 / Изд. К. А. Военский. Саратов, 1894; Тюремный календарь, 1896 / Изд. К. А. Военский. Саратов, 1896.

благотворительности¹⁷. Добросовестная служба Военского была отмечена начальством: приказом от 24 марта 1895 г. он был произведен «за выслугу лет» в надворные советники¹⁸.

Но все большее место в деятельности Военского помимо службы занимали исторические изыскания. Характерно, что среди документов его архива за саратовский период, в отличие от времени службы в МИД и Курляндии, преобладают научные материалы и практически отсутствуют служебные.

В эти годы произошел настоящий прорыв в издании Военским своих работ по истории. Константин Адамович активно сотрудничает как в местной, так и в столичной прессе. Особо прочные контакты устанавливаются у него с журналом «Русская старина», где за три с половиной «саратовских» года выходит пять публикаций. Большинство его работ еще не вполне свободны от журналистской популяризации, но фактически с 1894–1895 гг. Военский выступает в печати как профессиональный исследователь, а материалы отдельных «любопытных» документов, переводов, заметок постепенно приобретают большую академичность и обрастают необходимым научным аппаратом. Тогда же у него складывается устойчивая потребность в архивных разысканиях¹⁹.

Важную роль в становлении Военского как профессионального исследователя сыграло его знакомство с местными историками (В. Н. Смольяниновым, А. Н. Минхом, Н. Ф. Хованским и др.) и участие в работе СУАК, в которую он был избран «закрытою баллотировкою» 23 апреля 1894 г. Кроме того, в сентябре 1896 г. Константин Адамович стал также действительным членом Симбирской УАК²⁰.

В Саратове Военский издает результаты своих занятий японской историей²¹, освещает некоторые сюжеты из прошлого и настоящего Саратовского края²², участвует в подготовке трудов коллег²³, наконец, впервые обращается к истории 1812 года. Этому предшествовало его знакомство с последним ветераном Великой армии Ж. Б. Савеном, оказавшимся еще вполне способным поделиться стародавними воспоминаниями²⁴, которые легли в основу биографического очерка²⁵. А через два года Военский поместил свою переработанную статью о Савене в «Русской старине» и впоследствии еще дважды возвращался к ней²⁶.

¹⁷ См.: Кононов А. А. Историк К. А. Военский... С. 35.

¹⁸ См.: ГАСО. Ф. 655. Оп. 1. Д. 2182. Л. 14 об.–15; ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 3. Д. 2. Л. 4 об.–5.

¹⁹ См.: Кононов А. А. Историк К. А. Военский... С. 35–37.

²⁰ См.: Там же. С. 35; Тотфалушин В. П. Указ. соч. С. 7.

²¹ См.: К. В. Страна восходящего солнца // Саратовский листок. 1894. 2 сент.; 19 окт.; 12 нояб.; 13 нояб.; 23 дек.; 24 дек.

²² См.: ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 2. Д. 844. Л. 4; *Военский К. А. Забытое благодеяние: (О памятнике Петру Великому в Саратове по модели П. Н. Тургенева) // Русский архив. 1896. № 10; Протоколы // Труды СУАК. Саратов, 1898. Вып. 21. С. 30, 43.*

²³ См., напр.: *Минх А. Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии. Т. 1, вып. 1: А–Г / Печатан под наблюдением членов СУАК В. Н. Смольянинова, К. А. Военского, А. А. Прозоровского и С. А. Щеглова. Саратов, 1898.*

²⁴ См.: Кононов А. А. К. А. Военский... С. 711–712; Тотфалушин В. П. Указ. соч. С. 7.

²⁵ См.: *Военский К. А. Последний из ветеранов «Великой армии» // Приложение к газете «Новое время». 1894. 28 мая (9 июня).*

²⁶ См.: *Военский К. А. Из воспоминаний о последнем офицере армии Наполеона I // Русская старина. 1896. № 4; Его же. Последний из ветеранов великой армии: Из личных воспоминаний и бесед с офицером армии Наполеона I, участником войны 1812 года // Священной памяти*

Расширению контактов Военского в среде историков способствовало и включение его в состав делегации от СУАК на X Археологический съезд в Риге, где он предполагал выступить с сообщением о Курляндском герцогском архиве и 16 февраля 1896 г. прочел предварительный реферат на эту тему на заседании УАК. Однако публикация статьи Я. И. Лудера на ту же тему заставила его сменить сюжет, и 3 августа Константин Адамович выступил на съезде с докладом «Mitau et son château historique»²⁷.

После переезда в Петербург важными связующими фигурами между Военским и Саратовом остаются родственник Константина Адамовича, член СУАК, историк С. А. Панчулидзе и многолетний редактор-издатель «Саратовского листка» П. О. Лебедев. Их переписка, отложившаяся в ОР РНБ, продолжалась много лет после отъезда Военского из Саратова.

Не давала забыть Саратов Военскому и СУАК, действительным членом которой он был до своей эмиграции из России²⁸. В ее работе Константин Адамович принимал самое деятельное участие: в 1909 г., «озабочиваясь собиранием биографических данных о своих членах» для юбилейного сборника, «Комиссия получила... эти сведения от... К. А. Военского...»²⁹. В том же году после интенсивной переписки³⁰ он сделал «пожертвования разными изданиями и своими печатными трудами...» в библиотеку СУАК³¹.

В 1910 г. в связи с подготовкой Комиссией сборника к юбилею Отечественной войны 1812 г. Константин Адамович сообщил «ценные сведения о проживавших в Саратовской губернии военнопленных» «и в особенности о Н. А. Савене» и, кроме того, «доставил в... архив (Комиссии. – В. Т.) интересные дела с бумагами и перепискою, касающимися цензуры саратовских газет в 1870-х и 1880-х гг.»³²

В 1911 г. Комиссия приглашала Военского принять участие в торжествах в память М. В. Ломоносова (8 ноября) и по случаю 25-летия СУАК (17–18 декабря), но состояние здоровья не позволило Константину Адамовичу приехать в Саратов, и он ограничился поздравительной телеграммой³³.

К сожалению, на этом сведения о связях К. А. Военского с Саратовом обрываются. Однако уже приведенные материалы позволяют сделать вывод, что наш город сыграл большую роль и в личной, и в научной судьбе историка. В силу этого его имя должно занять достойное место среди саратовских историков.

Двенадцатый год: Ист. очерки, рассказы, воспоминания и другие статьи, относящиеся к эпохе Отечественной войны. СПб., [1912]; То же // Свет: Сб. романов и повестей. 1914. Т. 6 и *Revue des études napoléoniennes*. 1914. Vol. 5.

²⁷ См.: Кононов А. А. Историк К. А. Военский... С. 38–39; Тотфалушин В. П. Указ. соч. С. 7.

²⁸ См.: Труды СУАК. Саратов, 1903. Вып. 23. С. 50; 1908. Вып. 24. С. 144; 1909. Вып. 25. С. 98; 1910. Вып. 26. С. 86 и др.

²⁹ Труды СУАК. Вып. 26. С. 46.

³⁰ См.: ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 2. Д. 844. Л. 18, 21, 22–22 об., 24.

³¹ Труды СУАК. Вып. 26. С. 64.

³² Труды СУАК. Саратов, 1911. Вып. 27. С. 4, 5.

³³ См.: ОР РНБ. Ф. 152. Оп. 2. Д. 844. Л. 52, 53.

А. С. Мыльников

КАК ЭТО БЫЛО: ИЗ ПРЕДЫСТОРИИ ЭКСПЕДИЦИИ 2000 г. В СЕВЕРНУЮ ГЕРМАНИЮ

Воскресным утром 10 сентября 2000 г. в берлинском аэропорту «Шёнефельд» приземлился самолет санкт-петербургской компании «Пулково». Среди его пассажиров находились три научных сотрудника Отдела европейстики Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской Академии наук – участники первой в истории этнографической науки совместной российско-немецкой этнографической экспедиции. Кроме автора этих строк членами экспедиции были А. А. Новик и Ю. В. Иванова*.

Цель экспедиции заключалась в проведении полевых этнографических исследований в Северной Германии, где некогда проживали западные (полабские) славяне, сменившие свою этническую ориентацию и ставшие немцами. Изучение механизма этого сложного и длительного процесса составляло нашу основную задачу.

Известно, что в эпоху волнообразного Великого переселения народов вандалские группы восточногерманских племен в IV в. н. э. двинулись на Запад, а на опустевших территориях приблизительно с конца V–начала VI в. стали расселяться шедшие с востока славянские племена. Обобщенно их принято называть полабскими славянами, поскольку в основном они обосновывались в междуречье Одера и Эльбы и по реке Заале до Лужицы (Лаузица), отчасти переходя в эльбское Левобережье и затрагивая ряд других областей Германии. Примерно с X–XI вв. наметилось обратное движение немецкого этноса на восток¹. При этом военно-политическая экспансия германских феодалов, использовавших тактику насильственной христианизации языческого славянского населения, сочеталась с массовой немецкой крестьянской колонизацией. Постепенно эти сложные и драматические процессы привели в XII–XIII вв. к ассимиляции подавляющей части полабских славян (по-немецки их именовали «венды»), которые постепенно вливались в состав немецкого этноса. По установившемуся в науке мнению, это имело для этнической истории немцев важное значение. «Ассимиляционные процессы, которые сочетались с переходом к развитому феодальному обществу, – отмечал авторитетный немецкий исследователь этой проблемы Иоахим Херрман, – привели с XII–XIII вв. к возникновению новых

*Статья представляет собой фрагмент коллективной монографии, подготавливаемой названными участниками экспедиции.

¹ См.: *Tetzner F.* Die Slawen in Deutschland. Beitrage zur Volkskunde. Braunschweig, 1902; *Die Slawen in Deutschland. Ein Handbuch. Neubearbeitung.* Hg. von J. Herrmann. Berlin, 1985.

этнических групп немецкого народа с различным, но сильным участием славянских крестьян, ремесленников и жителей городов»².

Впрочем, происходило это в разных частях Германии асинхронно и полностью не завершилось до сих пор: достаточно сослаться на сохранение небольшой части (по имеющимся оценкам, ныне около 50–60 тысяч человек) южного полабского этнического массива – лужицких сербов (по-немецки именуемых «сорбы») в районах Котбуса и Баутцена/Будышина. Но и на Севере Германии полабские славяне исчезли не вдруг и не сразу. Анализ письменных и других источников показывает, что это был достаточно длительный период.

Долее всего славянское («вендское») население со своим языком и обычаями удерживалось, подобно островкам в немецком море, до конца XVII в. в юго-западной части (Ябельхайде) герцогстве Мекленбург (ныне федеральная земля Мекленбург–Передняя Померания) и до первой половины XVIII в. в Ганноверском Вендланде (ныне федеральная земля Нижняя Саксония). В этих районах, лежащих по правому и левому берегам реки Эльба (по-славянски Лаба), нам и предстояло в течение двух месяцев провести полевые этнографические исследования, являвшиеся составной частью долговременного междисциплинарного исследовательского проекта «Germania Slavica».

Исходные цели и задачи проекта были сформулированы еще в 1980 г. Вольфгангом Фритце³, а затем развиты Клаусом Цернаком, Винфридом Эберхардом, Кристианом Любке и рядом других немецких ученых⁴. Новым стимулом реализации фундаментального междисциплинарного исследования стало учреждение в Лейпциге Центра общественных наук по истории и культуре Восточно-Центральной Европы (Geisteswissenschaftliche Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas, сокращенно GWZO). Основанный в октябре 1995 г. федеральной землей Саксония, Центр с начала следующего года приступил к работе. «Ядром Восточно-Центральной Европы, – поясняет директор Центра В. Эберхард, – являются польские, чешские и венгерские земли в их исторически менявшемся составе, прежде всего для компаративного подхода исследовательского проекта, поскольку они в особенности подходят для этого. Но к ним относятся также расположенные восточнее Эльбы и Заале немецкие исторические области с их славяно-немецкими переплетениями, то есть Germania Slavica»⁵. Специально содержание и место «Germania Slavica» в системе научной деятельности лейпцигского Центра было рассмотрено в статье К. Любке, куратора этого проекта, в рамках которого нам и предстояло осуществить задуманную работу⁶. Но для определения ее объема, направленности, методики и выбора мест полевых исследований потребовалось несколько лет подготовки.

Идея проведения этнографической экспедиции на территории Северной Германии, в основном между реками Эльба и Одер, сформировалась у одного из авторов (А. С. Мыльников) в самом начале 1990-х гг. Ее возникновение было

² *Herrmann J.* Die Nordwestslawen und ihr Anteil an der Geschichte deutschen Volkes. Berlin, 1973. S. 29.

³ См.: *Fritze W.* Germania Slavica. Zielsetzung und Arbeitsprogramm einer interdisziplinären Arbeitsgruppe // *Germania Slavica*. Hg. von W. H. Fritze. Berlin, 1980. Bd. I. S. 11–40.

⁴ См.: *Forschungsschwerpunkt Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas*. Kommissarische Leiter K. Zernack, W. Eberhard. Berlin, s. D.

⁵ *Eberhard W.* Vorwort // *Struktur und Wandel im Frueh- und Hochmittelalter. Eine Bestandsaufnahme aktueller Forschungen zur Germania Slavica*. Hg. von Chr. Luebke. Stuttgart, 1998. S. 7.

⁶ См.: *Luebke Chr.* Einfuehrung: Germania – Slavica – Forschung im Geisteswissenschaftlichen Zentrum Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas e. V.: Die Germania Slavica als Bestandteil Ostmitteleuropa // *Struktur und Wandel...* S. 9–16.

естественным образом связано с его научными интересами⁷, лежавшими в русле коллективной разработки отечественными славистами проблем генезиса этнического самосознания у славянских народов⁸.

Дело в том, что вопросы истории и культуры проживавших на территории Северной Германии западнославянских (полабских) племен от рубежа V–VI вв. и до их ассимиляции давно стали предметом изучения археологов, историков, лингвистов, фольклористов, а также краеведов, прежде всего – немецких. Но, в отличие от этнографически хорошо изученных серболужичан (сорбов), этнографическое изучение северополабских славян и процессов их германизации, за редкими исключениями, не получило должного развития, либо, если к нему и обращались, хронологически чаще всего ограничивалось Средневековьем. Между тем процесс германизации северополабских славян был более длительным и оставил след в немецкой этнической истории. Возникали вопросы: Где? Когда? Какой?

Получить на них ответы представлялось заманчивым и с чисто познавательной, и с теоретической точки зрения, причем опираясь не только на давние письменные источники или научную литературу, но и на современный живой материал. Но его нужно было собрать, как говорят этнографы, «в поле». Уже тогда было ясно, что это, в свою очередь, позволило бы рассмотреть и осмыслить механизм вхождения ассимилированного славянского населения в немецкий этнос и, соответственно, его культурного наследия – в современную немецкую народную культуру. Конечно, поначалу многие стороны будущей полевой работы оставались неясными.

Во избежание терминологической путаницы в дальнейшем, сразу же поясним, что в русском языке одно из значений слова «экспедиция» – «поездка, поход группы лиц, отряда с каким-либо специальным заданием, например научная экспедиция»⁹. По-немецки этот термин воспринимается несколько иначе, с учетом пространственного критерия – поездка куда-то далеко, по большей части в незнакомую местность (например, на Южный полюс). В нашем случае корректным для перевода на немецкий язык русского понятия «экспедиция» явилось бы слово «Forschungsreise», то есть «исследовательское путешествие», «поездка с исследовательскими целями»¹⁰.

В экспедиционном архиве (ЭА) частично сохранилась переписка, связанная с проектом. Об этом в первой половине 1990-х гг. А. С. Мыльников, будучи в то время директором Кунсткамеры, говорил несколько раз в Отделении истории РАН. 23 октября 1992 г. он направил письмо Председателю Федеральной телерадиовещательной службы «Россия» (этот пост занимала Б. А. Куркова), в котором извещал о намерении Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого провести в 1993 г. этнографическую экспедицию в Северную Германию и предлагал включить в состав экспедиции телевизионную съемочную группу (ЭА. № 1. Л. 1). Сказать по правде, подобные предложения отклика с российской

⁷ См.: Мыльников А. С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. СПб., 1996–1999. Т. 1–2; Мыльников А. С. Народы Центральной Европы: формирование национального самосознания. XVIII–XIX вв. СПб., 1997.

⁸ См. напр., серию, подготовленную Институтом славяноведения РАН: Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего Средневековья / Отв. ред. В. Д. Королук, Г. Г. Литаврин. М., 1982; Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М., 1989; Этническое самосознание славян в XV столетии / Отв. ред. Г. Г. Литаврин, Б. Н. Флоря. М., 1995.

⁹ Словарь иностранных слов. 18-е изд. М., 1989. С. 588.

¹⁰ Langenscheidts Grosswoerterbuch Deutsch als Fremdsprache. Hg. von D. Gottz, G. Haensch, H. Wellmann. Berlin etc., 1997. S. 309.

стороны ни тогда, ни позднее не получили. Но зато ими заинтересовалась немецкая сторона.

Тогда же, в конце 1992 г. и в 1993 г., письма с кратким обоснованием идеи экспедиции были направлены депутату Ландтага земли Шлезвиг-Гольштейн проф. Эккехарду Клогу, директору Балтийской академии в Травемюнде доктору Дитмару Альбрехту, директору Шлезвиг-Гольштейнского музея под открытым небом доктору Карлу Ингверу Иохансену. Со всеми ними А. С. Мыльников поделился планами этнографического обследования территорий Северной Германии, на которых прежде проживали славяне: поначалу речь в основном шла об острове Рюген и Ганноверском Вендланде, отчасти о некоторых районах Восточного Гольштейна. Деловая ответная реакция с немецкой стороны и положила, по сути дела, начало реальной подготовительной работе. 7 января 1994 г. в ответном письме из Балтийской академии в Травемюнде руководитель соответствующего направления доктор Иорг Хакман писал: «Глубокоуважаемый господин профессор Мыльников, ваш проект поездки (Exkursion) на Рюген и в Вендланд для исследования славянских культурных реликтов я передал в начале ноября господину Цернаку, который сказал мне, что он вполне усматривает возможность финансирования такой поездки и охотно готов этому содействовать». Далее Хакман советовал непосредственно связаться с Цернаком (ЭА. № 1. Л. 5).

Не отлагая дела в долгий ящик, мы 12 января 1994 г. направили профессору Клаусу Цернаку, одному из виднейших немецких историков, факс с кратким изложением проекта совместной российско-немецкой этнографической экспедиции для проведения полевой исследовательской работы. Почти одновременно с этой перепиской пришел датированный 11 января 1994 г., ответ и от Карла Ингвера Иохансена, Он, в частности, посоветовал связаться с доктором Карлом Ковалевским из города Люхов (Вендланд), поскольку тот, по словам автора письма, будучи активным сторонником развития культурных контактов между европейским Западом и Востоком, мог бы явиться «посредником (Verbindungsmann) и советчиком» в нашем деле (ЭА. № 1. Л. 8).

Совет Иохансена оказался не только полезным, но и своевременным. Ибо вскоре с Карлом Ковалевским и его вендландскими коллегами удалось установить дружественные личные и исключительно плодотворные деловые контакты. Но сперва в Кунсткамеру летом 1995 г. поступило письмо из Люхова на бланке «Общества по поддержанию круглых деревень в Ганноверском Вендланде», подписанное окружным архивариусом Вольфгангом Юрриесом (ЭА. № 2. Л. 1–2) Правда, речь в письме шла не об экспедиции, а о поиске утраченного оригинала записок, автором которых был Иоган Парум Шульце (1677–1740). Славянский грамотей и сельский староста из деревни Зютен (Suethen), он сохранил для будущего записи, касавшиеся истории, обычаев местных вендландских славян (древлян) и их вымиравшего языка¹¹. Последним, кто видел и исследовал оригинал рукописи Шульце, был известный русский славист А. Ф. Гильфердинг, издавший в Санкт-Петербурге текст записок в книге «Памятники наречия залабских древлян и глинян» (1856). У вендландских коллег возникло предположение, не оказался ли оригинал рукописи Шульце в России. В качестве консультанта и был приглашен А. С. Мыльников.

В ноябре 1995 г. в деревне Любельн, где располагается местный этнографический музей, состоялся коллоквиум с участием российского ученого и видных немецких полабистов профессора Дитриха Герхардта и доктора Вальтера

¹¹ См.: Супрун А. Е. Полабский язык. Минск, 1987.

Кестнера¹². Нам удалось обсудить и некоторые вопросы будущей полевой работы, что было предварительно оговорено в переписке с Юрриесом и Ковалевским (ЭА. № 2. Л. 5–6). В ноябрьских обсуждениях целесообразность и реальность такой работы немецкие коллеги полностью поддержали.

Будущее сотрудничество было закреплено 3 ноября того же года Протоколом о намерениях, подписанным с немецкой стороны Юрриесом, а с российской – Мыльниковым (ЭА. № 2. Л. 8). Протокол был утвержден Правлением Общества по поддержанию круглых деревень (3 ноября 1995 г.) и Ученым советом Кунсткамеры (21 марта 1996 г.) (ЭА. № 2. Л. 9). Этим был сделан еще один шаг к реализации идеи этнографических исследований в области славянского культурного наследия в Северной Германии.

Но, пожалуй, решающим в этом смысле оказался 1996 г., когда в Кунсткамеру поступило письмо от руководителя проекта «Germania Slavica» профессора Кристиана Любке. Это письмо, датированное 6 марта, начиналось словами: «Господин профессор Цернак из Свободного Университета Берлина передал мне Ваш набросок исследовательского проекта к этнографии Germania Slavica («Элементы традиционной культуры полабских славян в немецкой народной культуре») с просьбой рассмотреть, существует ли возможность в рамках нашего Центра поддержать планируемые Вами исследования» (ЭА. № 1. Л. 10). Далее Любке сообщал о заинтересованности руководимой им междисциплинарной программы в предлагаемой нами этнографической работе. При личной встрече в мае, на торжественном открытии в Халле международной выставки, посвященной русскому академику Георгу Вильгельму Стеллеру (Штеллеру) (1709–1746) и его экспедиции в Сибирь, были обсуждены конкретные вопросы возможного сотрудничества.

После этой встречи письменный обмен мнениями в 1996 и 1997 гг. продолжался (ЭА. № 1. Л. 14, 15, 17–21, 23). Тогда же установился и контакт с Институтом славистики одного из старейших немецких университетов в северогерманском городе Грайфсвальд. Директор этого Института профессор Манфред Нимайер не только с пониманием отнесся к идее экспедиции, но и создал условия для стажировки Ю. В. Ивановой, одной из ее будущих участниц. К тому времени в Историческом институте того же Университета стал работать и профессор К. Любке. Такое удачное совпадение в немалой степени способствовало успеху общего дела.

Ключевым явилось адресованное А. С. Мыльникову, письмо К. Любке от 21 мая 1997 г. В нем сообщалось, что Научный совет лейпцигского Центра решил, во-первых, принять «проект исследования славянских реликтов в земле Мекленбург–Передняя Померания и, возможно, в Вендланде», включив его в проект «Germania Slavica», и, во-вторых, обратиться в Немецкий исследовательский фонд (Deutsche Forschungsgemeinschaft, сокращенно: DFG) с просьбой о финансовой поддержке. «Если DFG этот проект поддержит, – говорилось в письме далее, – Вы должны будете в будущем году приехать в Германию с тем, чтобы в первую очередь произвести необходимые источниковедческие разыскания, а равным образом определить конкретно возможные места для полевых исследований» (ЭА. № 1. Л. 17). Естественно, с нашей стороны ничего иного, кроме согласия с таким планом, быть не могло. В обстановке приятных ожиданий наступил 1998 год, когда вопрос об экспедиции был не только решен окончательно, но и наконец-то приобрел вполне практический характер.

¹² См.: Beyer Ch. Wo 1st die Parum – Schultze – Chronik? // Elbe Jeetzel Zeitung, 1995. 14. November; Лазарева Т. Г. Да здравствует земля славян! // Вечерний Петербург, 1996. 17 мая.

Об этом свидетельствовало февральское директора лейпцигского Центра профессора Винфрида Эберхарда, которыми А. С. Мыльников официально приглашался в Германию на два месяца в качестве гостя Центра для разысканий в библиотеках и музеях, встреч с немецкими этнографами и славистами, в том числе в Мекленбурге, с целью окончательной научной и организационной подготовки задуманных полевых исследований в рамках проекта «Germania Slavica». Такая поездка, благополучно состоявшаяся с 6 апреля по 6 июня, способствовала определению проблематики, методики и, что очень существенно, маршрута российско-немецкой этнологической экспедиции.

При работе «в поле», как и в любом исследовании, необходимо определить отправные положения, которые можно назвать точками отсчета. В нашем случае к ним относились, во-первых, общие принципы подхода (вопросы методологии); во-вторых, оценка объема и уровня информационной обеспеченности (вопросы источниковедения и историографии); в-третьих, система конкретных научно-организационных действий (вопросы методики). Эти точки отсчета и были положены в основу научного обоснования, организации, выбора места и времени проведения полевой этнологической работы в Северной Германии.

1. *Вопросы методологии.* По смыслу целей и задач полевой деятельности в центре внимания участников этнологической экспедиции находилась проблематика этнической истории подлежащего обследованию региона. Принимая во внимание междисциплинарность проекта «Germania Slavica», частью которого эта деятельность являлась, предусматривалось привлечение данных ряда смежных областей знания, в частности таких, как история, археология, лингвистика, демография, экология и психология. При этом исходными были следующие постулаты:

1) этнические миграции и смешения составляют одну из универсальных этнокультурных закономерностей;

2) не существует так называемых этнически «чистых» народов, представления о которых суть проявления либо невежества, либо расистского мифотворчества;

3) мировая этническая история является вечным движением, в ходе которого определенные этносы возникают, функционируют и прекращают свое самостоятельное бытие, а их представители, меняя этническую ориентацию, включаются в новые этнические общности;

4) этнические культуры не исчезают полностью и бесследно, но в том или ином объеме и виде входят в культурные системы этносов- преемников;

5) вследствие миграций и смешений на одной и той же территории в разные исторические эпохи могли проживать различные народы, оставляя память о себе в виде тех или иных материальных или духовных реликтов;

6) этнокультурные традиции, носителем которых являются люди, могут иметь как моноэтнический, так и полиэтнический характер, а в их трансляции участвуют не только этнические, но и территориальные факторы;

7) целеполагающей сердцевиной этнических процессов выступает этническое самосознание, ведущими компонентами которого являются самоназвание (экзо- и эндоэтнонимы), самоотнесение (этническая идентификация) и самоутверждение (этнический менталитет), каждый из них, генерируясь не обязательно синхронно, на стадии зрелости этноса образует взаимосвязанную этнопсихологическую систему;

8) язык, будучи важнейшим коммуникативным средством, играет роль одного из определителей этнического самосознания лишь в совокупности с другими элементами этничности, объективирующимися через различные материальные и духовные формы человеческой культурной деятельности. Опыт показывает, что именно эта деятельность, а не обязательно только язык, способна

объективировать угасающее самосознание ассимилируемой этнической общности.

II. *Вопросы источниковедения и историографии.* Разумеется, обе эти вспомогательные исторические дисциплины имеют свой предмет рассмотрения. Но все же в нашем случае возникает ряд вопросов эвристического характера, имеющих вполне практическое значение. Самый важный: как корректно размежевать «источники» и «историографию»? Поясним на примере, скажем, изданных в XVI в. книг мекленбуржцев Альберта Кранца (ум. 1517) или Маршалка Туриуса (ум. 1526). Как сочинения, стоявшие по сути дела у истоков изучения этнической истории полабских славян в Германии, они безусловно должны рассматриваться как часть историографии темы. Однако авторы этих сочинений, наряду с использованием письменных источников, выявленных к тому времени, сообщали и о современных им данных, почерпнутых из личной осведомленности о сохранении в некоторых областях Мекленбургского герцогства славянских насельников с их языком и традиционными обычаями. Эти свидетельства современников для понимания сложных процессов славяно-немецкого этнокультурного синтеза в Северной Германии раннего Нового времени сами по себе являются первичными источниками. То же относится и к последующим свидетельствам немецких авторов, в которых история расселения северогерманских вендов сочеталась с фиксацией сохранения здесь их убывающих остатков вплоть до XVII–XVIII вв., а позднее сразмышлениями о топонимических и других славянских реликтах¹³. Очевидно, что при таком подходе история изучения этой группы полабских славян неразрывно переплеталась с источниковыми данными по этнической истории Северной Германии в Новое время. Иными словами, собственно историографические аспекты, отражавшие историю изучения вопроса, одновременно оказывались включенными в сферу источниковедения.

Не совсем традиционная ситуация заставила избрать такую эвристическую методичку, которая обеспечила бы оптимально прагматические результаты. А это означало, что источниковедение и историографию интересующей проблемы следовало рассматривать комплексно как некую общую базу информационного обеспечения полевого этнологического исследования. На начальной стадии камеральных разысканий, независимо от формальной классификации («источниковедение» и/или «историография»), следовало организовать своего рода «банк данных», в который вошли бы носители нужной информации.

К числу таковых после тщательного изучения репертуара немецкой (с особым вниманием к региональной) печати были избраны: для XVI–XVIII вв. труды справочно-энциклопедического характера, а для последующего времени – научно-краеведческая периодика. Критерий такой избирательности был простым: именно в подобных изданиях, с одной стороны, кумулировался опыт предшествующих разработок, а с другой – фиксировались материалы текущих изучений и наблюдений, относившихся к интересовавшим нас аспектам эволюции проблематики славяно-немецкого этнокультурного синтеза. Одновременно такой подход давал возможность проследить динамику накопления эмпирического материала¹⁴.

¹³ *Мильников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI–начала XVIII века. СПб., 1996. С. 108–113; *Мильников А. С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы: Представления об этнической номинации и этничности XVI–начала XVIII века. СПб., 1999. С. 36–37.

¹⁴ Этот подход был разработан и реализован в статье: *Мильников А. С.* Полабские славяне в научной мысли Германии конца XVII–первой половины XVIII в.: к вопросу о генезисе банка

Показательны, например, сдвиги в словниках таких авторитетных немецких энциклопедий первой половины XVIII в., как «Allgemeines historisches Lexikon» (Leipzig, herausgegeben von J. F. Buddeus, 1709–1730. Aufl. 1–3) и «Grosses vollstaendiges Universal-Lexicon aller Wissenschaften und Kuenste» (Leipzig; Halle, herausgegeben von J. H. Zedler, 1732–1750). Если, скажем, в первом издании «Лексикона» Будея (1709) по интересующей нас проблематике была лишь одна статья о полабских славянах («Wenden»), то в двух последующих изданиях к ней добавились статьи об ободритах («Obotriti») и лужицких сербах («Sorben»). Эти статьи вошли затем в «Лексикон» Цедлера с добавлением статьи о древянах Вендланда. Приведем ее текст: «Дравен, определенная местность в Люнебургском герцогстве между Даненбергом, Ульценом и Люховом, и между здешними реками Ильменау и Етце, жители которой являются остатками тамошних древних ободритов-вендов, которые еще и поныне говорят на славянском и вендском языке, а также придерживаются многих языческих и суеверных дел» (Т. 7. С. 1411). Если отвлечься от некоторых неточностей и возможных опечаток (вроде славянского и (?) вендского языка), то приведенная статья важна известием о сохранении в Вендланде первой половины XVIII в. остатков славянского населения. В названных «Лексиконах» можно найти сведения о вендских поселениях, крепостях, князьях, а также о Радегасте, Свантовите и других персонажах языческого пантеона полабских славян.

В XIX в. эта проблематика из «большой» историографии перешла руки краеведов. Для Мекленбурга ведущее место в освещении вендской темы заняло Общество мекленбургской истории и древностей, начавшее с 1836 г. регулярно выпускать «Ежегодники» («Jahrbuecher des Vereins fuer mecklenburgische Geschichte und Alterthumskunde»), издание которых прекратилось во время Второй мировой войны. На протяжении нескольких десятилетий душой разработки темы мекленбургских (и соседних с ними) славян являлся Кристиан Фридрих Лиш (1801–1883). Благодаря его инициативе и при личном активном участии на страницах «Ежегодников» были рассмотрены, а во многих случаях впервые серьезно поставлены такие вопросы, как длительность сохранения в Мекленбурге и Вендланде языка, обычаев и элементов фольклора древян; отражение славянского наследия в мекленбургской ономастике; адаптация материальных и духовных традиций ассимилировавшихся полабов в современной авторам «Ежегодников» немецкой народной культуре.

Проблематика эта, существенная сама по себе, сочеталась с первых же томов «Ежегодника» с рассмотрением ряда вопросов нижненемецкой этнокультурной истории. Так, уже в 1837 г. была опубликована статья пастора Muessaeus zu Hansdorf «О низших сословиях в равнинных частях герцогства Мекленбург-Шверин». Автор отмечал, что представители высших сословий в больших и малых городах носят одежду иностранного покроя, в то время как сельские жители Западного Мекленбурга пользуются традиционным костюмом, сохранившим черты своеобразия с точки зрения как внешних форм, так и применяемого материала, который крестьяне либо покупают в городах, либо изготавливают сами¹⁵. То, что интерес к особенностям местной культуры не был случайным, достаточно ясно сформулировал сам Лиш. Отметив, что вопрос о названиях древнейших поселений как отражении их истории «в нашем Отечестве обсуждается больше, нежели какое-нибудь другое историческое событие», Лиш пояснял: «Каждый стремится прежде всего с помощью исторических событий

информации // Letopis. Jahresschrift des Instituts fuer sorbische Volksforschung, 1990. R. «B». № 37. S. 16–22.

¹⁵ См.: Muessaeus zu Hansdorf. Ueber die niedern Staende auf den flachen Lande in Mecklenburg-Schwerin // Jahrbuecher, 1837. Bd. 2. S. 107–108.

оживить землю, на которой живет и трудится»¹⁶. Насколько убедительным оказалось такое объяснение, подтверждает статья некоего Р. Асмуса из города с характерным славянским названием Тетеров, опубликованная в журнале «Мекленбург» в 1929 г. Описав некоторые примеры отражения следов поселений и культуры древних славян в топонимике Тетерева и округи, автор замечал: «Удивительно, что, несмотря на массивную переработку последних следов вендского населения вследствие обратного германского движения на эти земли в XII–XIII вв., в отдельных местах смогли сохраниться достойные упоминания вендские традиции»¹⁷. Суждение, подобное приведенному, в XIX–начале XX в. не были чем-то исключительным. О многих славянских вкраплениях в планировку деревень, орудия труда, одежду, аграрную и семейную обрядность, фольклор и другие материальные и духовные формы народной культуры Мекленбурга (отчасти и соседних с ним Вендланда и Бранденбурга) писали не только ученые, но и любители-краеведы.

Новую страницу в истории изучения славянского наследия в северогерманской народной культуре открыл Ханс Витте (Hans Witte). Выступая 26 апреля 1904 г. в Шверине с докладом «Остатки вендского населения в западном Мекленбурге», Витте отмечал: «Вопрос о том, каким образом венды, населявшие всю нашу страну, полностью бесследно и, как представляется на первый взгляд, внезапно могли из Мекленбурга исчезнуть, зачастую противоречит научному и понятному объяснению»¹⁸. Обращая внимание прежде всего на ономастику, Витте в серии последующих работ показал, что местное славянское население не исчезало и не разбегалось в непонятном направлении, как до него часто считалось, а, оставаясь в местах своего расселения, постепенно германизировалось, превращаясь по языку, культуре и образу жизни в немцев¹⁹. Несмотря на известную политизацию его выводов в конце 1920–начале 1930-х гг., именно Витте принадлежала заслуга первому взглянуть на проблему северогерманских вендов с точки зрения эволюции немецкого этноса. Именно такой подход Витте применил в фундаментальной «Мекленбургской истории» (1909–1913)²⁰, которую, заметим, в переработанном и дополненном по новейшим данным виде опубликовал в 1968 г. Манфред Хаман²¹.

Примечательно, что, опубликовав упомянутую статью Витте, издатель журнала Арним Тилле высказал глубокую мысль о том, что история колонизации и германизации восточных земель Германии «еще нуждается в изучении» и потому должна рассматриваться в рамках языковых границ от XII до XIX в.²² О необходимости серьезной научной разработки немецко-полабского этнокультурного синтеза писал в 1916 г. (!) немецкий этнограф Отто Лауфер²³. Можно сказать, что перспективная идея этнологического подхода к истории и

¹⁶ *Lisch G. C. F.* Die Burg Dobin und die Doepe bei Hohenss Bicheln // *Jahrbuecher*, 1840. Bd. 5. S. 123.

¹⁷ *Asmus R.* Spuren wendischer Siedlung und wendischen Kultes in der Flurnamen der Feldmark Teterow und ihres naechsten Umgebung. Ein Beitrag zur Kultur – und Zeitgeschichte des letzten wendischen Volkstums in oestlichen Mecklenburg // *Mecklenburg*. 1929. № 1. S. 5.

¹⁸ *Witte H.* Wendische Bevoelkerungsreste im westlichen Mecklenburg // *Deutsche Geschichtsblätter. Monatsschrift zur Forderung der landesgeschichtlichen Forschung*, 1904. Bd. 5. S. 219.

¹⁹ См.: *Witte H.* Slawische Reste in Mecklenburg und an der Niederelbe // *Der Ostdeutsche Volksboden*. Hg. von W. Volz. Breslau, 1926. S. 192–205. *Witte H.* Von Mecklenburgische Geschichte und Volksart. Rostock, 1931–1932.

²⁰ См.: *Witte H.* Mecklenburgische Geschichte. Wismar, 1909. Bd. I. S. 7–23.

²¹ См.: *Hamann M.* Mecklenburgische Geschichte... Auf der Grund von Hans Witte neu bearbeitet. Koeln; Graz, 1968.

²² См.: *Tille A.* Nachwort // *Deutsche Geschichtsblätter*. 1904. Bd. 5. № 1. S. 235.

²³ См.: *Lauffer O.* Niederdeutsche Volkskunde. Leipzig, 1917. S. 15.

культуре северополабских славян, причем не только в древности, но и вплоть до XX в., уже тогда носилась в умах ряда немецких ученых, будучи в разные годы так или иначе затронутой Р. Воссидло и Р. Олешом²⁴. К сожалению, в полной мере она была не только не реализована, но отчасти и забыта.

Тем не менее мы не могли не учитывать современного состояния изученности в немецкой науке общей картины немецко-славянских (полабских) взаимосвязей и их культурных последствий начиная с раннего Средневековья. С этим сочетался и вопрос о культурной преемственности в условиях протекавшего на протяжении многих столетий процесса ассимиляции славянских племен в Северной Германии. Тем более что этот вопрос в немецкой этнографической науке все же ставился. «Славянское, нижненемецкое, верхненемецкое, – писал, например, в 1988 г. немецкий этнограф У. Бенцин, – влились в мекленбургскую народную культуру, причем не только в языковой сфере. Их содержание касается иноэтнических моментов, особенностей внутриэтнических компонентов и общих национальных элементов, которые оказывали свое влияние в ходе исторического развития». В качестве одного из вероятных примеров названа адаптация в мекленбургской деревне мотыги (Naken) определенного вида – орудия труда, применявшегося некогда в сельскохозяйственной деятельности ассимилированных полабских славян²⁵. В этой связи для подготовки полевой работы в Ябельхайде значительный интерес представляли результаты этнографической экспедиции 1956 г., проведенной здесь лейпцигским Государственным музеем этнографии. Хотя задачи, сходной с нашей, перед участниками той экспедиции не стояли, собранные тогда сельскохозяйственные орудия и предметы крестьянского быта, в основном XIX–начала XX в., позволяли сделать некоторые наблюдения, касательно перемен в современном культурном ландшафте Ябельхайде²⁶.

При подготовке будущей экспедиции мы опирались на многие гипотезы, наблюдения и выводы наших предшественников. Но здесь возникали вопросы методики полевой работы, которые перед ними просто не стояли.

III. *Вопросы методики.* Выбор той или иной методики любого, в том числе и полевого этнографического, исследования зависит от намеченных целей и задач. В нашем случае, как отмечено выше, речь шла о выявлении места и значимости славянского наследия в немецкой народной культуре: где, когда, какое?

Ответ на первых два вопроса был сформулирован на основе предварительного обращения к немецкой этнической истории в той мере, в какой в ней прослеживается славянский (полабский) элемент. При этом соблюдался ряд ограничительных условий. Во-первых, это должна быть территория, на которой сопоставительно с другими частями Германии процесс онемечивания славянского населения протекал более замедленными темпами при возможно минимизированном воздействии массовых миграций периодов Тридцатилетней войны XVII в. и двух мировых войн века двадцатого. Во-вторых, это возможность документированного определения динамики и хронологии массовой смены этнокультурной ориентации стабильно проживавшего здесь населения. В-третьих, это наличие не только достоверной письменной диахронической информации относительно особенностей обследуемой территории, но и живых следов

²⁴ См., напр.: *Wossidlo R.* Erntebraeuche in Mecklenburg. Naumburg, 1928. S. 4; *Schwebe J.* Volksglaube und Volksbrauch im Hannoverschen Wendland. Koeln Gratz, 1960. S. 1–2; *Olesch R.* Zum Drawenopolabischen im Hannoverschen Wendland // *Wendland und Altmark in historischer und sprachwissenschaftlicher Sicht.* Zueneburg, 1992. S. 102.

²⁵ См.: *Mecklenburgische Volkskunde.* Hg. von U. Bentzien, S. Neumann. Rostock, 1988. S. 10, 16.

²⁶ См.: *Kupfer Chr.* Bericht über eine Sammelreise in Sudwesten Mecklenburgs (Jabelheide) // *Jahrbuecher des Museums fuer Volkerkunde zu Leipzig.* Berlin, 1956. Bd. 15. S. 118–138. В настоящее время собранная коллекция хранится в музее города Хагенау (Hagenow).

немецко-славянского этнокультурного синтеза в исторической памяти местного коренного населения.

По результатам предварительной проработки этим условиям как раз и отвечали два упоминавшихся выше региона Северной Германии: Ябельхайде и Вендланд. Забегая вперед, можно констатировать правильность намеченного выбора в целом, хотя его нельзя считать исчерпывающим: не менее плодотворными могут оказаться будущие полевые исследования в Восточном Гольштейне, Люнебургской пустоши и ряде примыкающих к ним территорий. Что же касается третьего вопроса о том, какое место занимает (и занимает ли вообще) славянское наследие в северогерманской народной культуре, то ответ на него мог быть дан лишь по результатам экспедиции, чему и была подчинена принятая нами методика.

Она базировалась на традициях русской полевой этнографической практики, одним из определяющих элементов которой является вживание исследователя в изучаемую среду и установление на этой основе доверительных отношений с информантами. Такой подход проявился, во-первых, в тактике общения с населением и, во-вторых, в организации быта экспедиции.

Что касается первого, то с самого начала подготовительной работы мы решительно отказались от весьма распространенного в настоящее время метода, когда опрашиваемому предлагается на выбор несколько вариантов ответа. Приемлемый при тестировании, такой метод в полевом исследовании едва ли способен привести к получению объективных результатов, поскольку заведомо ограничивает информанта и фактически навязывает ему желательный (к тому же априорно, а потому нередко ошибочно сформулированный) ответ. Альтернативой является метод свободного интервью, в ходе которого информант может неожиданно сообщить сведения, о которых ни исследователь, ни он сам поначалу не думал. Таково свойство человеческой памяти, для которой (как одно из обыденных проявлений так называемого эпического сознания!) характерно выстраивание ассоциативного ряда. «Ассоциативная связь представлений, – подчеркивал выдающийся российский психолог Л. С. Выготский, – в том и заключается, что одно представление вызывает другое, которое с ним связано по смежности или времени»²⁷. Вызвать в памяти информанта такую связь «по смежности или времени» – задача интервьюера, трудная и, увы, далеко не всегда достижимая.

Впрочем, свободное интервью не означает спонтанной и бессистемной беседы. Наоборот, интервьюер при подготовке к ней должен по возможности составить представление о психологическом типе информанта (возраст, пол, социальное положение, род занятий и профессиональных интересов, интеллектуальный уровень, характер и т. д.) И, разумеется, определить круг вопросов, которые в процессе интервьюирования желательно выяснить. Последнее особенно важно при более или менее массовых опросах для последующего сопоставительного и критического анализа их результатов.

С этой целью в 1997 г. М. А. Рубцова подготовила методическую разработку, построенную на основе полевого опыта российских этнографов. Эта разработка включала более 300 вопросов, касавшихся общей характеристики обследуемого региона, его демографии, занятий и особенностей традиционной культуры населения. Этот документ, носивший примерный характер, являлся своего рода желательной программой- максимум (ЭА. № 4). Но, поскольку сразу все охватить было невозможно, а с чего-то приходилось начинать, было решено ограничиться вопросами этнокультурного самосознания, а также такими традиционными

²⁷ *Выготский Л. С. Собрание сочинений. М., 1982. Т. 2. Проблемы общей психологии. С. 395.*

материальными и духовными формами деревенской культуры, как жилище, одежда и праздничные обычаи. Впрочем в ходе экспедиции удалось получить интересные данные, о которых поначалу ее участники и не помышляли. Это лишний раз подтвердило правильность избранного методического подхода.

Что же касается бытовой стороны дела, то был применен радиальный принцип: участники экспедиции совершали заранее намеченные выезды в окружающие деревни, базируясь стационарно в определенном месте. В Ябельхайде это была деревня Лаупин (Laupin), дом владельца Автомастерской Фолкера Тутаса (Volker Tuttas); в Вендланде – деревня Баузен у Кленце (Bausen bei Clenze), дом крестьянина-пенсионера, художника-графика Хермана Шульце (Hermann Schulze). Необходимо подчеркнуть, что значительную помощь в определении круга информантов оказали местные средства массовой информации, а также протестантские пасторы, которые были заранее предупреждены лейпцигским Центром о нашем приезде и целях экспедиции.

Так идея полевого исследования мест бывшего расселения северополабских славян, ставших немцами, возникнув в начале 1990-х гг. в Санкт-Петербурге, получила в последующие годы реальную поддержку со стороны немецких коллег, пройдя медленно, но уверенно путь от замысла до реализации. Предыстория экспедиции завершилась 10 сентября 2000 г. С этого времени она стала фактом истории этнографической науки.